Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ:

концептуальные подходы и опыт практического исследования процессов адаптации и интеграции

•

МОНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

•

•

Ставрополь
2017

УДК 314.72 (470.6)
ББК 60.54 (235.7)
И 683

Редакционная коллегия: **Белозеров В.С.,** докт. геогр. наук, профессор СКФУ (председатель);
Щитова Н.А., докт. геогр. наук, профессор СКФУ;
Соловьев И.А., канд. геогр. наук, доцент СКФУ.

Ответственный
за выпуск: **Соловьев И.А.,** доцент СКФУ.

И 683 **Иностранные** мигранты в России: концептуальные подходы и опыт практического исследования процессов адаптации и интеграции : монографический сборник / под ред. проф. В.С. Белозерова, проф. Н.А. Щитовой. — Ставрополь : ФОК-ЮГ, 2017. — 242 с. ; ил.

ISBN 978-5-9906131-6-4

В сборнике представлены материалы исследования научной школы «Трансформация воспроизводства, расселения и образа жизни населения», проведенного при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

Монографический сборник рекомендуется ученым, специалистам-практикам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами миграции. Статьи публикуются в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2017
ISBN 978-5-9906131-6-4
© Издательство «ФОК-Юг», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ

Щитова Н.А., Соловьев И.А., Чихичин В.В. Концептуальные подходы к изучению адаптации и интеграции иностранных мигрантов 7

Соловьев И.А., Щитова Н.А. Комплексный социально-географический подход к изучению пространственно-временных особенностей процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов 29

Супрунчук И.П. Геоинформационный мониторинг как инструмент сравнительно-географического анализа миграционных процессов в муниципальных районах Ставропольского края 37

Тикунов В.С., Белозеров В.С., Черкасов А.А., Геоинформационный мониторинг этнодемографических и миграционных процессов в регионе 51

Глава II. ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИИ В РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ

Белозеров В.С., Черкасов А.А. Региональные особенности формирования этнической структуры населения и демографических процессов в России 73

Жиренко Г.Н., Овсянников Е.И. Миграционные процессы в Нефтекумском районе 83

Жиренко Г.Н. Влияние миграции на демографическое развитие Ставропольского края 90

Зольникова Ю.Ф. Миграционные процессы и расселение армян в России до начала XX века 99

Зольникова Ю.Ф. Миграционное настроение населения Республики Армения (на примере Лорийской области) 104

Белозеров В.С., Черкасов А.А., Чихичин В.В. Гармонизация межэтнических отношений: общероссийская официальная структура и региональный опыт (на примере Ставропольского края) 109

Глава III. АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ: АПРОБАЦИЯ МЕТОДИК И РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Овсянников Е.И., Чихичин В.В., Чихичина Л.А. Иностранные мигранты в российском медийном пространстве: образ в СМИ и взаимодействие в социальных сетях 121

Щитова Н.А., Черкасов А.А., Белозеров В.С., Чихичин В.В. Проблемы адаптации и интеграции иммигрантов в региональные сообщества в постсоветский период (на примере Ставропольского края) 136

Чихичин В.В., Соловьев И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С. Иностранные студенты в Ставропольском крае: особенности на российском фоне 149

Соловьев И.А. Проблемы адаптационно-интеграционных процессов иностранных студентов из стран ближнего зарубежья в Ставрополе 163

Белозеров В.С., Зольникова Ю.Ф., Черкасов А.А. Армянская диаспора в России: адаптация и интеграция — историко-географический анализ 166

Соловьев И.А. Региональные аспекты мигрантофобии на Северном Кавказе 183

Соловьев И.А. Внутрирегиональные особенности адаптации и интеграции иммигрантов в Ставропольском крае 191

Соловьев И.А. Территориальные особенности адаптационно-интеграционных процессов иностранных трудовых мигрантов в Ставропольском крае 207

Соловьев И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С. Стратегии адаптивно-интеграционного поведения иностранных мигрантов на Ставрополье 213

Щитова Н.А. Адаптационно-интеграционные модели иностранных мигрантов 227

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 239

TABLE OF CONTENTS

Chapter I. CONCEPTUAL APPROACHES AND METHODOLOGY FOR STUDYING ADAPTATION AND INTEGRATION OF FOREIGN MIGRANTS

Schitova N.A., Soloviev I.A., Chikhichin V.V. Conceptual approaches to studying adaptation and integration of foreign migrants 7

Soloviev I.A., Schitova N.A. A comprehensive socio-geographical approach to studying of spatial & temporal features of adaptation and integration of foreign migrants 29

Supruncuk I.P. Geoinformational monitoring as an instrument for comparative-geographic analysis of migration processes in the municipal districts of the Stavropol Region 37

Tikunov V.S., Belozerov V.S., Cherkasov A.A. Geoinformational monitoring of ethno-demographic and migration processes in the region. 51

Chapter II. POLY-SCALE ANALYSIS OF MIGRATION IN RUSSIA: SPATIAL & TEMPORAL FEATURES AND ETHNIC MIGRATIONS

Belozerov V.S., Cherkasov A.A. Regional features of the population's ethnic structure development and demographic processes in Russia 73

Zhirenko G.N., Ovsyannikov E.I. Migration processes in the Neftekumsky Area 83

Zhirenko G.N. Impact of migration on the demographic development of the Stavropol Region 90

Zolnikova Yu.F. Migration processes and settlement of Armenians in Russia before the early XX Century 99

Zolnikova Yu.F. Migration attitudes in the republic of Armenia (example of the Lori Area) 104

Belozerov V.S., Cherkasov A.A., Chikhichin V.V. Harmonization of interethnic relationships: the all-Russian official structure and regional experience (example of the Stavropol Region) 109

Chapter III. ADAPTATION AND INTEGRATION OF FOREIGN MIGRANTS: TESTING METHODS AND OUTCOMES OF PILOT RESEARCH

Ovsyannikov E.I., Chikhichin V.V., Chikhichina L.A. Foreign migrants in the Russian media: the image in the media and interaction in social networks 121

Schitova N.A., Cherkasov A.A. Belozerov V.S., Chikhichin V.V. Issues of adaptation and integration of immigrants in regional communities in the post-Soviet era (example of the Stavropol Region) 136

Chikhichin V.V., Soloviev I.A., Schitova N.A., Belozerov V.S. Foreign students in the Stavropol Region: specific features on the Russian background 149

Soloviev I.A. Issues of adaptation and integration processes of foreign students from the ex-Soviet Republics in Stavropol 163

Zolnikova Yu.F., Belozerov V.S., Cherkasov A.A. Armenian Diaspora in Russia: adaptation and integration – historical and geographical analysis

Soloviev I.A. Regional aspects of migrantophobia in the North Caucasus 166

Soloviev I.A. Territorial features of adaptation and integration of immigrants in the Stavropol Region 183

Soloviev I.A. Territorial features of adaptation and integration of foreign labor migrants in the Stavropol Region 191

Soloviev I.A., Belozerov V.S., Schitova N.A. Strategies for adaptive & integration behavior of foreign migrants in the Stavropol Region

Schitova N.A. Adaptation & integration models of foreign migrants 227

ABOUT THE AUTHORS 239

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ

ГЛАВА 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ*

ЩИТОВА Н.А., СОЛОВЬЕВ И.А., ЧИХИЧИН В.В.

Миграция — один из главных вызовов современной мировой повестки дня. Рост миграционных потоков обостряет проблемы культурной и поведенческой совместимости новоселов с местным населением, что особенно актуально в случаях этнических миграций. Миграционные процессы становятся неотъемлемой составной частью российской повседневной жизни и достаточно ощутимо на нее влияют. Более того, по всем имеющимся экспертным прогнозам, объемы внешней миграции в российские регионы будут только возрастать, усиливая этнокультурную гетерогенизацию демографической структуры населения и обостряя связанные с этим проблемы.

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

Важной составляющей миграционных процессов является адаптация и интеграция мигрантов. В условиях увеличения масштабов международной миграции, роста дистанции между культурными ценностями отдающих и принимающих сообществ актуализируется разработка концептуальных основ адаптации и интеграции иностранных мигрантов.

В условиях снятия «железного занавеса» в начале 1990-х гг. в отечественной традиции стала формироваться методология изучения адаптации и интеграции иностранных мигрантов. На современном этапе выросла целая плеяда ученых, областью научных интересов которых являются проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Разработкой исследуемой проблематики занимаются представители всех без исключения гуманитарных дисциплин: историки, социальные географы, экономисты, демографы, политологи, социологи, антропологи, правоведы, психологи, педагоги (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ И АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ

Ученые	Виды миграции	Территории	Теоретико-методологические основы
Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В., Мукомель В.И., Вендина О.И., Зайончковская Ж.А., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Молодикова И.Н., Вишневский А.Г., Витковская Г.С., Паин Э.А., Малахов В.С., Лебедева Н.М., Ионцев В.А., Воробьева О.Д., Юндина Т.Н., Ивахнюк И.В., Савоскул М.С.	Трудовая миграция, вынужденная миграция, учебные миграции, международная миграция	Мир, Субрегионы, Россия, регионы России, приграничные территории России, мегаполисы и крупнейшие города	Концепции «Стадий миграционного процесса», «Миграционных систем», «Мультикультурализма», «Аккультурации», «Интеркультурализма», «Культурного плюрализма», «Толерантности», «Стратегии адптации и интеграции мигрантов», «Идентичности». Научное направление «Миграциология». Методология исследования вынужденной миграции, миграции и безопасности, геоинформационного мониторинга, моделирования адаптационно-интеграционных процессов миграции населения

Одной из первых основополагающих работ в этой области стало фундаментальное исследование Л.Л. Рыбаковского «Стадии миграционного процесса», в котором он сформулировал основные теоретико-методологические положения по изучению миграций в виде концепции *трех стадий миграционного процесса*. Ключевое значение в этой концепции автором отводится приживаемости новоселов как заключительной стадии миграционного процесса. В своей работе проф. Л.Л. Рыбаковский, анализируя исследовательские идеи предшественников, включает в структуру приживаемости адаптационную компоненту. Это позволяет ему сформулировать определение новой важной категории — «обустройство новоселов» (процесс достижения новоселами уровня благосостояния старожилов)[1].

С.В. Рязанцев продолжил исследования в контексте концепции трехстадийности миграции и уделил особое внимание понятиям «интеграция» и «приживаемость»[2]. В его исследованиях широко используется социологический инструментарий (анкетирование, интервьюирование, изучение мигрантских историй), а также методы моделирования[3]. В начале 1990-х гг., в связи с преобладанием стрессовых факторов миграции, складываются концептуальные подходы к исследованию проблем вынужденных мигрантов[4].

---

1 Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса // Миграция населения. — Вып. 5. — М., 2001. — С. 116–140.

2 Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказе. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — С. 186–233.

3 Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию Экономико-социологическое исследование. — М.: Научный мир, 2011. — С. 72, 108.

4 Амелин В. Социальная адаптация вынужденных переселенцев в полиэтническом регионе России (социологический аспект) // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 777–788.

В последние десятилетия тематика адаптации и интеграции мигрантов становится предметом широкой научной дискуссии. Заметно расширяется исследовательское поле миграциологической проблематики. Как справедливо отмечает В.И. Мукомель, в 1990-е годы особое внимание уделялось территориям массового притока мигрантов на Юге России. Для 2000-х гг. характерно расширение географии исследований и акцентирование внимания на отдельных этнических мигрантских группах, миграционных ситуациях в мегаполисах и крупнейших городах. В поле зрения аналитиков попадают не только отдельные этнические группы, но и специфические контингенты, например, студенты[5].

Углубление и расширение миграционной проблематики потребовало разработки новых исследовательских инструментов и методических приемов. Коллектив авторов под руководством Г.С. Витковской и С.А. Панарина начал широко применять методы ключей и массовых социологических опросов разных категорий мигрантов, акцентируя внимание на таких индикаторах адаптации, как конфликтность, конкурентность, контрастность[6]. В условиях возросшей роли миграционной компоненты в формировании населения складывается методология изучения демографических аспектов проблемы адаптации и интеграции мигрантов[7].

Быстрый рост миграционной привлекательности России, вызвавший массовый приток иностранных мигрантов, не только трудовых, но и переселенцев, обострил проблемы национальной бе-

---

5 Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов / Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. I. Ч. 1 / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. — М., 2013. — С. 697.

6 Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Моск. центр Карнеги. — М., 2000. — С. 227–266.

7 Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов; ответ. ред. Ж.А. Зайончковская. Т. 1. Ч. 1. — М., 2013. — С. 44–49.

8 Berry J.W. Acculturation in a New Society // international Migration. Vol. 30. 1992; Berry J. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychologi: An international Review. — Vol. 46(I).

зопасности и культурой совместимости. В связи с этим, исследования последствий миграционных процессов, процессов вхождения инокультурных мигрантов в новые сообщества выходят на первый план. Появление сравнительно новой для российской научной традиции проблематики обусловило обращение к мировому опыту. Особую актуальность приобрели труды по исследованию адаптационных стратегий мигрантов в рамках подхода Дж. Берри (J. Berry). Центральное место в его интеграционных моделях отводится категории аккультурации, которую он рассматривает как альтернативу ассимиляции[8]. Большой интерес вызвали труды, раскрывающие различные модели государственного регулирования интеграционных процессов (сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм), таких авторов как Дж. Хедли (J. Headley)[9], М. Вэйтерс (M. Waters), Т. Хименес (T. Jimenez)[10].

В российский научный оборот вводится понятие «активная миграционная политика», цель которой — оптимизация адаптационно-интеграционных процессов[11]. В этом ключе строят свои исследования социологи И.М. Кузнецов[12] и К.С. Мокин[13], определяя стратегии адаптационного поведения мигрантов в виде трех ос-

9 Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. — New Brunswick: Transaction Publishers. — 2012.

10 Waters M.C., Jimenez T.R. Assessing Immigrant Assimilation: New Empirical and Theoretical Challenges // Annual Review of Sociology, 2005. — 31 (1): pp. 105–125.

11 Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов в России / Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 692–700.

12 Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегалополиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — М., 2006. — С. 7, 19–20.

13 Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... докт. социол. наук. — Саратов, 2007. — С. 10.

новных сценариев: интеграционного, анклавного и адаптивного. По мнению И.М. Кузнецова, особенность интеграционного сценария адаптации состоит в том, что мигранты осознанно выбирают в качестве предпочтительных ценностей стандарты жизни принимающего сообщества и готовы соответствующим образом менять свои традиционные житейские навыки.

Анклавный сценарий адаптации задействуется в том случае, когда для мигрантов базовой диспозицией, не подлежащей изменениям, является ориентация на ценности своей традиции культуры. В этом случае принимающая среда рассматривается преимущественно как социально-экономический ресурс более комфортного существования в рамках своей культурной традиции[14].

Высокая актуальность проблем, связанных с нарастанием полиэтничности этнокультурной среды столичных мегаполисов, вызвала появление целого цикла работ, анализирующих вопросы интеграции мигрантов в Москве[15], и особенно в местах концентрации этнических мигрантов[16].

Социолог В.И. Мукомель считает, что ключевые детерминанты исследовательского аппарата советского периода — продолжительность пребывания на новом месте, социально-демографи-

---

14 Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегалополиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — М., 2006. — С. 22.

15 Арутюнян Ю. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 710–723; Тишков В. Рыночная экономика и этническая среда // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 736–746; Дробижева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 789–801.

16 Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. С. 747–762; Кузнецов И. Интеграционный потенциал мигрантов // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 725–735.

17 Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. I. Ч. 2. / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. — М., 2013. — С. 692–693.

ческие характеристики — ушли на второй план; более значимыми стали такие факторы, как этнический состав, страна происхождения мигрантов, их правовой статус[17]. Для выявления интеграционных стратегий этнических мигрантов, их дискриминации на рынках труда и жилья В. И. Мукомель использует комплекс оригинальных методологических приемов, в том числе контент-анализ СМИ, метод «провокации» работодателей, анализ текущего дискурса в российских экспертном, медийном и научном сообществах[18].

В последнее время большинство российских авторов обращает внимание на двусторонний характер интеграционного процесса, на важность учета готовности к интеграции принимающего социума. В этой связи возрастают актуальность и научно-практическая потребность в изучении мигрантофобии[19], ксенофобии и толерантности[20]. Теория изучения данного вопроса дополня-

18 Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. — М.: Диполь-Т, 2005. — С. 80–102, 216–234. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 763–774.

19 Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов; ответ. ред. Ж.А. Зайончковская. Т. 1. Ч. 1. — М., 2013. С. 65–72; Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве / Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов; ответ. ред. Ж.А. Зайончковская. Т. 1. Ч. 1. — М., 2013. — С. 321–340; Витковская Г. Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И. С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 883–908.

20 Дробижева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. I. Ч. 2. / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. — М., 2013. — С. 789–801; Лебедева Н. Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // Этнопанорама. — 2005. — №1–2. — С. 2–13.

ется анализом международного опыта интеграционной политики. Наибольший интерес в этом отношении представляют работы И.Н. Молодиковой по анализу индикаторов интеграционной политики стран Евросоюза[21].

Ряд работ по интеграции мигрантов в России выполнен в рамках популярной западной концепции мультикультурализма[22]. В исследованиях по культурной адаптации этнических мигрантов центральное место отводится проблеме идентичности[23]. Альтернативу мультикультурализму предлагает Э. Паин. Он считает, что для России более приемлема модель интеркультурализма, ориентированная на взаимодействие разных культур, развитие общих интересов у представителей различных этнических групп и формирование единой гражданской ответственности за свою страну[24]. Оригинальную трактовку трансформации мультикультурализма в «культурно плюрастические общества» развивает В.С. Малахов. При этом во главу угла он ставит культурное разнообразие, которое понимается как разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию[25]. В работах Н.М. Лебедевой акцент сделан на соци-

---

21 Молодикова И.Н. Направления развития миграционной политики интеграции в Евросоюзе // Сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции / под ред. В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. — С. 65–76.

22 Малахов В.С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. — М., 2002. — С. 48–60.

23 Тишков В. После многонациональности // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 804–819.

24 Паин Э.А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И.С. Иванов. Т. 1. Ч. 3. — М., 2013. — С. 30–36.

25 Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. I. Ч. 2 / под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. — М., 2013. — С. 710.

26 Лебедева Н.М. Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // Миграция в России 2000–2012 гг. Хрестоматия в 3 т. / гл. ред. И. С. Иванов. Т. 1. Ч. 2. — М., 2013. — С. 909–915.

ально-психологические факторы этнической толерантности-интолерантности[26].

В последние десятилетия появился ряд работ, в которых сделаны попытки моделирования процессов адаптации и интеграции мигрантов[27] и разработки типологий адаптивно-интеграционного поведения мигрантов.

Так, например, Т.Ф. Маслова и Г.Д. Гриценко выделяют четыре этапа вхождения мигрантов в региональные сообщества (предварительный, адаптационный, модификационный, результирующий), в ходе которых формируются различные интегративные качества мигрантов[28].

Коллективом ставропольских исследователей при участии авторов данной статьи выделены четыре типа адаптивного поведения этнических мигрантов:

---

27 Щитова Н.А. Концептуальные подходы к изучению адаптации и интеграции мигрантов в региональные сообщества // Миграционные процессы в России: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции и расширенного заседания Общественно-консультативных советов при УФМС России по Ставропольскому краю, Республики Северной Осетии — Алании и Кабардино-Балкарской Республике / под ред. В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь, 2014. — С. 82–83.

28 Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Методологические подходы к изучению интеграции мигрантов (на примере вынужденных переселенцев) // Миграционные процессы в России: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции и расширенного заседания Общественно-консультативных советов при УФМС России по Ставропольскому краю, Республики Северной Осетии – Алании и Кабардино-Балкарской Республике / под ред. В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь, 2014. — С. 85–86.

— «пассивный»,
— «сдержанно-активный»,
— «повышенной активности»,
— «интерактивный независимый»[29]

— и обоснованы основные модели адаптации мигрантов: инертная, активная и девиантная, каждая из которых, в свою очередь, имеет различные модификации[30].

Необходимым условием изучения адаптации мигрантов является определение ее критериев и показателей. Например, Н.В. Кондрашова выделяет следующие критерии: высокая, средняя и низкая степени адаптации, а также показатели социальной адаптации (социальные, экономические, социокультурные, правовые, социально-демографические, социально-психологические)[31].

Однозначного толкования категорий «адаптация» и «интеграция» в контексте миграций населения пока не выработано. Иногда эти термины употребляют как синонимы, иногда в них вкладывают некий антагонистический смысл. Кроме того, в научном дискурсе фигурируют еще и такие термины, как «приживаемость» и «ассимиляция». Предлагается, например, считать, что адаптация, приживаемость и ассимиляция означают различную степень вхождения отдельных групп мигрантов в социум принимающих территорий. Условно интеграция может быть разделена на полную интеграцию, базирующуюся на ассимиляции мигрантов, и частичную интеграцию, включающую в себя процессы адаптации и приживаемости.

На наш взгляд, понятия «адаптация мигрантов» и «интеграция мигрантов» тесно связаны между собой, описывая, по сути, один процесс, имеют общую родовую основу. В качестве такой основы могут выступать, например, понятия «вхождение», «включение», «инкорпорация». При этом мы предлагаем различать содержание понятий «социально-экономическая адаптация» и «этнокультурная интеграция».

Социально-экономическая адаптация —

процесс взаимодействия мигрантов с новой социально-экономической средой, в ходе которого, с одной стороны, происходит отбор наиболее адекватных, с точки зрения мигрантов, моделей поведения, обеспечивающих успешность их жизненных стратегий,

с другой — под их влиянием происходит трансформация региональных социально-экономических систем, появление в них новых элементов. Мы считаем, что адаптация связана, в первую очередь, с реализацией потребностей и интересов, направленных на экономическое выживание людей. Мигрант может приспособиться к жизни в новых условиях, решить проблемы, связанные с материальным благосостоянием, но при этом пребывать в условиях социальной исключенности, сохранять прежние ценности и правила поведения.

Этнокультурная интеграция —

процесс объединения иммигрантов с местным населением в единое целостное региональное сообщество с общими региональными интересами. Это такое взаимодействие различных групп, при котором, с одной стороны, снимается излишняя акцентуация этнической принадлежности, а с другой — обеспечивается культурная сохранность этнических групп. Предполагается культурный обмен между общностями с сохранением и развитием особенностей взаимодействующих культур. Процессы интеграции предполагают взаимное движение навстречу друг другу мигрантов и местных жителей. Условия социокультурной интеграции со сто-

---

29 Щитова Н.А., Белозеров В.С., Турун П.П., Эшроков В.М. Этнические особенности миграционного поведения и адаптации населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Сер. 5. География, 2003. — №4. — С. 52–57.

30 Щитова Н.А., Чихичин В.В. Теоретико-методологические аспекты географического исследования процессов адаптации и интеграции иностранных мигрантов // Наука. Инновации. Технологии. — Ставрополь, 2016. — №4. — С. 232–234.

31 Кондрашова Н.В. Социальное самочувствие вынужденных мигрантов: методология исследования // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.С. Белозерова. — Ставрополь, 2015. — С. 40.

роны мигрантов включают хорошее овладение языком принимающей стороны, стремление знать и принимать ценности местного сообщества, соответствовать ожиданиям и требованиям к ним как к членам данной территориальной общности, устанавливать контакты с представителями других этнокультурных групп.

В свою очередь, в принимающем социуме необходимо формировать институты, ориентированные на социализацию мигрантов, их интеграцию в региональные сообщества; создавать равные, как и для местного населения, социальные условия и требования; блокировать проявления ксенофобий или мигрантофобий; формировать интеркультурные компетенции в социуме. Одновременно необходимо понимать, что достижение интеграции — процесс длительный и не саморегулируемый. Необходима политическая воля, разработка стратегических положений и программ тактического управления с учетом региональной специфики. Следует также отметить, что в настоящее время институты адаптации мигрантов, а именно организации, занимающиеся приемом мигрантов, а также решением их проблем, являются исключением и существуют в единичных регионах. Однако в будущем такие институты должны развиваться для обеспечения лучших условий жизни как мигрантов, так и местного сообщества.

Накопленный междисциплинарный опыт, связанный с поиском решения проблемы адаптации и интеграции мигрантов[32], а также собственные исследования[33] позволяют обосновать некоторые методологические принципы их изучения. Эти принципы основаны на географических исследовательских подходах и согласуются с классическим пониманием географического мышления, основанного на комплексности, территориальности, конкретности и глобальности[34].

1. *Принцип сочетания разных методов исследования.*

Совместное использование социологических и статистических, количественных и качественных методов позволяет максимально комплексно проанализировать процессы, прямо или косвенно связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов. Источниками информации при этом служат как объективные, статистические данные, материалы всевозможных докладов и отчетов, так и субъективные данные, полученные в ходе социологических иссле-

дований. При этом количественные социологические методы дополняются качественными исследованиями (анализ мигрантских историй, проведение фокус-групп, опросы экспертов, в качестве которых могут выступать представители властных структур, главы диаспор, крупные предприниматели, работники ФМС, служб занятости и т. д.). Возможно проведение исследований методом погру-

32 Битюкова Д.П. Расселение иммигрантов как фактор социальной стратификации европейских столиц // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2013. — № 2. — С. 31–37; Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России // Региональные исследования. — 2008. — № 1. С. 31–38; Ляшенко Е.В. Адаптация трудовых мигрантов в полиэтническом регионе (на примере Оренбургской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2011. — № 6. — С. 98–102; Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2012. — № 2. — С. 59–64; Савоскул М.С. Социально-географические и междисциплинарные подходы к исследованию миграции населения // Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной, В.Е. Шувалова. — М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 300–320; Рязанцев С.В. Трудовые мигранты из стран Центральной Азии в Москве: факты, рассказанные самими мигрантами (некоторые результаты качественного исследования) // Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации / Гл. ред. серии В.А. Ионцев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. — С. 62–76.

33 Белозеров В.С. Современные вызовы и риски трудовой миграции в Ставропольском крае // Экология урбанизированных территорий. — 2013. — № 4. — С. 27–30; Белозеров В.С., Турун П.П., Щитова Н.А., Эшроков В.М. Этнические особенности миграционного поведения и адаптации населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2003. — № 4. — С. 52–57; Соловьев, И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С. Трансформации социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов на Ставрополье в постсоветский период // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. В.С. Белозерова. — Ставрополь, 2015. — С. 248–262; Щитова Н.А., Белозеров В.С., Соловьев И.А. Опыт регионального исследования адаптационно-интеграционных стратегий иностранных мигрантов в Ставропольском крае // Региональные исследования. — 2014. — № 3. — С. 108–115.

34 Максаковский В.П. Географическая культура: учебное пособие для студентов вузов. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. — 1998. — 416 с.

жения в среду (включенного наблюдения). Опросы применяются с целью уточнения структуры миграционного сообщества, механизмов адаптации, оценки взаимоотношения в системе мигрант — местный житель или община / диаспора — окружающая среда / регион и т. д. При этом важно правильно выбрать ключевые территории. Это могут быть приграничные, полиэтничные районы, территории, через которые проходит значительный транзитный поток мигрантов, а также территории, расположенные на «входе» значительного числа мигрантов.

2. *Принцип учета факторов и условий протекания адаптационно-интеграционных процессов.*

Ключевыми факторами адаптации и интеграции мигрантов выступают:

- структура миграционного потока (этнодемографические, профессионально-образовательные параметры, конфессионально-культурные представления, владение русским языком и др.);
- география районов выхода мигрантов и их особенности (типы поселений, социально-экономические, политические, институциональные характеристики и др.);
- особенности мест вселения (тип и величина населенного пункта, социально-экономическая ситуация, развитость институциональной среды, сложившиеся стратегии экономического поведения принимающего населения, культурные обычаи, опыт приема мигрантов и др.);
- мотивы и временные параметры миграции;
- возможности и перспективы социально-экономической мобильности.

3. *Принцип учета демографических процессов и демографического поведения на территории вселения*

позволяет установить уровень потребностей в привлечении мигрантов, внутрирегиональные различия в качестве и количестве трудового ресурсного потенциала, миграционные настроения местного населения и др.

4. *Принцип учета этнической специфики миграционных процессов*.

В подавляющем большинстве случаев иностранные мигранты — это этнические мигранты, отчего они еще больше становятся объектом пристального внимания со стороны местного населения. В этой связи показательны исследования, в которых предпринимается попытка анализа процесса адаптации через изучение сетевых структур, которые образуют разные этнические группы. Построение схем, отражающих структуру межэтнических связей и отношений, позволяет выявить основных агентов коммуникации внутри сообществ, установить траектории формирования информационных цепочек, понять механизмы самоорганизации мигрантских этнических сообществ. Исследования показывают, что в зависимости от этнической принадлежности стратегии, скорость и качество адаптационно-интеграционных процессов заметно различаются, в разных этнических группах складываются специфические сценарии адаптации[35]. Важным условием успешности адаптации выступает наличие консолидированной, интегрированной в принимающий социум этнической диаспоры, которая выступает в качестве своеобразного проводника, выполняющего не только функции поддержки, но и социального контроля и коррекции поведения вновь прибывших лиц[36].

35 Ляшенко Е.В. Адаптация трудовых мигрантов в полиэтническом регионе (на примере Оренбургской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2011. — №6. — С. 98–102.

36 Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Модели интеграции мигрантов в современной России. URL: http:// www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR–2013–12_RU.pdf.

5. *Принцип учета пространственной дифференциации социально-экономического развития территории вселения*

обуславливает необходимость анализа влияния разных типов территории (сельская или городская местность, размер населенного пункта, центр или периферия, депрессивные, отсталые или экономически развитые территории и др.) на процесс адаптации отдельных групп мигрантов. Наиболее крупными центрами притяжения мигрантов в России являются города-миллионеры, которые и выступают в общественном мнении главной ареной этнических, социальных и миграционных конфликтов.

Иностранная рабочая сила распределяется по территории Российской Федерации крайне неравномерно. Очевидно, что мигранты (особенно трудовые) выбирают регионы опережающего экономического развития, с дефицитом рабочей силы и более высокими заработками[37].

Основная масса иностранных мигрантов, по крайней мере трудовых, предпочитает оседать в городах. На примере Германии выявлено, что такая пространственная концентрация в некоторых случаях приводит к возникновению так называемых «параллельных обществ» со своими системами норм и ценностей. Пространственное сосредоточение мигрантов в крупных городах является нередко одновременно следствием и одной из причин ряда социальных городских болезней:

— социально-экономической поляризации, выражающейся в росте спроса на высоко- и низкоквалифицированных работников в сфере услуг. И в то время, как доходы первых растут, зарплаты вторых не хватает для обеспечения даже среднего уровня жизни. В качестве последствий для города выступают усиление структурной безработицы, возникновение социальных конфликтов;
— комплексной социальной пространственной деградации, когда на ограниченной кварталом или городским районом территории воспроизводится клубок социальных, экономических, психологических, экологических и других проблем; возникает «круг бедности», в который попадают дети безработных, родителей-одиночек, иностранцев, бедных, выросших в относительно замкнутой социальной среде с плохими школами, малым

числом досуговых заведений, высоким уровнем социальной напряженности и преступности[38].

Для оценки социального расслоения может быть использован целый ряд индикаторов, фактически описывающих профиль бедности городских районов (по социально-демографическим группам горожан, которые имеют наибольшую вероятность попасть в категорию бедных): прямые индикаторы социального неравенства (доходы, занятость); косвенные индикаторы (средний размер семьи, уровень демографической нагрузки); цены на недвижимость (определяют престижность района, качество жизни в нем, косвенно свидетельствуют и об уровне доходов проживающего в нем населения); стоимость аренды жилья (отражает уровень востребованности района населением и его группами); доля мигрантов в общей численности населения (индикатор культурно-этнических и общесоциальных различий, так как традиционно мигранты труднее адаптируются, у них обычно выше демографическая нагрузка, вероятность попасть в категорию бедных, чаще отсутствует собственное жилье). Для отражения реальной картины дифференциации указанных параметров следует учесть полиаспектный характер расслоения в обществе, особенности разных методов его измерения. Ряд исследований процессов адаптации и интеграции мигрантов в мировых центрах Европы показал, что

37 Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 108 с.

38 Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России // Региональные исследования. — 2008. — № 1. — С. 31–38.

важнейшую проблему в них на фоне низкой рождаемости, сокращения среднего размера семей, увеличения числа домохозяйств, уровня образования и притязаний собственного населения везде представляет приток мигрантов, вызванный спросом на рабочую силу, особенно низкой квалификации. Миграционную притягательность этих городов в целом трудно регулировать. По тем же причинам не менее трудно добиться быстрой адаптации мигрантов к городским экономическим и социокультурным условиям[39].

6. *Принцип учета региональных особенностей при формировании стратегий и моделей адаптации и интеграции иностранных мигрантов*.

В данном контексте под моделью понимается совокупность наиболее распространенных элементов социально-экономического и социокультурного поведения мигрантов в региональном принимающем сообществе. Реализация данного принципа предполагает опору на все предыдущие методологические подходы.

Интеграция в большинстве случаев понимается как процесс объединения разнородных компонентов в некую целостность. Интеграция мигрантов предполагает формирование «населенческой целостности», единой территориальной общности людей. Интеграционный потенциал разных миграционных групп населения неодинаков. Большую роль играют целевые установки мигрантов, готовность к социальным компромиссам, этническая комплементарность со старожильческими народами.

Достаточно приблизительно можно выделить три основные стадии интеграции иностранных мигрантов: предварительная интеграция (решение экономических проблем, освоение языка, норм бытового поведения, однако связи между «новым» и «старым» населением практически отсутствуют, напротив, возможно сохранение связей с родными местами), симбиотическая интеграция (достаточно развитая языковая культура, частичное включение в региональный социально-экономический контекст, но при этом преобладание собственных интересов. На этой стадии достаточно явно превалируют этнокультурные связи, этническая поддержка, противопоставление своих общностей другим. Характерно отсутствие гражданства), настоящая интеграция (полноценные граждане, обладающие равными правами со старожилами, тесные связи

со всеми этнокультурными группами, участие в политических, социальных и культурных проектах).

Многолетние исследования миграционной ситуации в регионах Северного Кавказа, образа жизни старожильческого населения и мигрантов, проводимые данным авторским коллективом, дают основания для выдвижения понятия региональной адаптационно-интеграционной политики как обязательной части миграционной политики. Под *адаптационно-интеграционной политикой* нами понимается организованная программно-целевая деятельность, включающая систему концептуальных положений и совокупность конкретных экономических, демографических и социокультурных мер, способствующих активному включению мигрантов в региональное сообщество, препятствующих развитию негативных образов и репутаций мигрантов, направленных на повышение благосостояния и стабилизацию этнополитических отношений между народами, гарантирующих личную и этническую безопасность.

В качестве основных субъектов адаптационно-интеграционной политики могут выступать как органы государственной власти, так и общественные организации, этнические и конфессиональные ассоциации. Цель такой политики — планирование и реализация мероприятий, позволяющих регулировать местные адаптационно-интеграционные миграционные процессы в рамках общих принципов и законодательных актов, принятых на федеральном уровне. К основным принципам региональной адаптационно-интеграционной политики в полиэтничном регионе следует отнести:

---

39 Битюкова Д.П. Расселение иммигрантов как фактор социальной стратификации европейских столиц // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2013. — № 2. — С. 31–37.

— объективность, достоверность и научность;
— этническое и территориальное равноправие, соблюдение паритета потребностей и интересов основных групп населения.

Грамотная адаптационно-интеграционная политика должна строиться, прежде всего, на объективной информации, отражающей истинное положение вещей как в целом на территории, так и в отдельных поселениях и районах. К числу сведений, необходимых для разработки основных мероприятий, следует относить: содержание региональных интересов старожильческого и миграционного населения, характер и динамику этнических структур, информацию об уровне миграционной привлекательности территории и ее отдельных участков для разных групп населения, данные о внутрирегиональных различиях в качестве жизни населения, сведения о способах, стилях жизни и моделях поведения, характерных для разных групп населения в разрезе поселений, уровне социальной напряженности, состоянии и степени развитости региональных сетей жизнеобеспечения и др.

Получение и многоаспектный анализ достоверной информации возможны с помощью геоинформационного полимасштабного мониторинга (ГИС-мониторинга). ГИС-мониторинг представляет собой систему, имеющую сложную многоярусную структуру соподчиненных блоков и компонентов, обладающую возможностями построения пространственно-временных моделей, миграционных и адаптационно-интеграционных процессов, что создает предпосылки для разработки прогнозов и сценариев их изменения. В ГИС-мониторинге учитывается адекватность показателей различным территориальным уровням[40]. Формирование массивов разнородной, пространственно ориентированной оперативной информации должно явиться основой составления регионального прогноза развития миграционной и социально-экономической ситуации. Построить и проиграть различные сценарии развития ситуации с достаточной степенью эффективности и достоверности позволяют методы математического и геоинформационного моделирования. Такая система мониторинга позволяет совершенствовать принципы принятия управленческих решений в области адаптационно-интеграционной миграционной политики.

ВЫВОДЫ:

1. На современном этапе вопросы адаптации и интеграции мигрантов занимают ведущее место в миграционной проблематике. Методология изучения адаптационно-интеграционных процессов усложняется за счет развития понятийного аппарата, разработки концепций, моделей и типологий поведенческих стратегий. Применяется все более сложный и разнообразный инструментарий исследований, в том числе геоинформационный мониторинг. Прослеживаются взаимосвязи мировых и российских методологических подходов к изучению данной проблематики, анализирующих такие категории, как толерантность, мультикультурализм, аккультурация, идентичность.
2. Выработка практических рекомендаций по адаптации и интеграции мигрантов невозможна без теоретического осмысления этих процессов и формирования развитой методологической основы исследования. Определение территориальных особенностей адаптационно-интеграционных процессов, порой весьма существенных в пределах одного региона и даже муниципального района, может быть весьма полезно при планировании и осуществлении региональной миграционной политики.
3. Разночтения в определении категорий «адаптация» и «интеграция» в контексте миграций населения связаны с общей

---

40 Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2015. — № 2. — С. 33–39; Тикунов В.С., Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Полимасштабный геоинформационный мониторинг миграционных процессов: общие подходы // Наука. Инновации. Технологии. — 2014. № 1. — С. 135–144.

неразработанностью понятийно-терминологического аппарата миграциологии. Рассматривая адаптацию и интеграцию как единый процесс, необходимо различать содержание понятий «социально-экономическая адаптация» и «этнокультурная интеграция».

4. Опора на классические географические подходы в исследовании процессов адаптации и интеграции мигрантов очевидно свидетельствует об актуальности включения данной проблематики в круг общественно-географических интересов. При комплексной оценке адаптационно-интеграционных процессов следует использовать методологические принципы, выработанные в рамках географических исследований:
   - сочетания разных методов исследования,
   - учета факторов и условий протекания адаптационно-интеграционных процессов,
   - учета демографических процессов и демографического поведения на территории вселения,
   - учета этнической специфики миграционных процессов,
   - учета пространственной дифференциации социально-экономического развития территории вселения,
   - учета региональных особенностей при формировании стратегий и моделей адаптации и интеграции иностранных мигрантов.

5. Региональная адаптационно-интеграционная политика должна стать важной составной частью миграционной политики. Эффективным инструментом комплексной оценки и управления миграциями населения являются геоинформационные технологии, позволяющие обеспечить более высокое качество пространственного анализа и визуализации информации, создать качественную основу для разработки и реализации мероприятий в сфере адаптационно-интеграционной политики.

Внедрение системы полимасштабного геоинформационного мониторинга процессов адаптации и интеграции мигрантов позволит отслеживать их динамику и осуществлять краткосрочное прогнозирование для разных территориальных уровней.

КОМПЛЕКСНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ*

СОЛОВЬЕВ И.А., ЩИТОВА Н.А.

Концептуальные основы исследования пространственных трансформаций адаптационно-интеграционных процессов мигрантов следует рассматривать в общем контексте *географического подхода* в изучении миграционных процессов. Географический подход представляет собой географическое направление в исследовании миграционных процессов.

Оно широко разрабатывалось как зарубежными, так и отечественными учеными. Среди последних В.В. Покшишевский, Ж.А. Зайончковская, Б.С. Хорев, В.И. Переведенцев, В.Н. Чапек и др. По мнению О.Д. Воробьевой, именно ученые-географы заложили основы миграциологии. В географических журналах были опуб-

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

ликованы наиболее значимые статьи, например, Зелинского. И если первоначально миграция объяснялась сугубо географическими факторами (К. Тейлор, Дж. Беккер и др.), то позднее, примерно с середины 1960-х годов, особенно с развитием географии населения, социально-экономической географии, во внимание принимаются социальные, экономические и другие факторы. Именно в рамках этого подхода получили развитие такие методы анализа миграционного движения, как графический и картографический, разрабатывались первые миграционные модели Стоуффера и Зипфа[1].

В условиях многоаспектности и междисциплинарности изучения адаптации мигрантов необходимо рассматривать этот вопрос с акцентом на принцип *комплексности в социально-географическом исследовании*. Коллективом научной школы «Трансформация воспроизводства, расселения и образа жизни населения» (руководитель проф. В.С. Белозеров)[2] в рамках этого принципа учитываются пространственно-временные особенности всех параметров адаптации и интеграции мигрантов, следовательно, необходимо выявлять различные факторы адаптационно-миграционных процессов мигрантов на Северном Кавказе (физико- и общественно-географические, исторические, социокультурные, экономические, политические, правовые, психологические и т. п.), а также сопоставлять объективные условия адаптационно-интеграционных процессов и субъективные особенности мотивации и поведения мигрантов.

Комплексность методических подходов предполагает интеграцию статистических, исторических, географических и социологических методов исследования и объединение данных, полученных разными способами, в единую систему.

Комплексная социально-географическая методика исследования включает шесть групп методов:

1. Теоретический анализ монографической литературы и периодических публикаций.
2. Методы качественного и количественного социологического анализа: глубинные интервью, фокус-группы, массовое анкетирование, контент-анализ.
3. Теоретическое обобщение конкретных практик деятельности законодательных и исполнительных органов власти, общественных и религиозных организаций.

4. Картографические и геоинформационные методы анализа и интерпретации статистической информации.
5. Метод исторической реконструкции на основе архивных первоисточников.
6. Методы математической статистики (метод сводки и группировки, поправочные коэффициенты).

В условиях развития информационного общества и возникновения новых методов исследования представителями нашей научной школы много лет ведется геоинформационный мониторинг. Важным инструментарием данного исследования, учитывая возможности новых технологий и традиций научной школы, является применение *геоинформационных технологий*[3].

1 Миграция населения / под общей ред. О.Д. Воробьевой. В. I. Теория и практика исследования. — М., 2001. — С. 27.

2 Щитова Н.А. Концептуальные подходы к изучению адаптации и интеграции мигрантов в региональные сообщества // Миграционные процессы в России: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции и расширенного заседания Общественно-консультативных советов при УФМС России по Ставропольскому краю, Республики Северной Осетии – Алании и Кабардино-Балкарской Республике / под ред. В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь, 2014. — С. 84.

3 Маслиев Р.О. Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в Ставропольском крае: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2006; Раужин И.Г. Полимасштабный мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2011; Супрунчук И.П. Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2015.

При *комплексном социально-географическом подходе* в исследовании пространственно-временных особенностей адаптационно-интеграционных процессов мигрантов на Северном Кавказе одна из ключевых ролей отводится использованию обширной информационной базы.

Концептуальная схема комплексного социально-географического исследования состоит из двух взаимосвязанных блоков — теоретического и эмпирического.

Первый из них включает теоретико-методологическую составляющую исследования: решаемая научная проблема, методология и концептуальные подходы к изучению миграции населения и адаптационно-интеграционных процессов в отечественной и зарубежной научной школе, определение понятийно-категориального аппарата, разработка авторской концептуальной схемы исследования, определение и разработка классификаций видов миграции и категорий мигрантов, формулирование ключевых принципов и подходов, разработка адекватных методик исследований, обозначение хронологических и географических рамок исследования с выделением разномасштабных территориальных уровней.

Ключевыми элементами эмпирического блока концепта исследования выступают рассмотрение тенденций, масштабов, географии миграционных процессов, определение факторов, моделей и стратегий адаптации и интеграции мигрантов. Итогом работы является решение заявленной проблемы в виде фундаментальных открытий закономерностей и особенностей адаптационно-интеграционных процессов мигрантов на Северном Кавказе, а также разработки рекомендаций по оптимизации государственной миграционной политики на Северном Кавказе с учетом территориальных аспектов.

Основным критерием выбора ключевых видов миграции населения для изучения адаптационно-интеграционных процессов на Северном Кавказе является ее *массовость*.

Масштабы миграции во многом определяют доминирование проблем адаптации и интеграции мигрантов той или иной категории в зависимости от конкретной ситуации, а также ставят рассмотрение этой проблематики на первые роли. К таковым *видам*

миграции, рассмотрение которых является приоритетным в данной работе, относятся следующие формы пространственного перемещения населения:

— организованные,
— принудительные,
— вынужденные,
— безвозвратные
— временные миграции.

Очевидно, что только некоторые виды миграции имеют важное значение для жизнедеятельности общества региона на всех этапах исследования. К таковым относятся миграции на постоянное место жительства, трудовые миграции. В определенных условиях возникают всплески вынужденных миграций. На современном этапе, в эпоху становления постиндустриального общества и глобализации, важное место стали занимать международные образовательные миграции.

Основу комплексного социально-географического подхода к изучению адаптационно-интеграционных процессов составляют нижеприведенные *группы методов*:

— *статистические методы* сбора и обработки информации, ее структурирование, локализация, привязка к картографической основе; методы типологической группировки, которые послужат целям упорядочения имеющейся информации для ее последующего анализа;
— *математические методы* используются при расчетах репрезентативности выборки социологического опроса, что является необходимым условием для проверки полученных результатов исследования;
— *социологические методы* — опрос и нарративное интервьюирование трудовых мигрантов, беженцев и им-

мигрантов. Репрезентативность выборки будет учитывать основные пропорции в качественном составе респондентов: тип населенных пунктов, половозрастная, национальная, социальная, брачно-семейная структура. В анкете представлены вопросы, направленные на определение причин и географии миграции, уровня жизни переселенцев, знания русского языка и культуры принимающего общества, а также правового статуса пребывания в России. Результаты опроса обработаны с помощью программного продукта «Анкета»[4];

— *геоинформационные и картографические методы* (на базе геоинформационных программных продуктов — ArcGIS и Quantum GIS) — при анализе больших массивов пространственной информации будут проводиться оверлейные операции, пространственная интерполяция, аналитические операции с базами картографических данных. Основными способами представления информации являются база геоданных, карты, картодиаграммы, диаграммы, графики и иные графические способы подачи информации. Из результатов геоинформационного мониторинга миграционных процессов нами традиционно используются данные по общей характеристике миграционных процессов, миграционного прироста (за 1970–2016 гг.), территориальной структуры миграционного потока (1989–2016 гг.), этнических черт миграционного потока[5];

— *историко-сравнительный метод* — дающий возможность выявить трансформации адаптационно-интеграционных процессов в дореволюционном и советском периодах;
— *метод исторической реконструкции* — основанный на выявления фактов адаптации и интеграции мигрантов, в том числе на основе впервые введенных в научный оборот архивных первоисточников.

При комплексном социально-географическом подходе необходимо использовать обширную и разностороннюю источниковую базу:

— научная литература (монографии, статьи);
— картографические и графические материалы (атласы);
— материалы средств массовой информации (СМИ) и интернет-ресурсы;
— архивные документы;
— актовые материалы;
— данные официальной статистики;
— количественные данные массовых опросов респондентов и контент-анализов СМИ;
— качественные данные глубинных интервью и фокус-групп;
— база геоданных «Анкета»;
— результаты геоинформационного мониторинга миграционных процессов в Ставропольском крае.

Возможности авторской электронной программы «Анкета» состоят в следующих положениях:

1. Функция создания и редактирования вопросников, позволяющая формировать систему вопросов и варианты ответов к ним.

4 Белозеров В.С., Маслиев Р.О., Панин А.Н., Соловьев И.А. Автоматизированный комплекс обработки, хранения и анализа анкетных данных «Анкета» / зарегистрирован Отраслевым фондом алгоритмов и программ России, свидетельство об отраслевой регистрации разработки № 2358. — М., 2003.

5 Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в Ставропольском крае // Миграционные процессы в России: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции / под ред. В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой. — Ставрополь, 2014. С. 135–139.

2. Функция создания и редактирования анкет социологических опросов.
3. Функция сохранения конфиденциальности социологических исследований — наличие параметров безопасности, позволяющих ограничивать доступ путем создания учетной записи пользователя с определением имени и пароля.
4. Функция построения запросов с использованием стандартных правил выборки и формирования отчетов.

ВЫВОДЫ

Комплексный социально-географический подход позволяет выработать актуальный инструментарий для проведения глубокого исследования пространственно-временных особенностей адаптации и интеграции иностранных мигрантов. Важную роль при этом играет ярко выраженная междисциплинарность данного подхода. Проведение подобных исследований на стыке различных научных областей (география, социология, экономика, история, правоведение) позволяет наиболее всесторонне рассмотреть изучаемый вопрос и выработать механизмы для оптимизации адаптационно-интеграционных процессов иностранных мигрантов в России.

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СРАВНИТЕЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ*

СУПРУНЧУК И.П.

Начавшаяся в начале 1990-х гг. на постсоветском пространстве трансформация миграционных процессов проявляется в изменении территориальной и социально-демографической структуры миграционных потоков. В исторически короткие сроки произошли стержневые модификации хода миграционных процессов [Белозеров В.С., Панин А.Н., Турун П.П., Эшроков В.М. Геоинформационный мониторинг этнодемографических, миграционных процессов и сети поселений на Юге России // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. №. 3. С. 96–104].

В условиях большой страны и огромного разнообразия внутрирегиональных различий необходим постоянный анализ изменений, трансформации миграционных потоков и географии расселения мигрантов. Важно исследование миграционных потоков с точки зрения их территориальной

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ в рамках исследовательского проекта «Разработка и апробация системы геоинформационного мониторинга этнодемографических процессов (на примере регионов Северного Кавказа)» (проект №16-06-00179).

структуры — межрегиональная, международная миграция, внутрирегиональная, при этом, и в том и в другом случае, необходимы сведения о территориях выхода и вселения, а также о формировании сальдо миграции (за счет городского или сельского населения)[1]. В связи с этим актуальным представляется выявление особенностей пространственно-временной динамики миграционных процессов, идущих на разных территориальных уровнях — от страны в целом до отдельных поселений[2]. Качественные мониторинговые исследования аккумулируют большие объемы информации, привязанной к территориям разного масштаба, для обработки и анализа которой необходимо использование современных методик. Наиболее адекватной технологией сбора и анализа пространственных данных является геоинформационный инструментарий.

В Лаборатории народонаселения и ГИС СКФУ разработана система полимасштабного геоинформационного мониторинга миграционных процессов. Под геоинформационной системой мониторинга миграционных процессов понимается система сбора и интеграции пространственной и атрибутивной информации о состоянии миграционной ситуации на исследуемой территории в едином хранилище данных для визуализации, пространственно-временного анализа и моделирования миграционных процессов с их последующей оценкой и прогнозом развития в целях поддержки оперативного управления[3]. В основу функционирования геоинформационного мониторинга положен принцип полимасштабности, который понимается как метод оперирования масштабами — рангами территории. Опора на принцип полимасштабности, сочетание геоинформационных и мониторинговых технологий позволяют решить задачу учета глобальных и регионально-локальных особенностей.

Функциональные возможности данной системы позволяют получать пространственные модели миграционных процессов на различных территориальных уровнях:

1. Федеральном (Россия).
2. Региональном (федеральный округ, экономический район).
3. Субъектном (край, область, республика).
4. Локальном (город и административный район).
5. Поселенческом (муниципальное образование)[4].

Ставропольский край является традиционно регионом с активными миграционными процессами. Устойчивые въездные миграционные потоки на протяжении 1990-х годов и в начале XXI века оказали значительное влияние на численность населения региона, его этнодемографическую структуру, расселение народов. Вместе с тем протекание миграционных процессов происходило неравномерно в разных районах и даже разных поселениях края. Основная цель данного исследования — провести апробацию функционирования системы полимасштабного геоинформационного мониторинга на локально-поселенческом уровне и на примере двух сельских муниципальных районов Ставропольского края разного типа выявить внутрирегиональные особенности миграционных процессов, показать их специфику в разных географических и социально-экономических условиях.

Основной статистической базой для исследования послужили талоны статистического учета к листкам прибытия/выбытия, предоставленные Ставропольстатом. Данные обрабатывались с

1 Белозеров В. С. Панин А. Н., Черкасов А. А. Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в Ставропольском крае // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2014. с. 135–145.

2 Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2015. — №2. — С. 33–39.

3 Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2015. — №2. — С. 33–39.

4 Белозеров В.С., Черкасов А.А. Гис-мониторинг этнических процессов в России // Наука. Инновации. Технологии — 2013. — №1. — С. 157–161.

помощью специализированного программного комплекса «Миграция», а затем верифицировались в базе геоданных системы полимасштабного геоинформационного мониторинга миграционных процессов.

Для сравнительно-географического анализа выбраны Андроповский и Апанасенковский муниципальные районы. Временные рамки исследования включают данные за 1992 и 2006 годы.

Апанасенковский район занимает периферийно-приграничное положение в Ставропольском крае. Он расположен на крайнем северо-востоке Ставрополья на границе с Республикой Калмыкией и находится в значительном удалении от основных экономических и культурных центров края (расстояние от районного центра с. Дивного до г. Ставрополя 178 км) и других регионов Юга России. Важной особенностью, несколько улучшающей его экономико-географическое положение, валяется транзитность — через территорию проходит дорога федерального значения «Астрахань–Невинномысск». По размерам это один из самых больших районов края (его площадь составляет 3,6 тыс. кв. км). Плотность населения — 9,8 чел./кв. км, что в несколько раз меньше, чем в целом по Ставропольскому краю (41 чел./кв. км). К важным особенностям географического положения Апанасенковского района относится его как бы *переходное положение* между полиэтничными территориями восточного Ставрополья и северокавказских республик и моноэтничными районами Ставропольского края и Ростовской области.

Основу экономики Апанасенковского района составляет растениеводческая отрасль, и в первую очередь зерновое производство, которое развивается вполне успешно, несмотря на расположение в зоне сухих степей и полупустынь с преобладанием засушливых климатических условий. Такие природные условия благоприятствуют развитию овцеводства, которое занимало в советские времена ведущее положение.

Андроповский район в некотором отношении является антиподом Апанасенковского района. Он расположен в юго-западной части Ставропольского края, сравнительно недалеко от краевого центра, что позволяет рассматривать его географическое положение как полупериферийное. Почти все его границы имеют внутренний характер. У района достаточно выгодное транспорт-

но-географическое положение. Его территорию пересекают крупные транспортные артерии международного значения: автомагистраль «Кавказ» (Ростов-на-Дону – Баку) и железная дорога «Ростов-на-Дону – Баку». По территории района проходит международный нефтепровод «Баку – Тихорецк – Новороссийск». Большое значение имеют автомобильные трассы, соединяющие административный центр района с. Курсавку с Карачаево-Черкесской Республикой и городами КМВ. Транспортная доступность районного центра до Ставрополя всего два часа. Однако вдвое ближе находятся города Кавминводской агломерации, гг. Невинномысск и Черкесск. Площадь района невелика — всего 2,4 тыс. кв. км, плотность населения 14,7 чел. на кв. км. Природные условия благоприятные. Располагаясь в зонах неустойчивого и достаточного увлажнения, район обладает высоким агроклиматическим потенциалом для развития продуктивного сельского хозяйства. Район имеет аграрно-индустриальную специализацию, однако уровень экономического развития скорее низок, не отличается высокими показателями и сельскохозяйственная отрасль.

Вместе с тем между исследуемыми районами есть и общие черты. Так же, как и Апанасенковский, Андроповский район по своим демографическим показателям занимает промежуточное положение между демографически депрессивными моноэтничными северо-западными районами и более демографически благополучными полиэтничными восточными районами[5].

5 Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь, 2008. — 207 с.

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Характеристики миграционного прироста/убыли населения в 1992 и 2006 году сильно различаются (табл. 1). Миграционные процессы в 1992 году шли на порядок более интенсивно, чем в 2006 году. Только за счет миграции районы увеличили численность своего населения за 1 год на 3%.

Таблица 1. ПОКАЗАТЕЛИ МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА/УБЫЛИ НАСЕЛЕНИЯ В АНДРОПОВСКОМ И АПАНАСЕНКОВСКОМ РАЙОНАХ В 1992 И 2006 ГОДАХ

Показатель	1992	2006
Андроповский район		
Прибыло, человек	3 042	646
Выбыло, человек	1 888	636
Миграционный прирост/убыль, человек	1 154	10
Коэффициент МП/МУ, ‰	33,0	0,3
Апанасенковский район		
Прибыло, человек	1206	387
Выбыло, человек	890	919
Миграционный прирост/убыль, человек	316	-532
Коэффициент МП/МУ, ‰	9,1	-15,0

По данным талонов статистического учета к листкам прибытия/убытия за 1992 и 2006 годы.

Значение коэффициента МП/МУ указывает на массовый, экстремальный характер миграционных процессов. Такая миграционная ситуация в 1992 году объясняется целым рядом внешних факторов.

В 2006 году миграционные процессы в районах носили более «спокойный» характер. Об-

щий объем миграционного потока по сравнению с началом 1990-х годов резко снизился. В Андроповском районе миграционный прирост практически равен нулю, и сложилась некоторая модель замещения населения. Выезжают из района в основном на учебу в города, а также молодое трудоспособное население, руководствующееся экономическими соображениями. Прибывшие мигранты часто используют район как перевалочный пункт на пути своих дальнейших перемещений[6]. В Апанасенковском районе в 2006 году наблюдалась значительная миграционная убыль населения. В отличие от Андроповского района, здесь с начала 2000-х годов сформировалась тенденция стабильного оттока населения, обусловленная, в первую очередь, экономическими факторами. Замещение выезжающего населения мигрантами с других территорий происходит не в полной мере, что вызвано невысокой миграционной привлекательностью района.

Территориально миграционный прирост в районах в 1992 году распределялся неравномерно. Основная его часть пришлась на районные центры — село Курсавку и село Дивное, а также крупные села с населением более 1 тыс. человек (табл. 2). При этом практически все населенные пункты испытали миграционный прирост. В целом такое распределение миграционного потока вполне логично, так как доля в миграционном потоке примерно соответствует доле того или иного населенного пункта в населении района. Предпочтение въезжающими мигрантами крупных сельских населенных пунктов также очевидно, так как в сельской местности чем

6 Супрунчук И.П. Миграция в сельской местности Ставропольского края (на примере Андроповского района): география миграционных потоков и социальная структура мигрантов // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2015. — С. 175–181.

Таблица 2. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА В АНДРОПОВСКОМ И АПАНАСЕНКОВСКОМ РАЙОНАХ В 1992 И 2006 ГОДУ

Населенный пункт	1992 год			2006 год		
	Выбыло (человек)	Прибыло (человек)	МП/МУ (человек)	Выбыло (человек)	Прибыло (человек)	МП/МУ (человек)
АНДРОПОВСКИЙ РАЙОН						
п. Каскадный	16	18	2	17	20	3
п. Киан	7	7	0	3	2	–1
п. Нижний Янкуль	29	31	2	3	2	–1
п. Новый Янкуль	59	87	28	46	17	–29
с. Алексеевское	15	44	29	5	7	2
с. Водораздел	32	45	13	27	23	–4
с. Дубовая Балка	10	9	–1	1	2	1
с. Казинка	36	42	6	17	25	8
с. Кианкиз	23	42	19	9	7	–2
с. Киан-Подгорное	5	0	–5	3	2	–1
с. Красноярское	19	46	27	26	21	–5
с. Крымгиреевское	65	81	16	20	39	19
село Курсавка	152	332	180	164	180	16
село Куршава	60	66	6	26	27	1
село Подгорное	8	12	4	8	6	–2
село Солуно-Дмитриевское	67	109	42	58	47	–11
село Султан	32	23	–9	36	21	–15
село Суркуль	22	26	4	10	17	7
село Янкуль	58	65	7	14	23	9
ст-ца Воровсколесская	88	146	58	48	47	–1
хутор Верхний Калаус	1	4	3	1	1	0
хутор Нижнеколонский	5	19	14	5	6	1
хутор Павловка	2	5	3	3	0	–3
хутор Терновский	1	9	8	1	0	–1
АПАНАСЕНКОВСКИЙ РАЙОН						
поселок Айгурский	52	63	11	41	5	–36

Населенный пункт	1992 год			2006 год		
	Выбыло (человек)	Прибыло (человек)	МП/МУ (человек)	Выбыло (человек)	Прибыло (человек)	МП/МУ (человек)
п. Вишневый	—	—	—	2	0	–2
п. Водный	—	—	—	13	2	–11
поселок Хлебный	—	—	—	3	3	0
село Апанасенковское	45	67	22	57	28	–29
село Белые Копани	26	26	0	32	7	–25
село Воздвиженское	48	39	–9	38	26	–12
село Вознесеновское	60	32	–28	55	39	–16
село Дербетовка	70	94	24	63	33	–30
село Дивное	330	643	313	389	150	–239
село Киевка	66	64	–2	58	11	–47
село Малая Джалга	52	48	–4	45	21	–24
село Манычское	92	55	–37	67	28	–39
село Рагули	49	75	27	56	34	–22

По данным талонов статистического учета к листкам прибытия/убытия за 1992 и 2006 год.

крупнее населенный пункт, тем больше возможностей для жителей он предоставляет. В итоге можно сказать, что в 1992 году миграционный поток географически еще был слабо дифференцирован, миграционная «масса» распределялась по территории

практически прямо пропорционально численности населения населенных пунктов[7].

В 2006 году миграционный поток географически более дифференцирован. В отличие от 1992 года, в 2006 году населенных

Таблица 3. ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА В АНДРОПОВСКОМ РАЙОНЕ И АПАНАСЕНКОВСКОМ РАЙОНАХ В 1992 И 2006 ГОД

Возрастная категория	1992			2006		
	Прибыло	Выбыло	МП/МУ	Прибыло	Выбыло	МП/МУ
АНДРОПОВСКИЙ РАЙОН						
Младше трудоспособного возраста	516	252	264	115	104	11
Трудоспособного возраста	1210	898	312	453	446	7
Старше трудоспособного возраста	698	424	274	78	86	–8
АПАНАСЕНКОВСКИЙ РАЙОН						
Младше трудоспособного возраста	327	209	118	47	111	–64
Трудоспособного возраста	1128	800	328	332	766	–434
Старше трудоспособного возраста	52	67	–15	46	140	–94

По данным талонов статистического учета к листкам прибытия/убытия за 1992 и 2006 год.

7 Супрунчук И.П. Современные миграционные процессы в сельской местности Ставропольского края на примере Андроповского района // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2014. — С. 83–88.

пунктов с миграционной убылью стало гораздо больше в Андроповском районе, в Апанасенковском районе во всех населенных пунктах отмечалась миграционная убыль.

Важным показателем, позволяющим определить многие характерные черты миграционного потока, является половозрастная структура мигрантов. Основной объем миграционного потока приходится на возрастные категории 16–30 и 31–45 лет, так как именно они считаются миграционно наиболее активными. Как в 1992, так и в 2006 году характерно небольшое преобладание женщин в общей численности мигрантов. Причем, если для 1992 года с экстремальными мотивами переселения это вполне объяснимо, то для 2006 года, когда на первый план вышли экономические условия, бóльшая миграционная подвижность женщин несколько удивительна.

В 1992 году отмечаются несущественные различия возрастных категорий в числе мигрантов, что может характеризовать вынужденный характер прибытия населения. Уже к 2006 году ситуация изменилась и наибольшая миграционная активность переместилась в сторону трудоспособного населения, что также связано с экономической составляющей. Данная активность направлена на выезд из

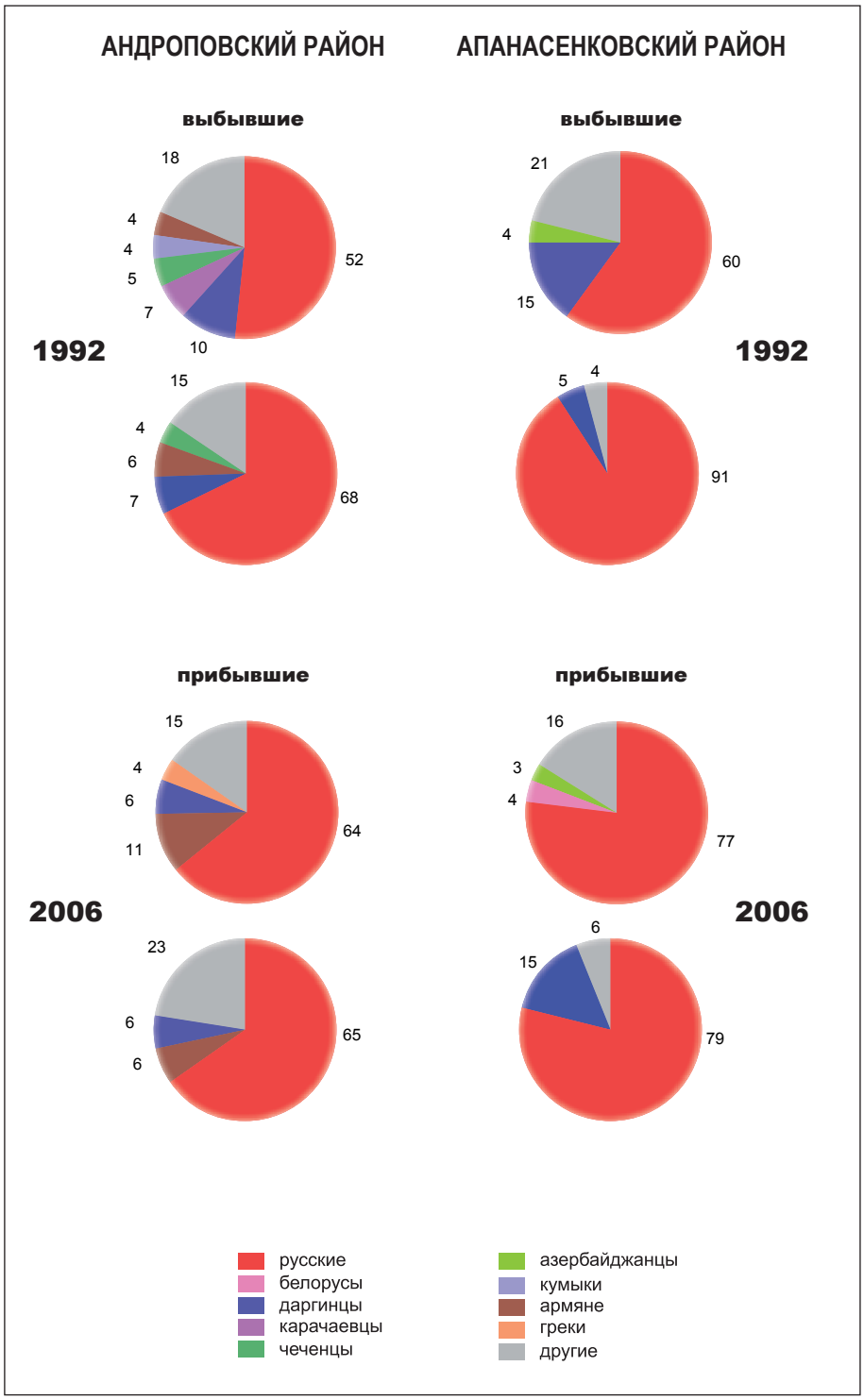


Рис. 1. Этнический состав миграционного потока в Андроповском и Апанасенковском районах в 1992 и 2006 гг., %
(По данным талонов статистического учета к листкам прибытия / убытия).

рассматриваемых территорий, а следовательно, связана с потерей трудовых ресурсов[8].

В целом, половозрастная структура мигрантов в исследуемые годы имеет мало принципиальных различий, несмотря на различные условия, в которых происходило переселение.

Важным аспектом миграционных процессов выступают этнические характеристики потока мигрантов (рис. 1).

В начале 1990-х годов в обоих районах наблюдался значительный приток русских. Это было связано с репатриацией русских из бывших республик СССР[9]. Наибольшую миграционную убыль в этот период показали кумыки, карачаевцы и даргинцы, предположительно вернувшиеся в свои титульные республики. В 2006 году этносами, увеличившими свою численность за счет миграции, выступили аварцы, осетины, татары и даргинцы. Наибольшая миграционная убыль характерна для русских. Отличительной общей особенностью является также этническое разнообразие миграционного потока в 1992 году и ее снижение к 2006 году.

8 Белисова К.В. Особенности миграционных процессов в сельских периферийных районах Ставропольского края (на примере Апанасенковского района) // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2015. С. 114–117.

9 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М.: ОГИ, 2005. 299 с.

Таким образом, использование геоинформационной системы мониторинга миграционных процессов позволило выявить особенности миграционных процессов на муниципальном и локальном территориальных уровнях на примере сельских районов Ставропольского края:

— снижение масштабов миграции и миграционного прироста по сравнению с началом 1990-х годов;

— вынужденный характер миграционных процессов в 1992 году сменился к 2006 году на трудовой;

— сохранение традиционных направлений миграции «село – город», а также стягивание мигрантов из малых и средних населенных пунктов в районный центр и крупные сельские поселения;

— миграционный отток русского населения, а также концентрированное расселение этнических мигрантов в отдельных населенных пунктах, что особенно важно для выстраивания межнациональных отношений.

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ*

ТИКУНОВ В.С., БЕЛОЗЕРОВ В.С., ЧЕРКАСОВ А.А.

Постсоветский период характеризуется кардинальными изменениями показателей этнодемографических и миграционных процессов, как в стране в целом, так и в регионах Северного Кавказа.

Отметим общие черты этих процессов: в **демографическом отношении** Россия переживала глубокий демографический кризис, который впервые стал проявляться в 1960-е годы и в последующие годы, география территорий с неблагоприятной демографической ситуацией в стране постоянно расширялась, охватывая все новые и новые регионы, проявляясь сначала в сельской местности, а позднее и в городах; **миграционная ситуация** в этот период характе-

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 16-06-00179 «Разработка и апробация системы геоинформационного мониторинга этнодемографических процессов (на примере регионов Северного Кавказа)».

ризуется сменой восточного тренда на западный; активно развивались репатриационные процессы; поменялись «ролями» принимающие и отдающие мигрантов регионы; на время изменились миграционные потоки в системе «город – село». Со временем миграционные потоки в одних случаях постепенно восстановили отдельные традиционные черты, в других — приобрели новые; активные этнические миграции межгосударственного, межрегионального, а также внутрирегионального характера в сочетании с отличающимся режимом воспроизводства у различных этносов привели к изменению **географии расселения этносов и трансформации этнической структуры населения** регионов, муниципальных районов, городов и сельских поселений.

Современная этнодемографическая и миграционная ситуация в стране и ее регионах требует глубоких знаний динамики этих процессов для принятия эффективных мер по улучшению ситуации не только в стране, но и на уровне регионов, муниципальных районов и поселений.

Поэтому актуальным представляется выявление современных пространственно-временных особенностей этнодемографических, миграционных процессов на разных территориальных уровнях. Такой подход предполагает обработку большого массива разнородной информации, которую традиционным путем обобщить и проанализировать очень сложно. Но исследование интенсивных изменений пространственно-временных этнодемографических и миграционных процессов, получение оперативной информации возможны с применением современных геоинформационных технологий (ГИС), которые позволяют оперативно систематизировать большие массивы статистической информации, выполнять моделирование данных процессов.

Для решения этой задачи нами разработана геоинформационная система полимасштабного мониторинга этнодемографических и миграционных процессов. Система комплексного геоинформационного мониторинга, позволяет обеспечивать органы управления оперативной информацией о ходе этнодемографических и миграционных процессов на разных территориальных уровнях. При ее разработке мы опирались на опыт создания концептуальной схемы геоинформационного мониторинга этнодемографичес-

ких процессов (Панин, 2005)[1], демографических (Раужин, 2011)[2], этнических (Черкасов, 2013)[3] и др.

Концептуальная схема геоинформационного мониторинга этнодемографических и миграционных процессов в России отражает общий план создания и использования системы геоинформационного полимасштабного мониторинга этнодемографических и миграционных процессов (рис. 1). Основной подсистемой ее является подсистема геоданных, которая содержит статистическую информацию о демографических, этнических процессах и миграционных потоках по каждому из территориальных уровней (страновой, региональный, муниципальный, поселенческий). Основой базы геоданных является официальная статистика Росстата, региональных статистических комитетов. Исключением является исследование миграционных процессов на поселенческом уровне, где для исследования и формирования базы данных на уровне населенных пунктов обрабатываются талоны прибытия/выбытия мигрантов с помощью программного комплекса «Миграция»[4].

Подсистема моделирования и визуализации также является ключевой, так как позволяет производить геоинформационное

1 Панин А.Н. Атласная информационная система «Этнодемографические процессы в Ставропольском крае»: автореф. дис. … канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2005.

2 Раужин И.Г. Полимасштабный мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий: автореф. дис. … канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2011.

3 Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации на основе ГИС-технологий: автореф. дис. … канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013.

4 Электронный интерактивный тренажер «Этносы России» (ИНИМ РАО ОФЭРНиО № 17577 от 10 ноября 2011 г.).

– **Программная платформа ArcGIS Spatial Analyst фирмы ESRI**
– **Автоматизированный комплекс «Анкета»**

Источники информации:

– РОССТАТ;
– Федеральные и региональные органы власти;
– Сведения министерств и ведомств;
– Данные профильных комитетов;
– Социологические обследования и др.

Статистические показатели:

– Данные,полученные при обработке талонов прибытия и выбытия мигрантов;
– Число вынужденных переселенцев;
– Продолжительность проживания;
– Рождаемость, смертность, естественный прирост;
– Этнический состав населения;
– Возрастная структура миграционного прироста;
– Коэффициент миграционного прироста;
– Миграционный прирост;
– Численность населения и тд.

Полимасштабный подход

опирается на классические географические исследования и понимается как оперирование масштабами-рангами территории в рамках конкретного объекта исследования для выявления пространственных закономерностей, явлений и процессов.

Полимасштабность

Страновой

Региональный

Муниципальный

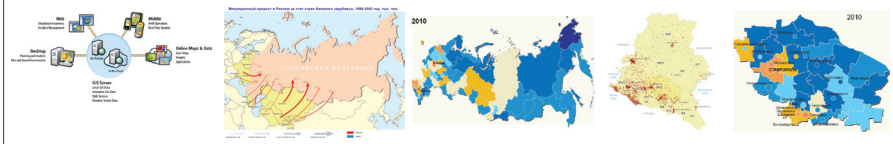
Поселенческий

Данные организованы согласно иерархии административно-территориального деления Российской Федерации (Федерация, округ, субъект, муниципалитет, поселение).

Система мониторинга решает следующие задачи:

– Определение долгосрочных тенденций процессов;
– Выявление связей между социально-экономическими факторами и рассматриваемыми процессами;
– Оценка влияния миграции на этническую структуру населения, межэтническую напряженность на конкретных территориях;
– Сравнительный анализ различных территорий (регионов, муниципалитетов), их группировка по характеру проблем и динамике ситуации, рейтингование и т.д.

Моделирование и картографирование этнических, демографических и миграционных процессов



Уровни пользования:

Базовый:
рассчитан на специалистов, обладающих компетенциями в области работы с базами данных;

Системный:
рассчитан на специалистов, обладающих умением работать с ГИС-инструментарием, позволяющим моделировать этнодемографические и миграционные процессы;

Экспертно-аналитический:
рассчитан на специалистов, обладающих компетенциями в области этногеографических миграционных процессов, а также экспертов, принимающих управленческие решения в отношении рассматриваемых процессов.

Возможности применения:

Мобильные приложения для профильных министерств и ведомств

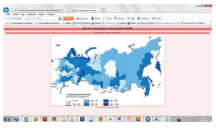
Разработка отраслевых атласов и атласных информационных систем

АИС

миграционный атлас России

Разработка документов стратегического планирования

Интерактивные тренажеры по тематике народонаселения



Научно-образовательный ГИС-портал

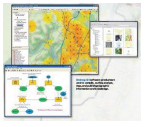


Рис. 1. Концептуальная схема геоинформационного мониторинга этнодемографических и миграционных процессов.

моделирование, готовить картографические материалы на всех масштабных уровнях.

Современные ГИС обладают достаточным инструментарием, позволяющим применять широкий спектр методов картографирования и визуализации. Важно отметить, что система мониторинга адаптирована под различные уровни владения ГИС. Нами выделены 3 уровня пользования:

- **базовый** — рассчитан на специалистов, обладающих компетенциями в области работы с базами данных;
- **системный** — рассчитан на специалистов, обладающих умением работать с ГИС-инструментарием, позволяющим моделировать этнодемографические и миграционные процессы;
- **экспертно-аналитический** — рассчитан на специалистов, обладающих компетенциями в области этногеографических миграционных процессов, а также экспертов, принимающих управленческие решения в отношении рассматриваемых процессов.

Отметим, что наличие качественно проработанной геоинформационной системы мониторинга этнодемографических и миграционных процессов позволяет использовать ее в различных версиях, в том числе в качест-

ве приложений (в том числе и мобильных) для нужд профильных министерств и ведомств, использовать для разработки отраслевых атласов и атласных информационных систем, в том числе для научных и практических целей. Систематизированный материал позволяет более качественно готовить концептуальную документацию в области национальной политики, а также документацию стратегического планирования регионов. Важным является применение возможностей ГИС в образовательных целях, например, данная система может быть адаптирована в качестве интегративных обучающих тренажеров в области народонаселения[5].

Геоинформационный мониторинг демографических процессов.

Полимасштабный анализ демографических процессов позволил выявить основные этапы развития демографической ситуации в России и ее регионах.

Глубокий демографический кризис в России был определен не только социально-экономическими проблемами постсоветского периода. Он был подготовлен рядом трагических событий в истории нашей страны на протяжении XX столетия. Революционные и военные события, крупномасштабные «социальные эксперименты» — раскулачивание, а также политические репрессии сопровождались массовыми, точнее многомиллионными, демографическими потерями и привели, с одной стороны, к сокращению численности населения, с другой, к деформации половозрастной структуры населения. Это сказалось на показателях воспроизводства населения, особенно в 1960–1970-е годы, и получило название «эхо войны». Повторно последствия войны сказались и в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в детородный период вступило немногочисленное поколение детей детей войны.

На характер демографических процессов оказывали влияние и другие факторы. В частности, урбанизация как глобальный фактор. По мере распространения городского образа жизни в России на всю сеть поселений, в том числе и сельскую местность, показатели воспроизводства снижались как в городской, так и в сельской местности. Важным фактором демографического развития территорий выступает характер их социально-экономического развития. В частности, районы пионерного хозяйственного освое-

ния в советский период, города-новостройки формировали население за счет миграционного притока и отличались благоприятной демографической структурой населения, относительно высокими показателями воспроизводства населении.

Вместе с тем отдельные регионы, в частности Центральная Россия, в первую очередь сельская местность, теряли население репродуктивного возраста в связи с активным миграционным оттоком молодежи в столицы, на новостройки. Основными участниками миграционного процесса выступали русские, украинцы, как наиболее урбанизированные, а также территориально мобильные этносы. Это усиливало деформацию половозрастной структуры населения районов интенсивного выхода мигрантов (особенно в Центральной России и т. п.) и сокращало показатели воспроизводства населения.

Северный Кавказ, в его горной части, населенный народами, имевшими высокие показатели воспроизводства населения и низкую миграционную подвижность, **отличался относительно высокими показателями воспроизводства населения.**

Постепенно низкие показатели воспроизводства населения, а позднее — в 1990-е годы — естественная убыль населения из проблемы региональной превратились в проблему государственного масштаба, охватив преобладающую часть регионов страны. Исследование демографической ситуации на региональном и локальном уровне на Северном Кавказе показывает, что с 1990-х годов типичной демографической картиной в регионах является доминирование городов и районов, в которых естественная убыль приобрела устойчивый характер и наблюдается на протяжении 15

5 Электронный интерактивный тренажер «Этносы России» (ИНИМ РАО ОФЭРНиО № 17577 от 10 ноября 2011 г.). Электронный интерактивный тренажер «Этносы России» (ИНИМ РАО ОФЭРНиО № 17577 от 10 ноября 2011 г.).

и более лет**.** Некоторым исключением являются города и сельские районы национально-территориальных образований Северного Кавказа.

Как показывают исследования по Ставропольскому краю, депопуляционные процессы в полном объеме получили распространение и на уровне поселений. Причем здесь также слабо выражена дифференциация естественного воспроизводства. Как правило, во всех или в доминирующей части поселений получила распространение естественная убыль населения. Поэтому, в условиях активной демографической политики, наряду с концепцией демографического развития регионов, конкретные программы, направленные на создание благоприятной демографической ситуации, должны быть разработаны для городов и районов, а также каждого сельского населенного пункта.

Пространственно-временные черты демографических процессов в России

Для выявления особенностей этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе нами используется полимасштабный подход, позволяющий исследовать характер этих процессов от странового до поселенческого уровня. Геоинформационный мониторинг пространственно-временных особенностей демографических процессов в России на протяжении последних 60 лет показал, что в территориальном отношении развитие негативных демографических процессов происходило в несколько этапов.

На начальном этапе — этапе возникновения и первых проявлений демографического кризиса — депопуляционные процессы, а точнее естественная убыль населения, получают развитие в Центральной России, в ее сельской местности. **Это этап единичных регионов с депопуляционными процессами,** что было обусловлено активным миграционным оттоком сельского населения начиная с пореформенного периода и особенно усилившегося в период индустриализации в довоенный период; отток населения репродуктивного возраста усиливало также соседство столиц, миграция молодежи на новостройки. Несомненно, сказывались и последствия Великой Отечественной войны. Поэтому уже в 1970-е годы сельская местность Центральной

России имела деформированную возрастную структуру населения, низкие показатели воспроизводства населения, что и определило начало естественной убыли населения в сельской местности ряда областей. Неблагоприятная демографическая ситуация в регионе осложняла проблему обеспечения трудовыми ресурсами предприятий сельского хозяйства. И несмотря на предпринимаемые меры по привлечению трудовых ресурсов в сельскую местность через систему оргнабора, проблема не была решена. Демографический потенциал сельской местности катастрофически сокращался.

Во второй половине 1970-х и начале 1980-х годов в условиях резко снижающихся показателей воспроизводства населения в России в целом регионы с депопуляционным характером воспроизводства населения составляли почти четвертую часть. При этом на Северном Кавказе это получило развитие только в Краснодарском крае. **Это этап активного развития депопуляционных процессов в большинстве регионов страны[6].**

Кратковременный всплеск рождаемости и рост естественного прироста в период перестройки не улучшили в целом демографическую ситуацию в стране, так как по существу изменился в основном календарь рождения детей, а суммарный коэффициент рождаемости продолжал снижаться. Все это лишь предопределило резкий «обвал» демографической ситуации в начале 1990-х годов и начало в целом в стране демографического кризиса, про-

6 Раужин И.Г. Мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий. — Ставрополь, 2010.

явления депопуляции. Это **этап доминирования в стране регионов с естественной убылью населения**.

Особенности демографических процессов на Северном Кавказе

На демографической карте страны Северный Кавказ в целом выделялся как территория поздней депопуляционной волны. В 1990 году в стране естественная убыль отмечалась почти в каждом четвертом субъекте, на Северном Кавказе неблагоприятная демографическая ситуация отмечалась только в Краснодарском крае. В 1992 году в России в целом отмечалась естественная убыль населения, при этом на Северном Кавказе ареал с естественной убылью населения значительно расширился за счет Ростовской области и Ставропольского края.

Основные черты демографических процессов на Северном Кавказе в постсоветский период:

1. Особенностью демографических процессов на Северном Кавказе является, с одной стороны, более позднее проявление негативных демографических тенденций, в частности, естественной убыли населения, чем в стране и других регионах.
2. Более высокие темпы нарастания депопуляционных процессов во всех регионах равнинной части и в отдельных республиках, чем в регионах ранней депопуляции. Темпы развития негативных тенденций более высокие, чем в стране, которые нередко имеют обвальный характер.

Естественная убыль охватила эти территории в считанные годы. В частности, естественная убыль населения в городах и сельской местности России наступила с разницей в несколько лет, в регионах Северного Кавказа этот срок сократился до 1–3 лет.

При этом не всегда естественная убыль проявлялась, как в Центральной России, сначала в сель-

ской местности, а затем в городах. Нередко в массовом порядке это проявлялось, наоборот, первоначально в городах, а затем в сельской местности, в частности, на Ставрополье. Такой характер демографических процессов не является только региональной особенностью Северного Кавказа и обусловлен социально-экономической ситуацией, сложившейся в этот период в стране. Экономический кризис, поразивший в первую очередь индустриальную сферу, не только приостановил миграционный поток из сельской местности, но и вызвал переориентацию миграции в системе «город–село». В связи с этим в отдельные годы наблюдалось перераспределение миграционного прироста в пользу сельской местности. В частности, на Ставрополье в отдельные 1990-е годы на долю сельской местности приходилось до 60% миграционного прироста.

В условиях активного распространения естественной убыли в районе, на Северном Кавказе сохранялись регионы с положительными показателями воспроизводства населения — Дагестан, Ингушетия, Чечня — так называемые «островки демографического благополучия». Хотя в других республиках также наблюдалась естественная убыль населения — сначала в Северной Осетии – Алании, затем в Карачаево-Черкесии, Адыгее и т.д.

В настоящее время ареал с положительным естественным приростом на Северном Кавказе включает не только республики региона (за исключением Адыгеи), но и Краснодарский и Ставропольский края, исключение составляет Ростовская область.

Основные черты миграционных процессов на Северном Кавказе

Применительно к миграционной ситуации общероссийские тенденции на Северном Кавказе проявляются в полном объеме, в частности, ареал с положительным миграционным приростом постоянно сокращается и на протяжении 1990-х гг. и первого десяти-

летия XXI века отмечается только в трех субъектах — Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Ингушетия. В настоящее время положительное сальдо миграции отмечается в Краснодарском крае, Адыгее и Ингушетии, а также Ростовской области. Положительное сальдо миграции в этом регионе обусловлено активной миграцией населения из соседней Украины.

Геоинформационный мониторинг этномиграционных процессов на Ставрополье

На миграционной карте России Ставропольский край на протяжении длительного периода времени входил в число регионов с миграционным приростом и относился к центрам притяжения регионального и межрегионального масштаба (наряду с Нижегородской, Самарской, Новосибирской областью и Ханты-Мансийским округом), соседствуя с Краснодарским краем, являющимся центром всероссийского масштаба. Устойчивые миграционные потоки на Ставрополье, особенно на протяжении 1990-х годов и в начале XXI века, оказали значительное влияние на демографическую, этническую структуру населения, расселение народов в крае. Масштабы миграционного прироста в крае росли до 1994 года и достигли максимума, составив 41,4 тыс. чел.; в начале первого десятилетия XXI века в крае миграционный прирост колебался в пределах 2–4 тыс. чел., в настоящее время отрицательное сальдо миграции составляет 0,7 тыс. чел.

Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в регионе включает исследование динамики сальдо миграции в регионе, отдельно в городской и сельской местности; анализ миг-

рационных потоков с точки зрения их территориальной структуры (межрегиональная, международная миграция, внутрирегиональная); исследование этнических особенностей миграции как в целом в регионе, так и в городской и сельской местности; территориальные особенности этнических миграций (межрегиональной, международной, внутрирегиональной) с учетом городской и сельской местности.

Принципиальное значение имеет исследование демографической структуры миграционных потоков, их влияния на формирование демографического потенциала территорий разного уровня.

Общий миграционный прирост

Мониторинг миграционных процессов за постсоветский период (1991–2016 гг.) показал, что миграционные потоки на Ставрополье существенно изменились, как в части масштабов, так и их географии, демографической, этнической и территориальной структуры. Использование геоинформационной системы позволяет проводить исследования и обеспечивать органы управления необходимой аналитической информацией при организации крупномасштабных исследований не только на уровне региона в целом или городской и сельской местности, но и на уровне городов и сельских районов, а также по каждому конкретному сельскому населенному пункту или категории сельских поселений[7] и т. д.

6 Данные о структуре миграционных потоков в сельских населенных пунктах получены путем обработки талонов прибытия и выбытия мигрантов с помощью программного комплекса «Миграция», «Анкета» // Белозеров В.С. , Турун П.П.. Маслиев Р.О., Панин А.Н., Соловьев И.А., Ненихов А.Э. Автоматизированный комплекс «Миграция». — М.: ВНТИЦ, 2–3. №50200300811.

Поэтапный анализ миграционных процессов в крае выявил следующие тенденции. В конце 1980-х – начале 1990-х годов, как известно, миграционные процессы формировались под влиянием новых факторов: демократизации, либерализации, военных конфликтов, обострения межэтнических отношений и т.д.[8] Поэтому миграционная ситуация в крае существенно изменилась: миграционный прирост вырос и составил 41,4 тыс. чел. (1994), а на долю городов приходилось всего 56,1% общекраевого миграционного прироста. Дифференциация обозначилась не только на уровне городской и сельской местности, причем в непривычном соотношении, но и между районами края. Во всех городах интенсивность миграционного прироста снизилась, причем в крупных (Ставрополь) больше, чем в малых. Они как раз демонстрировали высокую и среднюю интенсивность миграционного прироста. В целом города края вошли в категорию поселений с низким миграционным приростом. При этом в малых городах показатели миграционного прироста росли, а в крупных, наоборот, снижались[8].

В сельской местности существенно изменилась география интенсивности миграционного прироста. Высокие показатели миграционного прироста имели западные районы края (Шпаковский, Изобильненский, Труновский, Новоалександровский), как наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении и удаленные от «горячих точек». Средние показатели интенсивности миграционного прироста имело большинство районов центральной части края. В целом почти 60% районов края имели такие показатели. В середине 1990-х годов на миграционной карте края четко выделились районы, теряющие население, — мигрантов не привлекали районы, пограничные с «горячими точками» (Нефтекумский, Левокумский, Арзгирский, Курский), а также полиэтничные районы, которые сами теряли население за счет оттока даргинцев, чеченцев и др.[9,10]

Во второй половине 1990-х годов сальдо миграции сокращалось, и к 2003 году составило 4,8 тыс. В крае четко обозначился миграционный тренд — юго-западный (Ставропольский) и южный (Кавминводский). В условиях резкого сокращения миграционных ресурсов изменилась география миграционных потоков: выросла зона убыли в первую очередь за счет сельских районов юго-восточной (Курский, Степновский), восточной (Левокумский, Не-

фтекумский) и северо-восточной (Арзгирский, Туркменский, Апанасенковский районы) частей края, как более засушливых в природно-климатическом отношении, так и расположенных в непосредственной близости от границ с «горячими точками» [Соловьев, 2004][11]. На территории края в сельской местности вырисовались два ареала с высоким и средним показателем интенсивности миграционного прироста — Ставропольский (включает Шпаковский, Изобильненский, Труновский, Грачевский, Новоалександровский районы) и Кавминводский — менее обширный (Предгорный, Минераловодский, Георгиевский, Кировский районы). В городах миграция свидетельствует об очень медленном росте их привлекательности для мигрантов.

В конце первого и в начале второго десятилетия XXI века сальдо миграции сокращается до 1,1 тыс. чел. (в 2013 году) и отрицательного значения (0,7 тыс. чел.) в настоящее время. Как показывает мониторинг миграционной ситуации в крае, продолжающееся сокращение миграционного прироста сопровождается ростом зоны миграционного оттока населения и сокращением зоны с положительным сальдо миграции. Наблюдается резкое сокращение числа городов и сельских районов с положительным сальдо миграции. В регионе преобладают районы и города, которые в результате миграции теряют население. Большая часть мигрантов оседает в западной и центральной частях края, на Кавказских Минеральных Водах.

---

7 Зайончковская Ж.А Миграционные связи России после распада СССР // Миграционные процессы после распада СССР... — М., 1994.

8 Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. — Ставрополь, 2000.

9 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005.

10 Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атас Ставрополья. — Ставрополь, 2008.

11 Там же.

Геоинформационный мониторинг миграционных процессов позволяет выявить **тенденции территориальной структуры миграционного потока** в крае: в последние годы советского периода (1989–1990 гг.) межрайонная миграция обеспечивала от 43 до 57 %. В последующие годы роль межрайонных миграционных потоков в формировании миграционного прироста в крае на протяжении длительного периода росла, 65% в 1997 году, 58,6% в 1998 году, 66,3% в 2001 году, 77,4% в 2004 году. Начиная со второй половины первого десятилетия XXI века роль межрайонного миграционного потока в формировании миграционного прироста в крае сокращалась и составляла 23,9 % в 2008 году, в настоящее время весь миграционный прирост обеспечивается за счет международной миграции.

Этнические черты миграционного потока и география расселения этнических мигрантов

Как показывает мониторинг, в этнической структуре миграционного потока в крае проявляются как общероссийские черты, так и региональные, точнее кавказские. Характерной чертой этнической структуры миграционного прироста Ставрополья в постсоветский период является интенсивный рост его полиэтничности, которая проявляется в снижении в миграционном приросте доли русских и увеличении доли кавказских народов.

В структуре миграционного прироста Ставрополья до 2001 года преобладали русские. В частности, в 1992 году на их долю приходилось 72,5%, а в последующие годы их удельный вес колебался, но чаще наблюдалось сокращение — в 1997 году до 70,2%, в 1999 году — до 58,3 %, в 2000 году — до 41,3%, в 2001 году — до 38,2%, а в последние годы он колеблется от 43% (2006) до 67% (2007). То есть проявляется общероссийская тенденция.

Вторыми по численности в миграционном приросте края являются армяне, удельный вес которых колебался от 11% (в России — 7,7%) в 1995 году до 50% (в России 7,6%) в 2000 году, до 38% в 2002 году и 22% в 2007 году. В рассматриваемый период изменяется характер миграционного поведения и ряда других народов, проживающих на Ставрополье. Поэтому важной особенностью этнического состава миграционного прироста в крае является миграционная убыль в начале 1990-х годов, а в последующие годы рост доли северокавказских народов — чеченцев, даргинцев (по 2–3% в 2000–2007 гг.), азербайджанцев (3–4% в 2000–2007 гг.)[12].

Геоинформационная система позволяет проводить детальный анализ и визуализацию этнических миграций в крае на уровне городов и муниципальных районов. Проведенный геоинформационный мониторинг этнических миграций в крае показал, что общим для всех народов, проживающих на Ставрополье, является изменение географии расселения этнических мигрантов к настоящему времени по сравнению с 1995 годом. Расширение ареала расселения русских, армян в середине 1990-х гг. сочета-

12 Доклад межведомственной комиссии о демографической ситуации в Ставропольском крае. Ставрополь, 2005 год, Белозеров В.С. Панин А.Н. и др.

лось с ростом зоны миграционного оттока у даргинцев, чеченцев в этот период.

В настоящее время миграционная ситуация складывается таким образом, что в крае выделяются территории предпочтительного расселения мигрантов разных национальностей, и ареалы их вселения в той или иной степени совпадают. В частности, миграционный поток русских расселяется в пределах Ставропольской и Кавминводской агломераций. Остальные территории в ходе миграции теряют русское население. Ареал расселения армян, второго в крае этноса по численности и миграционному приросту, также охватывает примерно те же территории, что и у русских. В свою очередь, тренд расселения даргинцев и чеченцев изменяется с восточного на западный и во многом совпадает с ареалом расселения русских и армян.

Геоинформационный мониторинг региональных особенностей демографических и миграционных процессов на Северном Кавказе позволяет выделить на его территории **два ареала-полюса**. Один **миграционный** — в 1990-е гг. и первом десятилетии XXI века — «Краснодарско-Ставропольский» в сочетании с Ингушетией, характеризующийся положительным сальдо миграции. За последнее десятилетие миграционный ареал значительно изменился за счет развития отрицательного сальдо миграции в регионах не только горной, но и равнинной части Северного Кавказа — Ставропольского края. При этом в Ростовской области, Адыгее и Ингушетии сложилось положительное сальдо миграции. Как и прежде, для этого ареала характерна резко выраженная концентрация миграционного прироста в основной зоне притяжения мигрантов — Краснодарском крае.

Второй **ареал-полюс — демографический** — «Чечено-Дагестанский» в сочетании с Ингушетией. Основная часть естественного прироста приходится на Чечню, Ингушетию и Дагестан. В 2016 году на Северном Кавказе естественный прирост составлял более 70 тыс. чел. При этом в Дагестане, Чечне и Ингушетии — 50,6 тыс. чел.

Исследование демографических процессов на локальном и поселенческом уровне

Крупномасштабное исследование демографических процессов нами проведено на примере городов и сельских районов Ставропольского края,

Ставрополье относится к **регионам поздней «волны депопуляции»,** поэтому естественная убыль в преобладающем числе городов и районов края проявилась в начале 1990-х годов. Хотя в отдельных сельских районах, а также курортных городах КМВ — Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске и Железноводске — естественная убыль проявилась раньше — в 1970–1980-е годы[13].

В условиях, когда Россия переживает не просто сложные времена, а глубокий демографический кризис, даже такой, казалось бы, всегда благополучный в демографическом отношении регион, как Ставропольский край, стремительно, менее чем за 15 лет, приобрел полный «букет» негативных демографических черт: низкие показатели рождаемости, сверхвысокую смертность, рост показателя разводимости и др.

Ухудшение демографической ситуации в стране и в крае произошло так быстро, что не все вовремя успели это осознать в полной мере и тем более предложить меры по ее кардинальному оздоровлению.

Геоинформационный мониторинг демографических процессов в крае за постсоветский период позволяет выделить 4 периода, которые отличаются по характеру естественного движения. В первый период (1991–1993 гг.) при общем отрицательном естес-

13 Доклад межведомственной комиссии о демографической ситуации в Ставропольском крае / Белозеров В.С. Панин А.Н. и др. Ставрополь, 2005.

твенном приросте расширяется ареал с отрицательным естественным приростом, на территории края появляются города и районы с естественной убылью населения. На большинстве территорий отмечался суженный режим воспроизводства населения, который не обеспечивал простого замещения поколений, и рост общей численности в крае обеспечивался за счет миграции. Следующий период (1993–2002 гг.) характеризуется развитием естественной убыли населения на подавляющей части территории края, ростом показателя естественной убыли населения до максимального за весь предшествующий период. В третьем периоде (2003–2010 гг.) показатели естественной убыли населения снижаются и появляются территории с положительным естественным приростом. На протяжении последующего периода (2011 — по н. в.) в крае сложился положительный естественный прирост с низкими значениями, кроме того, ареал с положительным естественным приростом включает все большее число городов и районов.

Построенные нами картографические модели позволяют выявить особенности и характерные черты демографических процессов, дать прогноз на разных территориальных уровнях. В частности, анализ естественного прироста в Ставропольском крае за 1970–2016 гг. показал, что на Ставрополье в течение длительного периода — более 15 лет — только в 2 районах — Нефтекумском и Курском отмечался положительный естественный прирост. При этом в большинстве городов и районов естественная убыль отмечалась более 15 лет. Следовательно, ухудшается демографическая ситуация, деформируется возрастная структура населения в сторону постарения, особенно в сельской местности. А это означает, что немногочисленное поколение рожденных в 1990-е годы и в начале XXI века, вступив в репродуктивный возраст, не обеспечит замещение убывающего населения. Поэтому в современной демографической политике необходимо ориентироваться на многодетную семью.

На муниципальном и поселенческом уровне исследование демографических процессов выполнено по ключевым районам: Апанасенковский и Красногвардейский. Выявленная в этих районах демографическая ситуация характерна почти для всех сельских районов Ставрополья. В частности, исследования в Красногвардейском районе показали, что во всех сельских поселениях

отмечается естественная убыль населения. Повлиять на эту ситуацию не может и миграция, так как положительный миграционный прирост отмечается только в двух из двадцати сел. При этом анализ демографической структуры миграционного прироста показал, что миграция не способствует омоложению населения района. Аналогичная демографическая ситуация получила развитие и в Апанасенковском районе.

Проведение исследований миграционных и демографических процессов на основе геоинформационного мониторинга на муниципальном и поселенческом уровне позволило отработать методику прогноза динамики численности населения по оптимистическому и пессимистическому варианту в ключевых муниципальных районах: Красногвардейский и Апанасенковский.

Разработанная в лаборатории модель геинформационного демографического мониторинга позволяет не только выявить современную демографическую ситуацию в поселениях, но и разрабатывать прогноз их демографического развития. Демографическими процессами необходимо управлять через разработку и реализацию комплекса мер, направленных в первую очередь на оздоровление социально-экономической ситуации в сельских районах, в каждом населенном пункте.

Моделирование миграционных процессов с помощью центрографического метода позволяет выявить изменения центра тяжести расселения мигрантов в крае. В 1970 году центр расселения мигрантов располагался на юго-востоке Андроповского района на границе с Минераловодским районом. В конце 1980-х годов и особенно в 1990-е годы, в связи с интенсивными миграционными потоками в край, ареал расселения мигрантов охватывал не только западные, центральные районы и КМВ, но и восточные районы. Поэтому центр тяжести расселения мигрантов активно сместился в 1989 году в Александровский район, на террито-

рии которого и размещался последующие почти 10 лет. В 2005 году в условиях сокращения зоны миграционного прироста, которая включала преимущественно КМВ и пригороды Ставрополя, центр смещается в Андроповский район, а к 2012 году — в западную часть края и размещается в Шпаковском районе.

Мониторинг миграционных процессов на основе ГИС-технологий позволил выявить, во-первых, общие тенденции миграционных процессов, в том числе их территориальные особенности; во-вторых, особенности географии расселения этносов и ее изменения за непродолжительный постсоветский период; в-третьих, в настоящее время миграционная ситуация складывается таким образом, что в крае выделяются территории предпочтительного расселения мигрантов разных этносов и ареалы их вселения в той или иной степени совпадают.

Эта особенность расселения этнических мигрантов оказывает влияние на изменение этнической структуры населения западных регионов края, способствуя началу полиэтнизации в этой части края. Это требует создания условий для повышения эффективности адаптации мигрантов, гармонизации межэтнических отношений.

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИИ В РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ

ГЛАВА 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ*

БЕЛОЗЕРОВ В.С., ЧЕРКАСОВ А.А.

ВВЕДЕНИЕ

Характерными особенностями этнической характеристики России являются полиэтнический состав населения, региональные особенности формирования этнической структуры населения, этнические черты воспроизводства населения и др.

В стране выделяются районы с высокой плотностью населения, моноэтничные территории (Центральная Россия и др.), с концентрацией представителей различных этносов — Северный Кавказ, Юг Сибири, Поволь-

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ в рамках исследовательского проекта «Разработка и апробация системы геоинформационного мониторинга этнодемографических процессов (на примере регионов Северного Кавказа)» (проект №16-06-00179).

жье, а также обширные малозаселенные ареалы проживания малых народов Севера и Дальнего Востока. На этническую структуру населения регионов России влияют особенности режима воспроизводства у этносов, а также современные миграционные процессы, которые вызывают изменения географии расселения отдельных народов.

В России проводятся исследования по различным аспектам этнических процессов: этническим аспектам формирования населения, географии расселения посвящены исследования В.М. Кабузана, Н.Г. Волковой, В.С. Белозерова, О.И. Вендиной, изучению этнических миграций посвящены работы Ж.А. Зайончковской, П.М. Поляна, С.В. Рязанцева, Н.В. Мкртчяна и других, этнические особенности воспроизводства населения исследуют Д.Д. Богоявленский и др.

Для понимания проблем межэтнического взаимодействия важны результаты исследований этнологов, социологов, опубликованные в работах В.А. Авксентьева, Ю.В Арутюняна, С.А. Арутюнова, Л.Н. Гумилева, Л.М. Дробижевой, П.И. Кушнер, В.А. Тишкова, А.А. Цуциева и др.

При исследовании этнических процессов в России нами изучаются региональные особенности формирования этнической структуры населения и демографических процессов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В качестве информационной базы исследования выступают данные Всесоюзной 1959–1989 гг. и Всероссийской 2002, 2010 гг. переписей населения, а также данные статистического учета естественного движения населения за рассматриваемый период.

Для выявления региональных особенностей динамики этнической структуры населения и проведения типологии регионов России по характеру ее формирования в качестве базового критерия было выбрано изменение соотношения доли различных этносов, в частности русских, как самого многочисленного этноса. Параллельно с исследованием этнической структуры населения нами проведен анализ особенностей демографических процессов в регионах с различной этнической структурой населения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Характеристика этнической структуры населения России. Исследование этнической структуры населения России начиная с 1959 года по настоящее время показало, что на протяжении второй половины советского периода и в постсоветский период этот показатель менялся как в целом в стране, так и в регионах. В числе главных факторов, определяющих масштабы и характер этих изменений, выступают урбанизация, миграционные процессы, этнические особенности режима воспроизводства населения и др.

Общей тенденцией этнической структуры населения в России является изменение относительных и абсолютных показателей этносов в стране. В частности, сокращение численности и доли одних этносов (русских, украинцев, белорусов, евреев, немцев) и рост доли представителей других этносов (северо-кавказских народов, армян и др.). В период с 1959 по 2010 год доля русских сократилась на 5,6 % (с 83,3 % в 1959 г. до 77,7 % в 2010 г.).

На этом фоне в этнической структуре населения страны увеличивается доля народов Северного Кавказа (народы Дагестана, чеченцы и др.), Южного Кавказа (армяне, азербайджанцы), а

также титульных народов стран Средней Азии (в первую очередь, таджики и узбеки). До 1989 г. изменения этнической структуры населения России имели «плавный» характер, а после 1989 г. проявлялись более активно и в отдельных случаях — резко, в связи с исходом отдельных этносов из региона.

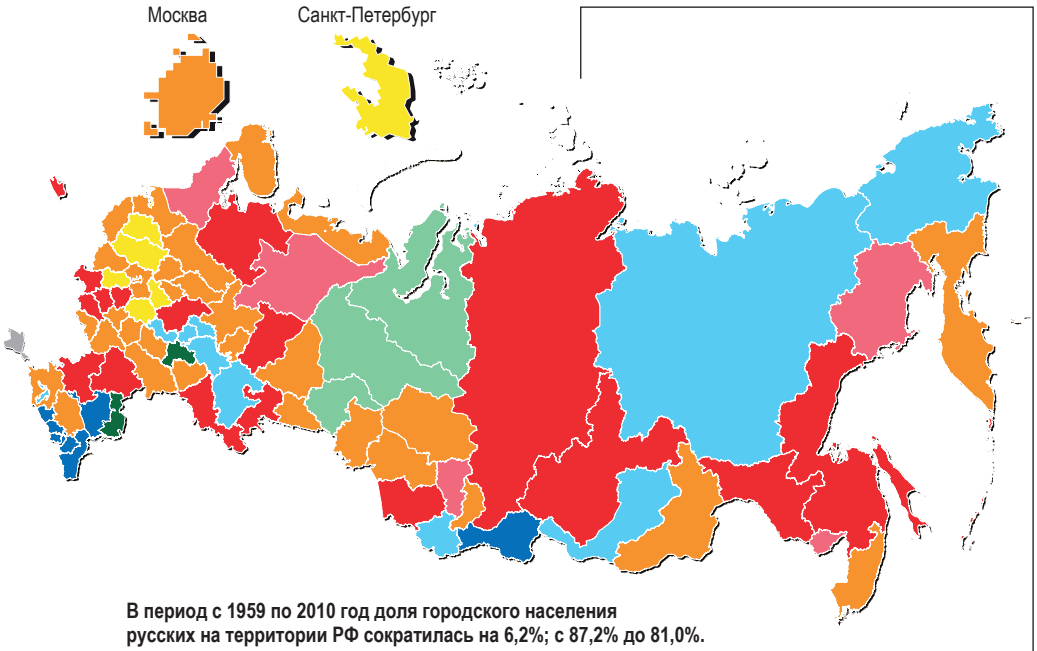
Рассматривая этническую структуру населения в разрезе городской и сельской местности, отметим, что удельный вес русских в городской местности выше, чем в сельской (в городской в 2010 г. 81,0 %, в сельской — 68,5 %). При этом доля русских в городском населении России сократилась за период с 1959 по 2010 год на 6,2 %, а в сельском населении — на 10,8 %, и в сельской местности отмечается более интенсивная трансформация этнической структуры населения. Во многом это обусловлено тем, что большинство народов Северного Кавказа, Севера, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья продолжает оставаться преимущественно сельскими жителями, не преодолев урбанизационный переход (доля городского населения ниже 50 %). На этом фоне наиболее активно урбанизационные процессы отмечаются у русских, украинцев, белорусов, евреев, армян и других, что влияет на увеличение их абсолютных и относительных показателей в составе городского населения на протяжении нескольких десятилетий[1].

Трансформация этнической структуры населения России имеет ярко выраженные региональные особенности. Но при всем разнообразии индивидуальных сценариев формирования этнической структуры населения регионов России имеются общие черты и тенденции для целых групп регионов[2]. Это послужило основанием для проведения типологии регионов России по типу формирования этнической структуры населения (рис. 1).

---

1 Белозеров В.С., Черкасов А. А. Региональные особенности формирования этнической структуры городского населения России // Проблемы региональной экологии: общественно-научный журнал. — 2013. — №3. — С. 218–220.

2 Черкасов А.А. Этнические аспекты урбанизации в России. — Ставрополь: Изд-во ФОК-Юг, 2016. — 240 с.



В период с 1959 по 2010 год доля городского населения русских на территории РФ сократилась на 6,2%; с 87,2% до 81,0%.

I тип – регионы с относительно стабильным этническим составом городского населения

18* первый подтип – доля русских выросла от 0% до 6,2%

31 второй подтип – доля русских сократилась от 0,1% до 6,2%

5 третий подтип – доля русских выросла свыше 6,2%

6 четвертый подтип – доля русских сократилась более чем на 6,2%

* Количество регионов

Республика Крым и город Севастополь в работе не учитывались.

II тип – регионы с активно меняющимся этническим составом городского населения

10 дерусификация – в регионах первого подтипа отмечается сокращение доли русских от 6,2% до 20,0%

8 в регионах второго подтипа отмечается активная дерусификация, и сокращение русских за период составляет более 20,0%

III тип – регионы интенсивной полиэтнитизации городского населения

3 первый подтип характеризуется ростом численности русских и активным ростом численности других народов, при этом доля русских в этнической структуре городского населения активно сокращается

2 для второго подтипа характерно сокращение численности русских и сокращение их доли в этнической структуре за счет роста численности других этносов

Рис. 1. Типология регионов России по характеру формирования этнической структуры населения.

Типология регионов России по характеру формирования этнической структуры населения.

Во второй половине XX – начале XXI в. изменения этнической структуры населения регионов происходят под влиянием этнических особенностей воспроизводства и миграционной подвижности населения, социально-экономической ситуации, этнополитических процессов и других факторов. В одних регионах страны отмечаются общероссийские тенденции в изменении этнической структуры населения, в других — проявляются региональные особенности. Как отмечалось выше, в период с 1959 по 2010 год доля русских в составе населения России сократилась на 5,6 % (с 83,3 % до 77,7 %). Разница в 5,6 % в изменении доли русских нами принята как средняя величина изменения соотношения доли русских, а отклонение от этой величины в регионах позволяет судить о региональных особенностях динамики этнической структуры населения. При этом учитываются особенности изменения доли других этносов. Таким образом, показатели, характерные в целом для населения России, будут являться средними показателями при характеристике региональных особенностей.

В демографическом развитии России в целом за рассматриваемый период выделяется несколько этапов, и на общероссийском фоне проявляются региональные особенности. С начала 1960-х гг. в России отмечается снижение показателей воспроизводства населения. При этом в моноэтничных регионах Европейской части страны отмечается естественная убыль сначала в единичных регионах (Псковская, Тверская, бывшая Калининская, области), а позднее депопуляционный процесс проявляется во все новых и новых регионах страны. Во второй половине 1970-х и начале 1980-х годов, в условиях резко снижающихся показателей воспроизводства населения в России в целом, регионы с депопуляционным характером воспроизводства населения составляли почти четвертую часть. Это был этап активного развития депопуляционных процессов в большинстве регионов страны. В начале 1990-х годов в стране доминировали регионы с естественной убылью населения. В большинстве национально-территориальных образований Северного Кавказа, в Поволжье, в районах активного хозяйственного освоения Сибири, Дальнего Востока общероссийская тенденция демографического развития проявляется медленнее.

С учетом характера динамики этнической структуры населения нами выделено 3 типа регионов[3] (рис. 1).

1. Регионы с относительно стабильным этническим составом населения.

Это самая многочисленная группа субъектов страны (62 региона), включающая большинство регионов Европейской части страны, Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на относительную стабильность этнического состава населения, регионы разделяются на четыре подтипа, в которых доля русских:

1) выросла от 0 до 5,6 % — первый подтип;
2) сократилась от –0,1 до –5,6 % — второй подтип;
3) выросла свыше 5,6 % — третий подтип;
4) сократилась более чем на –5,6 % — четвертый подтип.

Данный тип регионов характеризуется относительно стабильным этническим составом населения. В 2010 году в регионах данного типа проживало 90,1 % русских. Географически они расположились в основном в Европейской части России, а также это регионы активного освоения русскими в период с XVIII по XX в. (Юг Европейской части России, регионы Сибири и Дальнего Востока). *Подтип регионов, где доля русских выросла свыше 5,6 %,* логично отнести к регионам со стабильным этническим составом населения, так как за счет роста доли русских усиливается моноэтничность территории и к концу исследуемого периода данные регионы, фактически в полном составе, по доле русских

3 Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации на основе ГИС-технологий: автореф. дис. … канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2013.

соответствуют регионам традиционного проживания русских. Обусловлено это тем, что в регионах данной подгруппы за исследуемый период произошло активное сокращение доли других народов. Например, рост доли русских произошел в Еврейском АО за счет активного сокращения доли евреев, а в Калининградской области — за счет общего сокращения доли белорусов, украинцев и литовцев. На этом фоне выделяется *подтип регионов, доля русских в которых сократилась более чем на –5,6%.* Таких регионов одиннадцать, они расположены в центральной части Европейской России, к данному типу относится также Санкт-Петербург. Кроме русских, ни один из этносов не имеет значительной доли в составе населения данных регионов.

Анализ показывает, что эта многочисленная группа регионов по характеру демографических процессов делится на две части. В первой, включающей регионы Европейской части страны, появляются регионы с естественной убылью населения, которая в 1980–1990-е гг. охватила практически все регионы этой группы. Вторая группа регионов представлена субъектами Восточной Сибири, Дальнего Востока и в силу особенностей формирования населения сохранила относительно высокие показатели воспроизводства населения.

2. **Регионы с активно меняющимся этническим составом населения** включают 14 национально-территориальных образований[4] и отличаются на протяжении всего рассматриваемого периода высокими показателями естественного прироста. В условиях активного распространения естественной убыли в стране на Северном Кавказе (Дагестан, Ингушетия, Чечня), в Поволжье сохранились регионы с положительными показателями воспроизводства населения. Это так называемые «островки демографического благополучия». Хотя в некоторых республиках на протяжении кратковременного периода наблюдалась естественная убыль населения — сначала в Северной Осетии – Алании, затем в Карачаево-Черкесии, Адыгее и т.д.

3. **Регионы интенсивной полиэтнитизации включают** 6 территорий, которые отличаются по характеру формирования населения. Первая группа включает регионы активного ин-

дустриального развития на современном этапе — Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, вторая — Ставропольский край, Ульяновскую и Астраханскую область. Первая группа регионов характеризуется ростом численности русских и высоким ростом численности других народов, при этом доля русских стремительно сокращается в этнической структуре населения. В регионах активного индустриального развития формирование общей численности населения и изменение этнической структуры населения обеспечиваются за счет динамичных миграционных процессов, в первую очередь молодого трудоспособного населения. Для этой категории регионов характерны высокие показатели воспроизводства населения.

4 Регионы разделяются на два подтипа, в которых отмечается: 1) размеренная дерусификация — сокращение русских за исследуемый период от –5,6 % до –20,0 % — первый подтип; 2) активная дерусификация — сокращение доли русских за период с 1959 по 2010 год более чем на 20,0 % — второй подтип. Данный тип характеризуется сокращением доли русских в этнической структуре городского населения регионов России и ростом доли других этносов. Все регионы данного типа являются национальными образованиями. Представляющие данный тип регионы можно разделить на четыре ареала. Первый составляют республики Северного Кавказа и Республика Калмыкия, которые относятся к подтипу с размеренной дерусификацией. Исключением является Чеченская Республика, а также Республика Калмыкия и Ингушетия, которые относятся к регионам с активной дерусификацией. В Поволжье только Республика Башкортостан является регионом с размеренной дерусификацией. Третий ареал расположен в южной части Восточной Сибири и включает три региона, при этом Алтай и Бурятия относятся к подгруппе с размеренной дерусификацией, а Тува к регионам с активной дерусификацией. Четвертый ареал находится на востоке страны и включает Республику Саха (Якутия) и Чукотский АО, они относятся к регионам с размеренной дерусификацией.

На Ставрополье такой характер изменения численности русских также обусловлен активными миграциями в 1990-е гг., в том числе миграциями других этносов, проживающих в соседних трудоизбыточных регионах Северного Кавказа, а также исторически сложившимися связями и сложной этнополитической ситуацией в странах Южного Кавказа — армяне и т. п. Полиэтничный состав населения обусловил на протяжении длительного периода времени относительно высокий показатель естественного движения населения; естественная убыль населения в крае отмечалась с начала 1990-х гг., поэтому край относится к регионам поздней волны депопуляции.

Выводы.

Анализ региональных особенностей формирования этнической структуры населения и демографического развития России выявил общие черты для целых групп регионов, что позволило предложить их типологию и показать особенности демографического развития, обусловленные как этническими особенностями воспроизводства, так и характером формирования населения.

Наиболее важным, при проведении данной типологии, является выявление регионов, у которых динамика показателей этнических процессов наиболее выраженна и отклоняется от средних показателей по стране. Регионы с активно меняющимся этническим составом населения и регионы интенсивной полиэтнитизации требуют более пристального внимания региональных властей при формировании региональной политики, так как активная смена этнического состава населения может выступать конфликтогенным фактором. Данный подход позволяет выявлять наиболее проблемные регионы, с точки зрения трансформации этнической структуры населения и демографического развития. Материалы исследования можно использовать при разработке документов стратегического проектирования.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕФТЕКУМСКОМ РАЙОНЕ[1]

ЖИРЕНКО Г.Н., ОВСЯННИКОВ Е.И.

Ставропольский край находится в этно- и геополитическом центре такого сложного поликультурного макрорегиона, каким является Северный Кавказ[2], в связи с этим его этнический состав крайне неоднороден. Демографическая и миграционная ситуация в каждом отдельно взятом муниципальном районе и даже населенном пункте в зависимости от преобладающих народов своя, отдельная, требующая конкретных управленческих решений. Нефтекумский район — одна из самых полиэтничных территорий не только Ставропольского края, но и всего Северного Кавказа. Одновременно его отличают сложная экономическая ситуация и наличие целого комплекса социально-демографических проблем.

Динамика численности населения Нефтекумского района имеет как свои собственные особенности, так и общие для Ставропольского края в целом, где-то повторяя и общероссийские тенденции[3]. По данным текущего

1 Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

2 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — 299 с.

3 Белозеров В.С. Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь, 2008. — 207 с.

учета, по состоянию на 2016 год, численность населения составляет 64,6 тыс. чел.

В 1980-е годы население района быстро росло за счет высо-

ТАБЛИЦА 1. ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕФТЕКУМСКОГО РАЙОНА*

Годы	Численность населения (темпы роста/снижения в %)	Рождаемость (на 1000 чел.)	Смертность (на 1000 чел)	Естественный прирост (на 1000 чел.)
1965–1969	0,3	23,6	5,7	17,9
1970–1979	0,5	24,0	6,7	17,3
1980–1989	2,9	26,6	7,1	19,5
1990–2002	0,8	14,8	10,6	4,2
2002–2006	–2,4	12,5	11,9	0,6
2007–2016	–5,3	14,7	10,4	4,3

* Федеральная служба государственной статистики. — http://www.gks.ru.

ких показателей рождаемости и естественного прироста. Однако с начала XXI века началось сокращение численности, которое продолжается и в настоящее время, причем темпы убыли населения возрастают, несмотря на более низкие (по сравнению с концом XX в.), но достаточно устойчивые положительные показатели естественного прироста (табл. 1).

Как показал анализ, достаточно длительный период времени Нефтекумский район на демографической карте Ставропольского края выделялся как территория демографического благополучия, для которой характерны высокие показатели рождаемости и пониженные показатели смертности, что свидетельствовало о расширенном воспроизводстве. Главной причиной этого, как отмечает В.С. Белозеров, являлась пестрота этнического состава, а также относительно молодая демографическая структура населения[4]. Поэтому общекраевые и общероссийские тенденции демографического спада начали проявляться здесь с заметным опозданием.

Вместе с тем, наряду с позитивными демографическими трендами, начали проявляться негативные миграционные процессы. Следует отметить, что во всех сельских районах Ставропольского края ведущую роль играют внутрикраевая и внутрирайонная миграции[5]; значение последней особенно велико в приграничных районах восточной зоны[6], к которым и относится Нефтекумский район. Вплоть до середины 1990-х годов естественный прирост компенсировал миграционный отток. Но затем ситуация поменялась и район начал испытывать сильное миграционное давление. Исключение составил небольшой период с 1995 до 1998 года, когда под влиянием военных событий в Чеченской Республике

4 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — 299 с.

5 Турун П.П. Региональные особенности сельского расселения Юга России // Вестник СГУ. — 2010. — №69 (4). — С. 170–176.

6 Белозеров В.С., Белозерова Л.П., Турун П.П. Эволюция расселения Ставрополья и Карачаево-Черкесии. — Ставрополь, 1993. — 171 с.

в район хлынул поток стрессовых мигрантов и миграционный прирост превышал 20‰. Однако к 2000 г. миграционная убыль возобновилась и продолжает с каждым годом нарастать, а численность населения сокращается.

Как видно, формирование населения Нефтекумского района в постсоветское время находилось под влиянием разнонаправленных тенденций, дополнявшихся внутрирайонными перемещениями. Для более наглядного представления этих процессов нами был проведен детальный анализ миграционной ситуации на примере двух резко различающихся по характеру протекания миграций годов — 1995-го и 2006-го. 1995 год выделяется самыми высокими положительными показателями миграционного прироста (25,2 на 1000), тогда как для 2006 года характерны наиболее высокие отрицательные величины (–3,8 на 1000).

В 1995 г. Нефтекумский район, как и весь Ставропольский край, принимал значительное число стрессовых мигрантов, преимущественно из Чеченской Республики (около 12 % всего потока)[7], а также из Дагестана (более 10 %). Кроме того, среди прибывших присутствовали жители Азербайджана, Казахстана и Тюменской области. Остальную часть миграционного прироста составили внутрикраевые миграции, где был высокий удельный вес краевого центра г. Ставрополя (9 %), Курского и Георгиевского районов (4 %). Активно протекали внутрирайонные перемещения. Наиболее привлекательными для мигрантов являлись Нефтекумск (45 %), пгт. Затеречный (14 %), села Ачикулак и Кара-Тюбе.

В 2006 г. ситуация претерпела значительные изменения. Как территория вселения для мигрантов из других регионов России, район утрачивает свою привлекательность. Сокращается почти в 2 раза поток прибывающих на работу (с 24 % в 1995 г. до 13 % в 2006 г.). На долю внешнего въездного потока приходится всего 4 %, представленные преимущественно переселенцами из Тюменской области, что обусловлено развитием в районе нефтяных промыслов. Остальная часть приходится на внутрирайонный обмен, а население принимают крупные села Урожайное и Величаевское; свою притягательность для внутрирайонных мигрантов сохраняют пгт. Затеречный и г. Нефтекумск. Главным фактором внутрирайонных перемещений становится ухудшающаяся экономическая ситуация в мелких населенных пунктах, в которых растет безработица.

Наряду с притоком населения в городские и сельские населенные пункты отток населения из района не прекращался. Особенно заметен он стал в 2006 г. и охватил практически все населенные пункты района[8]. Особенно высоким удельным весом выезжающих выделяются села Каякула и Ачикулак. В 1995 г. мигранты выбирали крупные краевые города — Ставрополь и Пятигорск. За пределы края население выезжало в Дагестан — около 20 % выездного потока — и Тюменскую область — 5 % выезжающих. В 2006 г. к Пятигорску добавляются другие города Кавказских Минеральных Вод. Большой поток направляется в Буденновский район (где растет емкость рынка труда) и г. Ставрополь. Из российских регионов привлекательным остается Дагестан.

В качестве одной из основных причин выбытия мигранты называют возвращение к прежнему месту жительства (что особенно было характерно в 1995 г. для дагестанских этнических групп, начавших массово покидать Ставрополье), что составило 17 %. В 2006 эту причину указали только 6 % выезжающих, что отражает прекращение действия данной тенденции. В 2006 г. резко увеличивается количество миграций по личным и семейным причинам (75 % всех выбывающих).

Миграционные процессы оказывают заметное влияние на образовательную структуру населения района. Среди прибывших мигрантов преобладают лица с общим средним образованием

7 Соловьев И.А. Региональные особенности современных миграционных процессов на Северном Кавказе: автор. дис. ... канд. геогр. наук. — Ставрополь, 2004. — 23 с.

8 Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Чихичин В.В., Фурщик М.А. и др. Миграционные процессы в России: атлас. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — 52 с.

(более 40 %) и средним специальным образованием (около 20 %). Доля лиц с высшим образованием не превышает 16 %. Обратный миграционный поток в 1995 г. характеризовался низким удельным весом лиц с высшим образованием (6,5 %), но к 2006 г. уже каждый четвертый, покидающий район, имел высшую квалификацию, а каждый второй — среднее образование, что указывает на усиление оттока молодежи и квалифицированных специалистов.

Достаточно разнороден возрастной и этнический состав мигрантов. Основную долю как прямого, так и обратного миграционного потока составляют лица в трудоспособном и детском возрасте, что свидетельствует о том, что в миграции вовлечены целые семьи[9].

Молодость миграционного потока является следствием его этнической структуры. Как отмечают некоторые исследователи, чем выше уровень полиэтничности территории, тем моложе структура населения[10]. Однако следует отметить, что активизация выездных миграций постепенно меняет возрастную структуру населения в направлении старения. Если в середине 1990-х годов удельный вес лиц пенсионного возраста не превышал 17 %, то к настоящему времени он достигает 20 %.

Как отмечает В.С. Белозеров[11], миграционные процессы оказывают значительное влияние на этническую структуру. Структура миграционного потока в целом повторяет этническую структуру местного населения. Так, во всех районах края доля русских, как правило, повышена, это сохраняется и в миграционных потоках. Не является исключением и уникальный в этническом отношении Нефтекумский район, где доля русских в миграционном приросте даже несколько выше (44,5 %), чем среди постоянно проживающего населения[12]. Однако выбывает русских из района существенно больше, чем прибывает.

Среди прибывающего населения в 1995 г. удельный вес русских составлял 65 %, спустя 10 лет в 2006 г. их доля снизилась до 55 %. Была высока доля даргинцев (23 %), ногайцев (7 %) и туркмен (7 %). В 2006 г. снизилась не только доля русских, но также даргинцев и туркмен (до 10 % и 5 % соответственно). За счет увеличения доли татар, лакцев, кумыков наряду со снижением объемов прямого потока наблюдается постоянное нарастание его полиэтничности. Обратный миграционный поток в 1995 г. на 75 % со-

стоял из русских, а 20 % приходилось на даргинцев. В 2006 г. русские уже составляли 58 % от всех выезжающих, даргинцы — 10 %. Активно начали покидать район ногайцы (13 %) и туркмены (5 %).

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить, что Нефтекумский район является малопривлекательным для миграции, в основном преобладает внутрирайонная и внутрикраевая направленность миграционных потоков. Начавшийся в 2000-х гг. устойчивый миграционный отток негативно сказывается на демографической структуре населения, обнажая ранее не проявлявшиеся тенденции старения. За счет миграционного оттока преимущественно русских более мозаичным становится и этнический состав. В сложившейся демографической и миграционной ситуации очень важно, чтобы политика района и каждого населенного пункта была направлена на привлечение мигрантов на жительство, на развитие производственной и социальной инфраструктуры.

9 Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Чихичин В.В., Фурщик М.А. и др. Миграционные процессы в России: атлас. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — 52 с.

10 Турун П.П. Региональные особенности сельского расселения Юга России // Вестник СГУ. — 2010. — №69 (4). — С. 170–176.

11 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — 299 с.

12 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — 299 с.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ*

ЖИРЕНКО Г.Н.

Одним из главных факторов, определяющих масштабы и темпы социально-экономического развития страны и отдельных ее регионов, является демографическая составляющая — та основа, на базе которой формируются демографические и трудоресурсные возможности региона. В конце XX – начале XXI века в России наблюдалось резкое ухудшение демографической ситуации, в стране с 1992 года впервые за всю тысячелетнюю историю началась депопуляция, которая в демографическом смысле противоположна росту населения. Миграция на протяжении длительного времени для Ставропольского края служила одним из ключевых факторов поддержания или восстановления демографического равновесия.

На общем фоне демографического развития России Ставропольский край имеет свои специфические особенности. В течение длительного времени Ставрополье выделялось относительно высоким приростом насе-

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

ления. Это сочеталось с традиционно высокой привлекательностью края для мигрантов. Миграция практически всегда играла важную роль в формировании населения, но все же не была единственным источником роста его численности.

Анализируя сложившуюся ситуацию хода демографических и миграционных процессов за период с 1950 по 2016 год, можно отметить, что население региона увеличилось в 1,5 раза, составив в 2016 году 2801 тысячу человек[1]. Анализ динамики общей численности населения показал заметные изменения в среднегодовых темпах прироста. Рассматриваемый временной интервал можно разделить на два периода. Первый период (с 1950 по 1990 год) характеризуется ростом демографического потенциала. Абсолютный прирост численности населения края достиг максимальных показателей в 1980–1989 годах. При этом среднегодовые темпы прироста населения достигли своих максимальных значений в начале анализируемого периода, в последующие годы отмечалось их постепенное замедление. В 1980–1990 годах этот показатель уменьшился наполовину по сравнению с максимальным уровнем, отмеченным в 1950–1969 годах. Начало второго периода в динамике численности населения связано с ее сокращением. С 1993 года в крае отмечается убыль населения,

Во второй половине прошлого века накопленный ранее демографический потенциал был почти исчерпан за счет резкого снижения рождаемости при сохранении высокого уровня смертности. В результате, начиная с 1993 года (на год позже, чем в целом по

1 Официальный сайт Ставропольстата. — http://stavstat.gks.ru/.

России), в Ставропольском крае отмечается естественная убыль, что повлекло за собой снижение его демографического потенциала. При этом отрицательный естественный прирост охватил как городскую, так и сельскую местность. К 1992 г. естественная убыль полностью затронула городские поселения, а с 1993 г. — сельскую местность. В 1993 году в 14 из 26 районов отмечался отрицательный показатель естественного прироста. К 1995 — в 20-ти районах, а в 1999 незначительный положительный показатель естественного прироста был сохранен только в Курском и Степновском районах. С 1993 г. коэффициенты естественной убыли населения к 2000 г. увеличились в два раза. Постоянное снижение естественного прироста выразилось в расширении ареала депопуляции, к 2003 г. этот процесс распространился на 23 района и на городские поселения, кроме Новопавловска, Минеральных Вод, Светлограда, Михайловска.

Свое положительное воздействие на рост численности населения продолжительное время в данном случае оказывала миграция. Значительный миграционный прирост на протяжении 1990-х годов сдерживал процессы старения населения за счет притока в край переселенцев более молодой возрастной структуры по сравнению с постоянным населением. Среди прибывших население в трудоспособном возрасте составило 47,1 %, младше трудоспособного возраста — 21,5 %.

Начиная с 2000 года миграция не смогла оказывать влияние на демографическую ситуацию края в связи с ее незначительными масштабами. Теперь наступает период определяющего влияния естественного движения на формирование демографического и трудового потенциала края.

Начиная с 2007 года в Ставропольском крае отмечается рост рождаемости, обусловленный мерами демографической политики. Материнский капитал считается мерой эффективной, об этом говорят цифры. По данным Росстата, рождаемость увеличилась на 7–8 %. В 2012 г. впервые за многие десятилетия в Ставропольском крае естественный прирост стал положительным (0,6 ‰), как в городской (0,3 ‰), так и в сельской местности (0,8 ‰). Максимальные значения естественного прироста отмечены в Степновском (7,1 ‰), Курском (4,5 ‰), Нефтекумском районах (4,5 ‰). Среди городов наиболее высокий естественный

прирост населения зарегистрирован в Ставрополе (3,2‰) и Михайловске (4,6‰).

При этом первенство по максимальной убыли населения продолжало сохраняться за Петровским (–4,4‰) и Красногвардейским (–4,1‰) районами. Среди городов достаточно высокие значения характерны для Светлограда (–3,2 ‰). Смертность медленно стала сокращаться с середины 2000-х гг. Однако по итогам 2012 года в сельской местности Ставропольского края по-прежнему число умерших превышало число родившихся на 884 человека. По данным Государственного комитета по статистике Ставропольского края, с 2000 по 2015 г. население сельской местности в результате естественного движения стало меньше на 44,2 тыс. чел.

Миграционные процессы в Ставропольском крае существенно трансформировались. Миграционный прирост населения края в 2012 г. составил 2,3 тыс. чел. и снизился в сравнении с 2010 годом на 57 %. Причем можно отметить положительное воздействие на формирование трудового и демографического потенциала притока в край мигрантов с более молодой возрастной структурой по сравнению с постоянным населением. Среди прибывших в трудоспособном возрасте — 47,1 %, младше трудоспособного — 21,5 %, при этом удельный вес трудоспособного населения увеличился до 57 %.

Складывающаяся критическая ситуация вызвала необходимость разработки Программы «Улучшение социально-демографической ситуации в Ставропольском крае на 2008–2010 годы»[2]. Программа направлена была на создание условий для увеличения продолжительности жизни населения Ставропольского края,

2 Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. — 2008. — № 36, ст. 7814.

сокращения уровня смертности, роста рождаемости, регулирования внутренней и внешней миграции, сохранения и укрепления здоровья населения Ставропольского края и улучшения на этой основе демографической ситуации в Ставропольском крае. Однако, в связи с неэффективностью и несоответствием требованиям утвержденного в регионе порядка разработки и реализации КЦП, с 1 января 2010 года ее реализация была прекращена.

Современная демографическая ситуация в Ставропольском крае характеризуется положительной динамикой. Численность населения на начало 2017 г. составила 2,8 млн чел. В целом по краю число родившихся на 11,1 % превысило число умерших. Естественный прирост зарегистрирован на территории 20 муниципальных районов и городских округов края, особенно заметный — в г. Ставрополе (2,2 тыс. чел.) и Шпаковском районе (640 чел.). Естественный прирост стал единственным источником роста численности населения. Если миграционная составляющая играла ведущую роль в формировании численности населения края, то к 2015 г. ее вклад в рост численности населения снизился до 17 % (на 73 % население увеличивалось за счет естественного прироста), а в 2016 г. численность края на 100 % растет за счет естественного прироста.

В разрезе территорий края максимальный объем миграции был зарегистрирован в городе Ставрополе (6,1 ‰), в городе-курорте Пятигорске (7,6 ‰) и в Шпаковском районе (6,6 ‰). Миграционный оборот по региону Кавказских Минеральных Вод составил 31,9 % от общекраевого показателя[3]. Наименее активно миграционные процессы происходили в Туркменском, Арзгирском и Степновском районах[4]. В 24 территориях края отмечался миграционный отток населения, максимальный в городе Георгиевске (–12,1 ‰). По состоянию на 2016 г. миграционный прирост отмечается только в Курском, Новоселицком, Изобильненском районах, которые длительное время выделялись оттоком населения.

В результате колебания показателя рождаемости и значительных миграционных потерь населения получила развитие тенденция к демографическому старению населения. В последние годы отмечается рост доли лиц пенсионного возраста и снижение удельного веса детей и подростков (0–15 лет) при относительно стабильной и даже несколько возросшей доле лиц трудоспособного возраста. Доля детей в общей численности составила 17,3 %.

Самые низкие показатели населения в дотрудоспособном возрасте характерны для Железноводска (14,9 %), Пятигорска (13,7 %), Ставрополя (13,9 %), Лермонтова (14,8 %) при среднекраевом значении в 17,3 %. Наиболее высокие значения характерны для восточных полиэтничных районов края: Степновского (22,7 %), Нефтекумского (22,6 %), Левокумского (21,3 %).

Наибольшая доля лиц в возрасте старше трудоспособного в Красногвардейском (24,8 %), Новоалександровском (27,3 %), Петровском (24,7 %) районах, а также в городах: Невинномысск (25 %), Изобильный (25,3 %), Новоалександровск (24,5 %). Самая низкая доля пенсионеров в Арзгирском (16,2 %), Степновском (15,8 %) и Курском (16,4 %) районах при среднекраевом показателе — почти 22 %. Согласно классификации ООН, старым считается население, когда удельный вес людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. Сейчас в этом возрасте находятся 13 % жителей нашего края. Таким образом, можно однозначно утверждать, что население края является демографически старым, а одним из негативных последствий старения населения является утрата им демографического потенциала роста.

Однако следует отметить, что в противовес общероссийским тенденциям в городской местности края доля лиц пенсионного возраста несколько выше, чем в сельской. Фактором снижения демографического потенциала для региона выступает закономерное старение населения. Существенная его потеря определяется также миграционной убылью населения. Особенно высокие пока-

3 Официальный сайт Ставропольстата. http://stavstat.gks.ги.

4 Управление Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю, Карачаево-Черкесской Республике и Кабардино-Балкарской Республике. URL: http://stavstat.gks.ru.

затели миграционной убыли характерны для сельской местности. Только в двух из 26 сельских районов (Шпаковском и Грачевском) за 2012 г. отмечается миграционный прирост.

Для остальных 90 % сельских районов характерен отток в основном молодежи преимущественно в городскую местность. Сельские поселения оказались в центре демографического кризиса, охватившего Россию. Этот феномен социологи и демографы называют «эффектом пустого гнезда»[5]. Изменение городского и сельского населения в крае продолжалось в пользу городского: по переписи 2010 г., удельный вес городских жителей составил 57,2 % от общекраевой численности, сельских — 42,8 % (в 2002 году это соотношение составляло 56 % и 44 %). Прогнозные оценки свидетельствует о том, что процесс старения населения края будет продолжаться. К 2020 г., предположительно, доля детей и подростков в возрасте 0–15 лет в общей численности населения снизится до 15 % (на начало 2015 г. — 17,3 %), а лиц старше трудоспособного возраста увеличится до 25 % (на начало 2015 г. — 21,6 %).

Заметно снизится число женщин репродуктивного возраста (от 29 до 39 лет), что отразится на сокращении коэффициента рождаемости[6]. Если в 2016 году число женщин от 20 до 39 лет составило 444,5 тыс., то до 2031 года будет наблюдаться падение их численности, и это будет порядка 100 тыс. чел. Таким образом, рождаемость не окажет значительного влияния на рост численности населения. Основным фактором в достижении роста численности населения становится снижение смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте.

Демографическая ситуация в Ставропольском крае требует целенаправленного вмешательства законодательной и исполнительной власти и на региональном уровне в процессы воспроизводства населения, обеспечения его здоровья, снижения смертности. С данной целью ведется плановая политика по различным направлениям. Правительством Ставропольского края разработан и утвержден План мероприятий по реализации Концепции повышения рождаемости населения в Ставропольском крае на 2016–2020 годы[7].

В области демографии перед Ставропольским краем стоят следующие задачи:

1) улучшение состояния здоровья населения, включая репродуктивное, сокращение уровня смертности и, как следствие, увеличение продолжительности жизни;
2) снижение темпов падения уровня рождаемости до его стабилизации и последующего роста до уровня, обеспечивающего полное замещение поколений и расширенное воспроизводство населения;
3) укрепление семейно-брачных отношений, повышение статуса семьи, улучшение условий ее жизнедеятельности;
4) регулирование миграционных процессов в целях сокращения отрицательного миграционного сальдо;
5) создание благополучной экологической обстановки проживания населения.

Создание экономических и правовых условий для улучшения демографической ситуации. В настоящее время в большинстве районов и городов приняты планы мероприятий по улучшению демографической ситуации, по проведению Года семьи, проводятся благотворительные марафоны, спартакиады, созданы районные и городские межведомственные комиссии по социаль-

5 Ананьева Г. «Сельская жизнь», 14 мая 2009 года. http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/gazeta011.php.

6 Управление Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю, Карачаево-Черкесской Республике и Кабардино-Балкарской Республике. URL: http://stavstat.gks.ru.

7 Распоряжения Правительства Ставропольского края от 31.03.2017 «О плане мероприятий по улучшению демографической ситуации в Ставропольском крае на 2016–2020 годы» / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/439091542.

но-демографическим вопросам. В планах мероприятий по улучшению демографической ситуации нашли отражение меры в области укрепления здоровья, стимулирования и укрепления семей: информационно-разъяснительная работа по пропаганде семейных ценностей, чествование семей, имеющих четверых и более детей, праздники, посвященные Дню матери, Дню села, Дню урожая, Дню района, и др.

В отдельных муниципальных образованиях в целях повышения значимости материнства и социальной поддержки граждан производятся дополнительные выплаты:

— в г. Ставрополе проводится страхование жизни новорожденных детей за счет средств городского бюджета;
— в Предгорном районе матерям, воспитывающим семерых и более детей, а также воспитывающим тройню, ежемесячно выплачивается 500 рублей;
— в г. Пятигорске установлены льготы от 50 до 75 % на оплату за обучение в учреждениях дополнительного образования детей из многодетных семей, детей преподавателей школ, бесплатно обучаются дети-сироты и дети-инвалиды;
— в Железноводске установлено разовое пособие при рождении ребенка в размере 500 или 1000 рублей в зависимости от дохода семьи и ежемесячные пособия в размере 1000 рублей семьям, имеющим детей-инвалидов;
— в Новоалександровском районе учреждена ежемесячная стипендия в размере 250 рублей наиболее одаренным учащимся 10–11 классов.

Выявленные перемены в демографическом поведении населения свидетельствуют о резком замедлении демографического развития края. При складывающихся современных демографических тенденциях особое внимание следует уделять миграции как ведущему фактору, оказывающему значительное влияние на рождаемость и смертность населения. На это и делается акцент в пункте 6 Плана мероприятий по улучшению демографической ситуации в Ставропольском крае на 2016–2020 годы.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РАССЕЛЕНИЕ АРМЯН В РОССИИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА*

ЗОЛЬНИКОВА Ю.Ф.

Армяне — один из крупнейших по численности «нетитульных» этносов России. На территории России армянская диаспора образовалась в результате длительного исторически обусловленного миграционного процесса. Исход армян на российские территории детерминирован как геополитическими рисками и угрозами (этнические и религиозные чистки, военные действия), так и социально-экономическими и культурными факторами.

Первые сведения об армянах в Древней Руси относятся к X–XI вв. Армянские колонии в Киеве, Новгороде, Владимире и других городах сыграли большую роль в установлении торговых и культурных связей Руси с Закавказьем. К XI веку относятся первые поселения армян в Крыму

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

и Поволжье, в начале XII века — в Волжско-Камской Болгарии. В конце XIII века армянские поселения существовали в Золотой Орде — г. Сарай-Берке. После падения Орды и образования Астраханского ханства армянские купцы и ремесленники поселяются и в его столице[1].

Основание армянской колонии в Москве относят к началу XV века. По указанию Ивана Грозного, армяне были поселены в Москве в Белом городе и пользовались налоговыми льготами. Армянские историки, ссылаясь на публикации дореволюционных авторов и анализ архивных источников, считают, что уже в конце XVII века число армян, проживающих в Москве, составляло около 2 тысяч человек. В 1781 г. армянам было разрешено построить в Столповом переулке свою церковь, переулок стал называться Армянским. Этот переулок получил широкую известность благодаря открытому здесь в 1815 г. одним из братьев Лазаревых армянскому училищу, позже преобразованному в Лазаревский институт восточных языков[2].

Первые упоминания об армянах в Петербурге относятся к 1708 году. В 1710 году их численность в городе составляла около 50 человек, преимущественно купцов, были организованы «армянские конторы». В начале 1730-х гг. в Петербурге существовала Армянская улица, колония располагалась на Васильевском острове. По данным Абамелек-Лазаревых, число армян — постоянных жителей Петербурга в 80-х гг. XVIII в. не превышало 150 человек. И.Г. Георги приводит другую цифру: «Армянский приход состоит не более как из ста человек». Но, несмотря на малочисленность армянской колонии, ее члены строят в Петербурге в XVIII в. армянские церкви[3].

Наиболее заметный рост армянской колонии Петербурга произошел на рубеже XIX и XX веков: с 656 человек в 1890 г. до 2120 человек в 1910 г.

Одновременно, наряду со столичными городами, армяне активно расселялись и на других территориях России. Так, во второй половине XVI века, после присоединения Астрахани к России, в городе сформировалась крупная армянская колония, вначале из купцов-мигрантов из Ирана, а затем и с Кавказа. Астрахань стала крупным центром культуры российских армян[4].

Один из крупнейших ареалов расселения армян в России сложился на Северном Кавказе. Армянское население Северно-

го Кавказа формировалось преимущественно в течение XVIII, XIX и начала XX века. Кроме того, имелись также группы армян, предки которых мигрировали на Северо-Западный Кавказ не позднее XII–XVI вв. До начала XIX в. основные миграции армянского населения направлялись в бассейн Терека, в районах которого еще в первой четверти XVIII в. были отмечены поселения персидских армян, а также в Кизляр, где обосновались дербентские армяне. Большая группа армян (около 3,5 тыс. человек) прибыла на Северный Кавказ в 1797 г. из Бакинского и Дербентского ханств. Они поселились в Моздокском и Кизлярском уездах Кавказской губернии, причем основная часть этих мигрантов расселилась непосредственно в Кизляре и Моздоке[5].

В течение XVIII в. армянское население Северного Кавказа увеличивалось также за счет пленных армян, переселявшихся из Крыма, Черкесии и Кабарды и оседавших преимущественно в Кизляре и Моздоке.

В 1799 г. на основании указа Павла I произошло новое прибытие зарубежных армян, главным образом карабахских, в Кизляр и Моздок. К 1816 году численность кизлярских армян насчитывала до 4,4 тыс. человек, причем, по сравнению с концом XVIII – началом XIX в., их количество даже несколько уменьшилось в связи с переселением в другие сельские местности Северного Кавказа.

---

1 Армяне // Народы России. Энциклопедия. — М., 1994.

2 Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых. Очерки. — М., 1982.

3 Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых. Очерки. — М., 1982.

4 Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья. — Ставрополь, 1997.

5 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. — М.: Наука, 1974.

Еще одна, наиболее древняя по времени появления на Северном Кавказе, группа закубанских армян к началу XVIII в. проживала среди горских народов Кавказа (темиргоевцев, абхазцев и др.). Известны также факты, свидетельствующие о проживании армян среди кабардинцев[6]. В конце XVIII в. горские армяне, или, по терминологии авторов прошлого столетия, черкесо-гаи, начали переселяться из-за Кубани и расселяться на современной территории Ростовской области и Краснодарского края[7]. В 1860 г. большая часть переяславских армян (из станицы Переяславской) расселилась в Прочноокопском армянском селении (ныне г. Армавир), основанном в 1838–1839 гг. закубанскими армянами (черкесо-гаями). До 1848 г. Армавир назывался Армянским аулом.

К 70-м годам XIX в. относится начало переселения армян, преимущественно амшенских, из Османской империи на Черноморское побережье Кавказа. К концу 1980-х гг. их численность там составила около 10 тыс. человек. В 1894–1895 гг., в связи с усилением гонений на армян в Турции, поток армянских мигрантов оттуда увеличился, направляясь, главным образом, в районы Туапсе, Сочи, Адлера, Анапы, Новороссийска, Майкопа. В 1894 г. образовалась армянская колония в Екатеринодаре.

На территории современной Ростовской области компактное расселение армян начинается с 1779 г., в результате организованного переселения армян (12,6 тыс. человек) из Крымского ханства по указу Екатерины II. Цель такой акции заключалась в ослаблении ханства, а также заселении южно-российских степей населением, близким в культурно-конфессиональном отношении и имеющим большой опыт в земледелии, торговле и ремесле. К концу 1779 г. армянские переселенцы расселяются в низовьях Дона, где им было отведено 86 тыс. десятин земли и разрешено основать один город и пять селений. Мигрантам предоставлялись определенные льготы. Город получил название Нор Нахичевань (позднее Нахичевань-на-Дону), в его окрестностях были основаны селения Крым, Чалтырь, Несветай, Большие Салы, Султан Салы[8].

На современной территории Ставропольского края армяне стали селиться в самом конце XVIII — начале XIX в. В 1799 г. армянские поселенцы начали строительство нового города Святой Крест на реке Куме и называли этот город Карабаглы. Так было положено начало нынешнему г. Буденновску[9]. Старым армянским

селом на Ставрополье является и Эдиссия (в настоящее время село в Курском районе).

В XIX в. миграционная активность армян на Ставрополье усиливается. Предпочитали они расселяться в городах — Ставрополе, городах Кавказских Минеральных Вод, особенной привлекательностью пользовался Пятигорск. В Пятигорске впервые армяне поселились в начале XIX в., чему способствовало заключение между Россией и Персией в 1813 г. в Карабахском селе Гюлистан одноименного договора[10]. Одновременно осваивался Ставрополь, где открывались магазины, лавки, ремесленные мастерские[11].

По данным И.В. Бентковского, в 1873 г. в Ставропольской губернии проживали 5234 армянина (или 1,09% общей численности населения губернии), в том числе в городе Святой Крест — 3767 человек, в Ставрополе — 666 человек, в Пятигорске — 186 человек[12].

Особенно много армянских беженцев (3800 семей) из Турции расселилось на Северном Кавказе в 1915–1916 гг. в период пика геноцида.

Таким образом, к началу XX в. на территории России в результате миграционных процессов сформировались крупные ареалы расселения армян.

---

6 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. — М.: Наука, 1974.

7 Ованесов Б. Черкесские армяне // Эребуни. — 1995.

8 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне: этнокультурная характеристика // Советская этнография. — 1991. — №3.

9 Очерки по истории Ставропольского края в 2-х т. Т. 1. — Ставрополь, 1986.

10 Айрапетов В. Знать друг друга в лицо // Кавказская здравница. — 1991. — 29 октября.

11 Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. — Ставрополь, 1994.

12 Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. — Ставрополь, 1994.

МИГРАЦИОННОЕ НАСТРОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛОРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ)*

ЗОЛЬНИКОВА Ю.Ф.

Республика Армения всегда была вовлечена в миграционные процессы, которые играли значительную роль в формировании населения, а также влияли на социально-экономическое развитие страны. В настоящее время большая часть армян проживает за пределами своей этнической родины, что связано с определенными историческими событиями.

С самого начала своего существования Армянское государство было вынуждено вести борьбу за независимость. Эта территория входила в сферу интересов арабских завоевателей, Персии, Рима. В средние века армяне попали под владычество Ирана, а позднее — Османской империи.

В 1915 году из-за геноцида армяне вынуждены были массово

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

мигрировать, в результате формировались армянские диаспоры в Европе, на Ближнем Востоке, в России. Таким образом, на протяжении веков в Армении просматривались волны эмиграции, причем в зависимости от конкретных условий получали распространение различные виды и формы миграции, в миграционные процессы вовлекались различные социальные группы, трансформировались цели и мотивация миграции[1].

Начиная с конца 1980-х гг. миграционный поток армянского населения приобретает устойчивый и массовый характер. Первоначальным толчком миграций было катастрофическое землетрясение 1988 г., затем последовала цепочка политических причин: карабахский конфликт, погромы армян в Азербайджане, война между Арменией и Азербайджаном в Карабахе. В начале 1990-х гг. к стрессовым факторам присоединяются экономические — резкое падение уровня жизни, энергетический и экономический кризисы, безработица. Согласно демографическим данным, Армения после распада СССР и провозглашения независимости потеряла четверть населения[2]. На усиление современных миграционных тенденций ощутимо оказывает влияние присутствие родственников, друзей и знакомых за пределами Армении[3].

---

1 Воробьева О.Д. Динамика численности и миграция населения Республики Армения (по данным переписей населения) // Миграционные мосты в Евразии: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии» / под ред. чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. С.В. Рязанцева. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2014. — С. 329–334.

2 Армения — население 2016 //countryeconomy.com/demography/population/Armenia.

3 Геворкян А.Э. Гендерный контекст миграционных процессов в Армении // Миграционные мосты в Евразии: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии» / под ред. чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессора С.В. Рязанцева. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2014. — С. 335–338.

Международные независимые организации путем опроса населения пришли к выводу, что с 1988 по 2001 год из Армении эмигрировали до 1,0–1,1 млн чел. В 2002–2007 гг. число выезжающих составило 750 тыс. чел. Несмотря на то, что 600 тысяч из них спустя какое-то время вернулись на родину, отрицательный баланс эмигрантов и возвращенцев составил 150 тыс. чел.[4] По данным Миграционной службы Министерства территориального управления и чрезвычайных ситуаций Армении, с 2001 по начало 2015 г. число постоянно проживающих в Армении уменьшилось на 403,5 тыс. чел.[5] Сложившаяся миграционная ситуация для ряда регионов Армении имела драматические социально-экономические последствия. Особенно сильно пострадали регионы Ширак и Лори, миграционный отток населения из которых принял обвальный характер[6].

В августе 2017 г. в Лорийской области нами было проведено исследование на выявление уровня миграционных настроений местного населения, а также причин и мотивов возможной миграции. Всего было опрошено 105 человек. Использовался метод демоскопического интервью. В качестве респондентов выступили люди из различных социальных слоев армянского общества. Преобладающий возраст опрошенных — 36–60 лет (57 %). Большая часть — женщины в трудоспособном возрасте (61 %), состоящие в браке (45 %). Уровень образования респондентов довольно высокий: 57 % — лица со средним специальным образованием, 32 % — с высшим образованием, 11 % — со средним и неполным средним образованием. По национальному составу респонденты распределились следующим образом: 56 % — армяне, 23 % — русские, 16 % — езиды, 5 % не указали своей национальности.

Была выявлена хорошая обеспеченность жильем. Большинство опрошенных всех национальностей имели собственный дом (75 %), 18 % — квартиру, 9 % проживали у родственников и только 2 % снимали жилье. Практически все опрошенные были обеспечены работой. По специальности работали 32 %, работали не по специальности — 18 %, 12 % в качестве работы указали сезонную, временную или вахтовую занятость, 16 % являлись пенсионерами. Таким образом, значительная часть респондентов не имеет проблем с жильем и получает стабильный заработок.

Вместе с тем в ответе на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение в настоящий момент?» всего 9 % опрошенных оценили свое материальное положение как хорошее, 55 % — как удовлетворительное, 36 % — как неудовлетворительное. Предлагаемый вариант «отличное материальное положение» остался без ответов. 41 % респондентов считали, что их материальное положение за последние 10 лет ухудшилось, 32 % — осталось без изменений. Только 16 % отметили, что материальное положение за последние 10 лет улучшилось.

Оценка своего материального положения имела некоторую «этническую окраску». Практически все езиды и только четверть армян были удовлетворены своим материальным положением, но все русские и большая часть армян дали отрицательные оценки. Соответственно, планируют выезд из страны около 90 % русских и более 60 % армян. Еще около 20 % армян не приняли окончательного решения. И только 6 % из числа езидов высказали намерение мигрировать. В качестве удерживающих факторов были названы: семейные обстоятельства (25 %), удовлетворенность местом жительства (23 %), отсутствие средств для переезда (16 %), хорошая работа (11 %). Основными причинами переезда названы желание улучшить экономическое положение, семейные и личные обстоятельства. Варианты ответов «притеснения на этнической почве», «близость горячих точек», «плохая экологическая ситуация»

4 Национальный доклад человеческого развития Армении. ООН. — Ереван, 2009. — С. 51.

5 Миграция РА в цифрах. http://www.smsmta.am/?menu_id=18.

6 Еганян Р., Шахназарян Н. Трудовая миграция из Армении: обзор литературы. — Ереван: OSCEOfficeinYerevan, 2005.

не выбрал ни один респондент. Таким образом, основным миграционным фактором следует считать стремление к улучшению материального благосостояния.

Наиболее привлекательной для переезда страной у респондентов является Россия (47 %), 5 % в качестве переезда назвали Францию, остальные пока не определились с местом переезда. Это связано с тем, что в указанных странах имеются крупные армянские диаспоры. 67 % опрошенных планируют окончательную смену места жительства, а примерно 23 % — поработать за границей какое-то время. При этом 83 % граждан, планирующих миграции, выбирают места, в которых уже проживают их родственники. Интересно, что на помощь близких при обустройстве на новом месте жительства рассчитывают более 80 % армян. В то же время русские надеются на помощь государства (65 %), а также на собственные силы (30 %).

Временная трудовая миграция — не новое явление для армян, она присутствовала и в советское время. В настоящее время эта форма экономической адаптации приняла массовый характер. Армяне едут на заработки в Россию и другие страны, где есть родственные связи или деловые контакты. Если в советское время и в начале 1990-х гг. выезжали в основном мужчины, то в последние годы наблюдается выезд всей семьи.

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)*

БЕЛОЗЕРОВ В.С., ЧЕРКАСОВ А.А., ЧИХИЧИН В.В.

Для России, одного из крупнейших полиэтничных государств мира, вопрос государственного регулирования в сфере межэтнических отношений имеет серьезное стратегическое значение. Современное состояние этого взаимодействия в стране, а также внешние вызовы диктуют свои условия, при которых необходимо принимать конкретные действенные решения. При этом важно учитывать региональные особенности как этнических процессов, так и уже сложившихся подходов к их регулированию. Зачастую заметную роль в изменении этнической структуры населения территории играют этнические мигранты. Применительно к ним политика по гармонизации отношений должна корректироваться с учетом крайне необходимой для них адаптации к новым условиям жизни, а затем и интеграции в принимающее сообщество.

В истории современной России всегда существовал специализированный орган, отвечающий за государственную национальную политику. С 2004 по 2014 год

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ в рамках исследовательского проекта «Разработка и апробация системы геоинформационного мониторинга этнодемографических процессов (на примере регионов Северного Кавказа)» (проект №16-06-00179).

данная функция возлагалась на Министерство регионального развития Российской Федерации. После упразднения данного Министерства функции по выработке и реализации государственной национальной политики были переданы Министерству культуры России. Но уже 31 марта 2015 года Указом Президента РФ № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» был создан соответствующий орган, который и занимается в настоящее время выработкой и реализацией государственной национальной политики, нормативно-правовым регулированием и оказанием государственных услуг в этой сфере.

Федеральные и региональные документы по регулированию межэтнических отношений.

В постсоветской России основным официальным документом в этой сфере была Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 году[1] и утратившая силу в 2012 году[2]. Тогда же была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года[3]. Она отражает систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики, направленной на укрепление единства и целостности России.

Качественно новым шагом в области регулирования межнациональных отношений стало принятие Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»[4]. Этот документ предполагает

---

1 Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909). [Электронный ресурс] — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571.

2 О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666). [Электронный ресурс] — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512.

3 Там же.

4 О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации иэтнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (Постановление Правительства РФ

переход от ситуативной и бессистемной поддержки отдельных мероприятий в субъектах Российской Федерации к проектно-целевому финансированию проектов и комплексов мероприятий в сфере государственной национальной политики. Важное значение имеет утвержденная в 2016 году государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»[5], содержащая непосредственно мероприятия, которые необходимы в этой сфере, и сроки их реализации.

Важно отметить, что на региональном уровне также готовятся законодательные документы (стратегии, концепции, программы и т. д.), реализация которых является неотъемлемой частью национальной политики страны. Анализ наличия подобных материалов показал, что у 24 субъектов Российской Федерации они имеются и часто носят концептуальный характер[6] (рис. 1).

Большинство региональных стратегий и концепций разработаны и приняты в 1990-е и начале 2000-х годов и часто не учитывают современных тенденций трансформации этнической структуры населения и характера этноконфессиональных отношений, так как основаны преимущественно на статистических данных Всесоюзной переписи населения 1989 года. В них также не на-

---

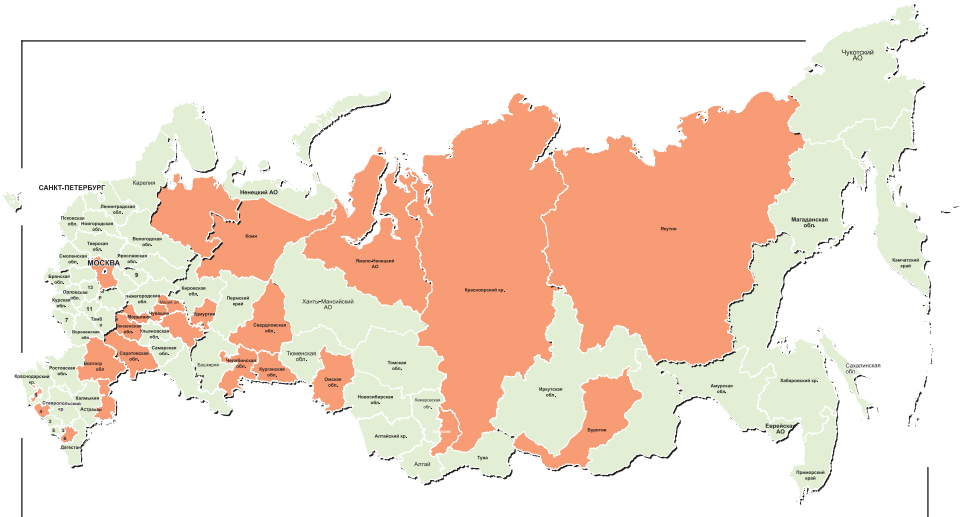
от 20.08.2013 № 718 (ред. от 25.08.2015). [Электронный ресурс] — URL: http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2014/420.

5 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532). [Электронный ресурс] — URL: http://government.ru/programs/478/events/.

6 Москва, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Московская, Омская, Пензенская, Саратовская, Свердловская, Челябинская области, Красноярский край, Республики Адыгея, Чечня, Коми, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Бурятия, Хакасия, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО. В 2004 г. был принят Закон Санкт-Петербурга о межнациональных отношениях.

шли отражение принятые в последние несколько лет документы федерального уровня, направленные на гармонизацию межэтнических отношений.

Таким образом, большая часть региональных документов, регламентирующих регулирование межэтнических отношений, объективно и морально устарела и требует качественных кор-



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 Республика Адыгея
2 Республика Ингушетия
3 Кабардино-Балкарская Республика
4 Карачаево-Черкесская Республика
5 Республика Северная Осетия – Алания
6 Чеченская Республика
7 Белгородская область
8 Владимирская область
9 Ивановская область
10 Калининградская область
11 Липецкая область
12 Московская область
13 Тульская область

Регионы, в которых:

приняты концептуальные документы, направленные на реализацию национальной политики в сфере межнациональных отношений

отсутствуют концептуальные документы, направленные на реализацию национальной политики в сфере межнациональных отношений

Рисунок 1. Обеспеченность регионов России концептуальными документами национальной политики, 2017 г.

ректировок и поправок, отвечающих современным тенденциям и запросам. Для ряда регионов, для населения которых на современном этапе характерна серьезная трансформация этнической структуры (например, ХМАО, Тюменская область, Ставропольский край и др.), наличие подобного документа весьма необходимо.

Регулирование межэтнических отношений на Северном Кавказе.

Северный Кавказ[7] — традиционно многонациональный макрорегион России, наиболее уязвимый с точки зрения обострения межэтнических отношений. На этой территории несвоевременные меры по гармонизации взаимодействия между представителями разных этнических групп просто недопустимы, так как они могут угрожать национальной безопасности всей нашей страны. В каждом из регионов Северного Кавказа создан правительственный орган, который курирует данные вопросы. При этом структурно они не унифицированы и носят разный статус, что является одной из проблем, решением которой в настоящее время занимается Федеральное агентство по делам национальностей. Отделы в рамках различных подразделений образованы в Ростовской области и Краснодарском крае, отдельное управление функционирует в Кабардино-Балкарской Республике. В Республике Адыгея и Ставропольском крае образованы профильные комитеты. Министерства с совмещенными функциями имеются в республи-

7 Москва, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Московская, Омская, Пензенская, Саратовская, Свердловская, Челябинская области, Красноярский край, Республики Адыгея, Чечня, Коми, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Бурятия, Хакасия, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО. В 2004 г. был принят Закон Санкт-Петербурга о межнациональных отношениях.

ках Карачаево-Черкесия, Ингушетия и Чечня. В Дагестане и Северной Осетии функционируют профильные министерства, занимающиеся только национальной политикой и межнациональными отношениями (табл. 1).

Из региональных документов в настоящее время утверждена Концепция национальной политики Карачаево-Черкесской Республики[8] и Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики[9]. В Республике Адыгея принят в 1995 году документ с названием «Основные положения государственной политики Республики Адыгея в сфере национальных отношений»[10]. В остальных регионах Северного Кавказа подобные документы пока не разработаны.

Опыт гармонизации межэтнических отношений в Ставропольском крае.

Проанализируем более подробно документы и мероприятия, направленные на гармонизацию межэтнических отношений на примере одного региона, а именно Ставропольского края. Население Ставрополья многонационально, своим этническим составом хорошо иллюстрирует переходное положение между полиэтничными северокавказскими республиками и более моноэтничными Ростовской областью и Краснодарским краем. Для проведения государственной политики в сфере межэтнических отношений, предупреждения этнического и религиозного экстремизма, успешной интеграции национальных культур и образов жизни на Ставрополье функционируют:

8 Концепция национальной политики Карачаево-Черкесской Республики (Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики от 10 декабря 2011 г. № 15). [Электронный ресурс] — URL: http://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/nationality/.

9 Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики (Указ Главы Чеченской Республики от 5 февраля 2016 года N 14). [Электронный ресурс] — URL: http://minnac-chr.ru/documents/zakony-i-akty-chechenskoj-respubliki.

10 Основные положения государственной политики Республики Адыгея в сфере национальных отношений (Постановление Правительства Республики Адыгея от 20 февраля 1995 года №60). [Электронный ресурс] – URL: http://old.iea.ras.ru/books/Adygea1997/090120041219.htm.

Таблица 1. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ПРОБЛЕМАМИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Субъект Российской Федерации	Орган, ответственный за национальную политику в регионе
Ростовская область	Отдел по вопросам межнациональных отношений Управления социально-политических коммуникаций Правительства Ростовской области
Краснодарский край	Отдел по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями в Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества Департамента внутренней политики Администрации Краснодарского края
Ставропольский край	Комитет по делам национальностей и казачества Правительства Ставропольского края (http://stavcomnat.ru/)
Кабардино-Балкарская Республика	Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики (http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/uvigodn/)
Карачаево-Черкесская Республика	Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати (http://minnac-kchr.ru/)
Республика Адыгея	Комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации (http://adygkomnac.ru/)
Республика Дагестан	Министерство по национальной политике Республики Дагестан (http://minnacrd.ru/)
Республика Северная Осетия – Алания	Министерство Республики Северная Осетия – Алания по вопросам национальных отношений (http://minnats-rsoa.ru/)
Республика Ингушетия	Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия (https://minnacri.ru/)
Чеченская Республика	Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации (http://minnac-chr.ru/)

— Комитет по делам национальностей и казачества;
— Совет при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений;
— Межведомственная комиссия по организации и осуществлению на территории Ставропольского края мероприятий по предупреждению этнического и религиозного экстремизма, минимизации его последствий;
— Молодежный этнический совет Ставропольского края;
— Этнические советы, в том числе молодежные, при главах администраций городских округов и муниципальных районов: в Ставрополе, Георгиевске, Пятигорске, Невинномысске, районах Изобильненском, Ипатовском, Минераловодском, Петровском, Нефтекумском, Андроповском, Апанасенковском, Арзгирском, Благодарненском, Буденновском, Кочубеевском, Красногвардейском, Курском, Левокумском, Новоселицком, Предгорном, Советском, Туркменском и Шпаковском;
— Консультативные советы по рассмотрению проблемных вопросов межэтнических отношений (советы мира и дружбы), образованные при главах муниципальных поселений.

На территории Ставропольского края развита сеть национальных общественных организаций, местных национально-культурных автономий, национальных культурных центров и фондов, в том числе русских, казаков, абазин, туркмен, азербайджанцев, армян, болгар, греков, евреев, карачаевцев, курдов, немцев, ногайцев, осетин, поляков, чеченцев, ингушей, народов Дагестана, абхазов, черкесов, народов Центральной Азии.

Активно в рамках гармонизации межэтнических отношений ведется работа в краевых средствах массовой информации, в частности в газетах «Ставропольская правда» и «Вечерний Ставрополь» в специальных рубриках описываются история, национальные традиции, обычаи, культура и этноэтикет народов Северного Кавказа, особенности развития межнациональных отношений в регионе. В городских и районных газетах также есть интересные тематические страницы, например «В центре дружба» («Кисловодская газета»), «Под небом единого седого Кавказа» («Невин-

номысский рабочий»), «Обряды, обычаи, традиции» («Приманычские степи») и др.

Очень важно формировать уважение к представителям других этносов в молодежной, студенческой среде. В этом плане большую работу проводят высшие учебные заведения Ставропольского края. В самом крупном из них — Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) — практически ежедневно проводятся различные мероприятия, от плановых занятий до специальных масштабных акций по выработке этнокультурных компетенций. В газете «Университетский вестник СКФУ» есть рубрика «Кавказ — наш общий дом», в которой студенты разных национальностей, обучающиеся в вузе, рассказывают о культуре своего этноса, ведутся специализированные группы в социальных сетях.

На территории Ставропольского края культурными и социальными мероприятиями повсеместно отмечаются ежегодные праздники и памятные даты:

- День народного единства (4 ноября),
- День Ставропольского края (май), дни городов и сельских населенных пунктов,
- Международный день толерантности (16 ноября),
- Рождество Христово (25 декабря, 7 января),
- Крещение Господне (19 января),
- Масленица,
- Пасха,
- День славянской письменности и культуры (24 мая),
- День православного казачества (1 сентября), войсковой праздник Терского войскового казачьего общества (7 сентября),

— День возрождения казачества на Ставрополье (28 сентября),
— окружной праздник Ставропольского окружного казачьего общества Терского войскового казачьего общества (14 октября),
— День казачки (4 декабря),
— начало мусульманского поста Рамадан (9 июля),
— Ураза-байрам (8 августа),
— Курбан-байрам (15 октября),
— День хиджры — мусульманский Новый год (4 ноября),
— День независимости Греции (25 марта),
— День отвержения Правительством Греции ультиматума фашистской Италии (28 октября)
и многие другие.

Национальные культурные традиции популяризируются народными творческими коллективами, такими как ансамбль казачьей песни «Казачья вольница», греческий ансамбль национального танца «Элефтерия» (г. Ставрополь), ансамбль казачьей песни «Здравица» (г. Буденновск), ансамбль русских народных инструментов «Цветозар», ансамбль национального кавказского танца «Гарун» (г. Георгиевск), хореографический ансамбль «Иверия» (г. Кисловодск), ансамбль «Алтынай» (Нефтекумский район), греческий ансамбль танца «Геос» (Предгорный район), туркменский национальный ансамбль «Джамиля» (Туркменский район) и др.

Развивается на Ставрополье и этнический туризм, который помогает жителям и гостям края узнавать традиции и обычаи народов, проживающих на его территории. Наиболее известные объекты этнотуризма — Центр традиционной русской культуры казаков-некрасовцев и духовных христиан-молокан в Левокумском районе (пос. Новокумский) и туристско-экскурсионный этнографический центр «Казачье подворье» в Предгорном районе (ст. Боргустанская). В этих этнодеревнях для туристов проводятся однодневные экскурсии, театрализованные представления, отражающие самобытность казачества, его обряды, обычаи и культуру.

В Ставропольском крае также активно ведутся научные изыскания, направленные на изучение этнического многообразия насе-

ления и этнологических процессов. В 2014 году издан «Этнический атлас Ставропольского края» (второе издание)[11], в 2012 году — «Атлас народов Ставрополья»[12]. Много материалов представлено в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В 2017 году открылся Мультимедийный исторический парк «Россия — моя история».

В заключение отметим, что на федеральном уровне в последние десятилетия активизирована работа по принятию нормативно-правовых актов, направленных на гармонизацию межэтнических отношений. Создан правительственный орган, который целенаправленно отвечает за решение вопросов в данной сфере. При этом в регионах до настоящего времени не унифицированы подходы к регулированию межэтнических отношений. В частности, анализ документов и мероприятий, принятых и проводимых с этой целью в северокавказских регионах, показал различные подхо-

11 Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь: ФОК-Юг, 2014. — 314 с.

12 Атлас народов Ставрополья: научно-публицистическое издание. — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2012. 176 с.

ды к организации деятельности исполнительных органов власти (где-то это уровень отдела, а где-то целые министерства).

В большинстве регионов Северного Кавказа не разработаны концепции или стратегии национальной политики. Они есть только в трех республиках — Адыгее, Карачаево-Черкесии и Чечне. Но при этом, например, в Ставропольском крае имеется разветвленная структура краевых и муниципальных ведомств, национально-культурных и научных учреждений, работающих в этом направлении. В регионе традиционно проводятся интересные мероприятия, направленные на гармонизацию межнациональных отношений.

Нет сомнений, что эффективно выстроенная и неформальная работа в этом направлении позволит этническим мигрантам, которые зачастую заметно меняют состав населения, лучше интегрироваться в принимающее сообщество.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ: АПРОБАЦИЯ МЕТОДИК И РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГЛАВА 3

ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБРАЗ В СМИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ*

ОВСЯННИКОВ Е.И., ЧИХИЧИН В.В., ЧИХИЧИНА Л.А.

Иностранные мигранты меняют этнический состав населения России. При этом они почти всегда на виду, так как работают на улице, в магазинах и на рынках, учатся в высших учебных заведениях. Такая своеобразная публичность представителей разных национальностей из других стран часто становится причиной повышенного к ним внимания, тем более что зачастую они выделяются фенотипом, поведением или плохим знанием русского языка.

Подобные отличительные признаки являются серьезной помехой адаптации, и уж тем более интеграции, мигрантов. С одной

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

стороны, налицо определенная настороженность местного населения по отношению к пришлому населению, а с другой — закрытость самих приезжих, особенно если они объединяются в какие-либо формальные или неформальные сообщества.

Помимо объективного поведения мигрантов, на их восприятие местным населением, а значит и на успешность адаптации и интеграции, большое влияние оказывает медийный контекст, создаваемый вокруг указанных процессов. От того, что население читает и видит в классических средствах массовой информации (газеты, телевидение, радио) и в интернет-ресурсах (например, социальные сети), во многом зависят особенности формирующихся представлений об уроженцах зарубежных стран.

Взаимодействие между населением принимающей стороны и мигрантами во многом зависит от формируемых ими в отношении друг друга социальных представлений (образов), характер которых задается в первую очередь настроениями принимающей стороны. При безоценочных и эмоционально нейтральных образах социальные взаимодействия между ними упрощаются и становятся предсказуемыми и бесконфликтными. И, наоборот, если во взаимных представлениях присутствуют оценочные суждения, а в обобщенных образах друг друга — эмоционально насыщенные метафорические черты, то возможности бесконфликтного взаимодействия становятся ограниченными[1].

В рамках данной статьи мы постараемся наметить основные особенности информационного фона восприятия мигрантов в России, а также определить характерные для середины 2010-х годов элементы освещения их жизни и деятельности.

---

1 Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. — 2003. — № 11. — С. 41–50.

2 Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 1. — С. 166–192.

3 Варганова О.Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // Социологическая наука и социальная практика. — 2015. —

Кроме этого, проанализируем, каким образом иностранные мигранты организуют взаимодействие друг с другом с помощью социальных сетей.

Средства массовой информации как источник формирования медийного контекста восприятия мигрантов.

Пресса является одним из важных инструментов конструирования социальных образов, а также индикатором и средством формирования общественного мнения[2]. Средства массовой информации, как традиционные (печатные), так и электронные, являются мощным рычагом воздействия на восприятие мигрантов читательской аудиторией. Большинство исследователей, по крайней мере, российских, делают вывод о том, что образ мигранта, формируемый сегодня российскими массмедиа, преимущественно отрицательный[3] вследствие его чрезмерной эмоционализации — однобокого, негативно окрашенного представления. А отношение россиян к миграции также в целом отрицательно в результате неполного, зачастую искаженного освещения этого явления и его значимости для страны[4].

№ 3 (11). — С. 81–93; Якимова О.А. Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. — Т. XVIII. — № 3 (80). — С. 123–136.

4 Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. — 2003. — № 11. — С. 41–50; Скребцова Т.Г. Образ мигранта в российских СМИ. Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 3 (23). — С. 115–118.

Учеными отмечается и такая характеристика мигрантов в дискурсе СМИ, как обезличенность их образа. Неодушевленное понятие «страна» (Россия) олицетворяется и выступает по отношению к мигрантам в роли «благодетеля», «кормящей мамы», в то время как мигранты, наоборот, обезличиваются, предстают в виде некой неодушевленной массы: миграционный поток / приток / отток, рабочая сила / руки, миграционный бум / взрыв[5], — в которой мигранта как человека просто не видно. Самым распространенным приемом создания собирательного образа мигранта является введение в медиадискурс стереотипных представлений, метафор, приписывание определенных социальных ролей и статусов[6].

Массмедиа способствуют переводу неприятия мигрантов с бытовых стереотипных представлений на уровень внешне аргументированных обоснований поведения «иного», «другого», «чужого». Это формирует как оппозицию «мы — они» / «свои — чужие», так и соответствующие стереотипы в массовом сознании, что приводит к увеличению социальной и культурной дистанции между мигрантами и принимающим обществом[7]. Таким образом, СМИ не только отражают тот образ мигранта, который уже сложился в общественном мнении, но и активно его формируют[8].

Сложившаяся практика освещения миграционной проблематики в средствах массовой информации в целом характеризуется отсутствием развернутого и разнообразного материала о мигрантах, жизни и деятельности этих людей на территории го-

---

5 Скребцова Т.Г. Образ мигранта в российских СМИ. Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 3 (23). — С. 115–118; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 396 с.

6 Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 396 с.

7 Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. №1.С. 166–192.

рода и области. И это на фоне использования изображений атрибутов органов правопорядка и кратких сообщений-сводок о тех или иных правонарушениях, что способствует стереотипизации образа мигранта и создает тем самым потенциально конфликтогенную ситуацию. Человеческое измерение миграции чаще отсутствует как в текстовой, так и в визуальной составляющих российских СМИ. Важно пробудить в читателе понимание, что мигрант — прежде всего человек, а не безликая рабочая сила[9].

Для подтверждения таких неутешительных выводов, сделанных разными российскими учеными в период с 2009 по 2017 год, мы проанализировали контекст упоминания слова «мигрант» в газете «Известия»[10] за короткий временной промежуток — с 1 сентября по 20 ноября 2017 г. Всего за это время данное слово фигурирует в 156 материалах, из них только четверть касается российской действительности.

Преобладают сообщения негативного плана (около 60 %). Чаще всего это сводки о нелегальных мигрантах и их пособниках («МВД подсчитало число нелегальных мигрантов в России», «ФСБ выявила банду, переправлявшую в Россию мигрантов», «В РФ задержали организаторов каналов нелегальной миграции»,

8 Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. — 2003. — № 11. — С. 41–50; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 396 с.; Аблажей Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и в массовом сознании россиян // Вестник НГУ. Сер. История, филология. — 2012. — Т. 11. — Вып. 6: Журналистика. — С. 17–22.

9 Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 1. — С. 166–192.

10 Сайт газеты «Известия» — https://iz.ru/.

«Госдума рассмотрит повышение штрафов пособникам нелегальных мигрантов», «Нелегальным мигрантам перекроют доступ к жилью», «Яровая предложила уголовно наказывать за регистрацию в нежилых зданиях», «Жители Астраханской области пытались организовать нелегальную миграцию»). Прочтение целого ряда публикаций вызывает у россиян усиление уверенности, что иностранные мигранты — это катализатор для разгула криминала («МВД: мигранты из Киргизии, Украины, Узбекистана — лидеры по криминалу», «Сайты о фиктивных браках для мигрантов закрыли в Башкирии», «Водители-мигранты совершили в РФ более 1 млн нарушений ПДД в 2017 году»), а также носители болезней («Роспотребнадзор назвал регионы с высокой заболеваемостью сифилисом»).

Среди положительных новостей — желание урегулировать перераспределение трудовой силы на межгосударственном уровне («Гастарбайтерам найдут вакансии в Узбекистане», «В ГД ратифицируют соглашение о трудоустройстве граждан Узбекистана», «Минтруд предложил снизить квоту на иностранных работников на 20 %»). Встречаются нейтральные статьи, самая «говорящая» из которых называется «МВД назвало ситуацию с мигрантами в РФ стабильной». Справедливости ради отметим, что без радужного позитива также не обошлось. В заголовках прозвучало и общее утверждение, что «в России всего хватит всем», и попытка убедить россиян, что мигранты внесли большой вклад в увеличение «доли детей в структуре населения России». Более того, «Патриарх Кирилл рассказал о необходимости Москвы в гастарбайтерах».

Социальные сети мигрантов: традиционная (научная) и современная (медийная) трактовка понятия.

Термин «социальные сети» в миграциологии начал использоваться задолго до того, как он стал ассоциироваться в массовом сознании с интернет-пространством.

В целом «социальная сеть» — это понятие, эвристический потенциал которого позволяет исследовать неформальные взаимодействия, возникающие между различными субъектами в процессе повседневной жизнедеятельности[11]. Под социальными сетя-

ми понимают стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми[12]. По мнению Н.А. Зотовой, неформальные сети играют важную роль в жизни мигрантов в стране пребывания; мобилизация данного ресурса является единственным доступным способом решения проблем для многих мигрантов. При помощи сетей они находят работу, жилье; в их круг общения в России вовлекается значительное количество людей[13].

Социальные сети являются способом адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования[14]. Основная их функция — обезопасить участников от реальных или мнимых угроз «оставления» их без защиты государством на произвол частного интереса, носителями которого могут быть как «акулы капитализма», так и любые представители «нерыночных» социальных групп, включая криминальные структуры и чиновников[15]. В современном обществе эти сети неформальных отношений позволяют находить работу, обмениваться информацией, разрешать большинство проблем и конфликтов[16].

---

11 Рзаева С.В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 395. — С. 60–66.

12 Рона-Тас А. Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. — М.: Логос, 1999. — С. 396–411.

13 Зотова Н. А. Трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию. Положение в принимающей стране и адаптация сезонных мигрантов // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. — М.: Старый сад, 2008. — С. 153–176.

14 Борисов Д.М., Фофанова К.В. Сетевой ресурс как фактор интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 11 (2). — С. 189–206.

15 Радаев В. В. Экономическая социология. — М.: Аспект Пресс, 1998.

16 Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология. — 2011. — Т. 12. — № 2. — С. 49–79.

Именно в такой трактовке чаще всего используется данное понятие, по крайней мере, отечественными учеными, исследующими проблемы трудоустройства, межсемейной поддержки, социального неравенства мигрантов[17]. Социальная сеть рассматривается в качестве одного из множества факторов, влияющих на территориальные перемещения населения[18].

В научный дискурс введено также понятие «этническая социальная сеть», когда речь идет не просто о мигрантах, а о представителях определенной этнической общности. Под этнической социальной сетью понимаются устойчивые и повторяющиеся доверительные связи разной силы между членами одной этнической группы, основанные на взаимном признании друг друга как представителей определенной этнической общности и реализуемые посредством обмена. Признание друг друга в качестве членов одной и той же этнической группы предполагает разделение общих представлений о языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоционального отношения к ним и готовности действовать в соответствии с этими представлениями при определенных условиях[19].

В данном исследовании мы понимаем социальную сеть как виртуальное пространство, сформированное в Интернете в виде сообщества людей со схожими интересами или деятельностью. Такая форма организации взаимодействия не исключает прежнего смыслового наполнения данного понятия, а дополняет его важным элементом, при этом очень динамичным и чисто организационно легко поддающимся изучению. Абсолютно все теоретические выкладки, касающиеся социальных сетей в недавнем прошлом, в полной мере соответствуют современной обыденной трактовке этого феномена.

В социальных сетях в их интернет-понимании (далее мы будем подразумевать только его) все чаще появляются страницы, содержащие информацию, которая может быть полезной для людей, прибывающих в Россию и выбывающих за ее пределы. Можно выделить несколько основных тем, по которым сформировались сообщества. В них проявляется наибольшая активность мигрантов, имеющих выраженные установки на адаптацию в российском принимающем сообществе, а также планирующих остаться в России на длительное или постоянное проживание.

В частности, мы проанализировали несколько открытых сообществ в социальной сети «В Контакте», содержащих полезную информацию для мигрантов. Данный интернет-ресурс — один из самых популярных в России, он активно используется мигрантами, особенно из Средней Азии.

Из самых популярных по количеству подписчиков по запросу «миграция» является группа «Гражданство РФ / РВП / ВНЖ / Беженцы / Мигранты»[20] (более 17 тыс. подписчиков). Она позиционируется как юридическая консультация. В описании сообщества указано, что оно призвано помочь своим участникам в использовании преимуществ программы переселения соотечественников, в решении вопросов пребывания на территории России, миграционного учета, получения гражданства Российской Федерации. Ад-

17 Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. — 2004. — № 9. — 21С. 20–29.; Давыдова Н.М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. 2007. — Вып. 6. — С. 169–182; Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. — 2003. — № 2. — С. 5–16; 7. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

18 Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Т. 3. — № 2. — С. 74–81;
Валитов В.Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей. [Электронный ресурс] — URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/valitov_immigrators_nets/;
Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия: в 3 т. Т. 1, ч. 2 / НП РСМД / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. — М.: Спецкнига, 2013. — С. 692–702.

19 Рзаева С.В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 395. — С. 60–66.

20 https://vk.com/rossiyavsem (дата обращения 20.11.2017).

министраторы сообщества готовы ответить на вопросы, в основном касающиеся миграционного законодательства.

Данную социальную группу можно назвать активно действующей, в ней, кроме ссылок на нормы и законы по миграции, действуют темы для обсуждения, из которых 6 наиболее востребованы:

— «Помогите!!!» (1 661 сообщение),
— «Заключение брака иностранными гражданами на территории РФ» (1 588 сообщений),
— «Могу помочь!!!» (678 сообщений),
— «Болталка!!!! Предложения, жалобы, обмен мнениями» (577 сообщений),
— «ГП «Соотечественники» Министерства занятости, труда и миграции РФ, в 60-и регионах-участниках» (576 сообщений),
— «Вид на жительство в РФ (ВнЖ)» (550 сообщений).

На втором месте «В Контакте» по количеству подписчиков — группа «migrants.ru — Юридическая помощь мигрантам»[21] (более 8 тыс. участников). Фактически это дублер интернет-портала «http://www.migrants.ru Юридическая помощь мигрантам в России». В описании сообщества указаны теги «Миграция», «Мигранты», «Юридическая помощь мигрантам в России». Страница сообщества информативна, популярна и востребована, о чем говорит количество организованных тем для обсуждения — 198. Наиболее популярны 7 тем, но из них особенно выделяются две: «Способы подтверждения РВП и подачи на ВнЖ с выпиской со счета в банке или справка 3НДФЛ» (5 016 сообщений) и «Вопросы по РВП» (4 311 сообщений). Остальные востребованные темы:

— «У мигрантов дети от гражданки (гражданина) России — плюсы и минусы» (798 сообщений);
— «Вид на жительство» (688 сообщений);
— «Гражданство РФ» (636 сообщений);
— «Полезная информация о запрете на въезд» (439 сообщений);
— «Вопросы по программе переселения соотечественников» (325 сообщений).

Еще одна социальная группа, немного уступающая вышеназванной по количеству подписчиков, — «Права мигранта»[22] (более 7 тыс. участников), которая является официальным информационным ресурсом Московского информационно-консультационного центра «Права мигранта». Она выступает помощником в сфере ознакомления с действующим законодательством, с законными способами оформления легальных документов и статусов для пребывания и проживания в Российской Федерации. Девиз сообщества: «Законность и справедливость — наша цель».

В группе открыто 22 темы для обсуждения, из них наиболее востребованы:

— «Вопросы» (2 000 сообщений),
— «Все о миграционной карте» (1 550 сообщений),
— «РВП — разрешение на временное проживание» (502 сообщения),
— «Патент на осуществление трудовой деятельности» (252 сообщения),
— «Трудовой патент для работы у юридических лиц» (204 сообщения),
— «Миграционный учет» (203 сообщения),
— «Снятие запрета, получение ответа» (129 сообщений).

Следующая по количеству подписчиков группа «Правовой центр «Мигрант», все о Гражданстве РФ» (более 4 тыс. участников). Она фактически является рекламной страницей данного правового центра, в ее описании выделено: «Ответим на все интересующие вас вопросы!!! Юридическая поддержка иностранных

21 https://vk.com/migrantsru (дата обращения 20.11.2017).
22 https://vk.com/prava_migranta (дата обращения 20.11.2017).

граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации». На главной стене данного сообщества размещаются только статьи или ссылки на статьи и новости на тему миграции, актуальные по срокам выхода информации. Их можно условно разделить на следующие смысловые блоки:

— юридическая помощь и правовая консультация: «Подробнее об оформлении и получении трудового патента»; «Вся необходимая информация для быстрого и правильного оформления загранпаспорта»; «Миграционный центр Москвы приглашает в личный кабинет»; ОБ ОТМЕНЕ «ОВИР»;«Об амнистии для граждан Молдовы по статье 27 п. 12. ФЗ-114 «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ»; «Исправлять допущенные чиновниками ошибки в паспорте начнут бесплатно»;
— мигранты из Украины: «Россия ответит на изменение Украиной правил въезда: больше пострадают украинцы»; «О положении в России беженцев с Донбасса»; «Россия упростила процедуру получения гражданства для украинцев: что это значит»;
— отношение россиян к иностранным трудовым мигрантам:
«Нежеланные гости: более половины россиян хотят снизить поток трудовых мигрантов в страну»;
«Как мы настроили гастарбайтеров против себя: унижаем, кидаем, убиваем»;
— личные истории мигрантов: «Ахмет из Андижана: В Калуге лучше, чем в Москве»;
«История от первого лица. История получения гражданства. Получилась целая история-инструкция...»;
— нелегальные способы миграционного пребывания на территории России:
«Каждый 5 брак в РФ — фиктивный! Россиянки массово продаются мигрантам»;
«Советы таджикским мигрантам: как избежать депортации»;
— другое: «Дети мигрантов»; «Иностранцев раскрепостили»; «Снятый для трудовых мигрантов фильм «В Мос-

> кву на заработки» покажут в пяти странах»; «Сколько действует квота? Официальный ответ МВД».

Следующей по количеству подписчиков является группа «Стоп мигрант»[23] (более 4 тыс. участников). В ней размещена информация, формирующая мигрантофобские настроения:

> «...Ужасающая миграционная политика России, больше смахивающая на шутку «импортозамещение населения» <...>. Этнопреступность, массовые поселения, законодательные поправки, общественные инициативы против массового заселения мигрантами...».

Хештэги группы #стопмигрант #этнопреступность #выселять; ее местоположение — город Санкт-Петербург. Главная стена данного сообщества не содержит тем для обсуждения, на ее странице информация обновляется периодически и в основном содержит сюжеты по этнопреступности (убийства, изнасилования, грабежи и пр.) в разных регионах России.

Для определения основных тем, которые вызывают интерес у этнических мигрантов, нами был проведен контент-анализ этносообществ «Таджики и таджички в России»[24], «Узбекистанцы в России»[25] и «Узбеки в Москве»[26], образованных в той же социальной сети «В Контакте».

На страницах подобных сообществ можно выделить четыре основных направления обновления информационной ленты, при

23 https://vk.com/stopmigrant (дата обращения 20.11.2017).
24 https://vk.com/club81391957 (дата обращения 20.11.2017).
25 https://vk.com/uzbeks_77 (дата обращения 20.11.2017).
26 https://vk.com/moskowuz (дата обращения 20.11.2017).

этом часть объявлений печатается на национальном языке. Первое направление — это информация (объявления, записи, баннеры и пр.) с предложениями работы, в большинстве случаев от рекрутинговых агентств. Виды приложения труда в основном связаны с рабочими специальностями — строители, штукатуры-маляры, отделочники, дорожные рабочие, сварщики, грузчики, водители грузовиков, таксисты, горничные, уборщицы. Имеются предложения, связанные с работой в супермаркетах, в торговых точках по продаже сотовых телефонов, сетевой маркетинг и по размещению рекламы в интернете. География предлагаемых мест работы в основном не обширна — Москва, Московская область, Санкт-Петербург, но есть вакансии и на других территориях (Нижний Новгород, Батайск и др.).

Второе направление — информация с предложениями юридической помощи и юридических услуг для мигрантов (регистрация, патент, разрешение на работу, РВП, вид на жительство, выезд за границу). Предложения о видах юридических услуг пополняются новыми их видами по времени издания или поправки к законам РФ. К подобным объявлениям относятся также и те, которые предлагают сдачу экзамена по русскому языку (даже если человек не владеет русским языком, сертификат выдается в течение 25 рабочих дней), получение медицинского полиса (день в день), справки о прохождении медицинской комиссии (в 3-дневный срок).

Третье направление — информация, связанная с оказанием транспортных услуг в виде пассажирских перевозок (автобусами, микроавтобусами, легковыми автомобилями и такси). Данные объявления регулярно публикуются в виде рекламных баннеров с краткой информацией о времени рейса и телефонами водителей. Попадается и информация об авиарейсах и недорогих авиабилетах. Среди предложений транспортных услуг можно найти и объявления о маршрутах не только в сторону Средней Азии, но и на Украину (заезд и выезд на легковом автомобиле из Санкт-Петербурга и Москвы).

Четвертое направление — объявления о сдаче (съеме) жилья. В некоторых из них можно встретить этнические предпочтения, например:

«Частный дом, для 3–4 человек. Только таджикам или памирцам»,

или информацию о половой принадлежности (орфография сохранена):

«Нас 2 человека (девушка и женщина.) Женщина работает с вахтой 15 в Москве 15 у себя дома бывает. Но, оплачивает на месяц за комнату. А девушка постоянно. Мы очень аккуратный и Ооочень чистоплотный. Своевременно оплата это точно», «Сдается комната. Цена 12000 р. для 2 девушек. В соседней комнате молодая пара без детей и животных».

В заключение отметим, что в российском медийном пространстве, в основном благодаря СМИ, сформировался в целом негативный образ иностранных мигрантов. А формирование традиционных миграционных социальных сетей в XXI веке значительно упростилось с появлением возможностей создания различных интернет-сообществ. В таких социальных сетях наиболее востребованы юридическая информация и консультационная помощь, при этом не всегда дающая легальные рекомендации. На форумах подобного рода мигранты имеют возможность поделиться своим опытом общения с представителями УФМС, рассказать о сотрудничестве с различными юридическими и адвокатскими фирмами, получить бесплатную юридическую консультацию.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)*

ЩИТОВА Н.А., ЧЕРКАСОВ А.А.,
БЕЛОЗЕРОВ В.С., ЧИХИЧИН В.В.

Под иммиграцией мы понимаем процесс въезда в страну граждан на постоянное место жительства, следовательно, иммигранты — те лица, которые приехали из другой страны в Россию с целью переселения. Иммиграция для Ставропольского края — явление сравнительно новое, и абсолютное число иммигрантов пока невелико, однако это важный стратегический компонент формирования населения края, значимость которого пока не оценена в должной мере.

До сих пор в регионе достаточно широко распространены мифы о состоянии демографической ситуации и характере воспроизводства населения.

Первый миф — о демографическом благополучии. Ситуация в крае ненамного лучше общей ситуации в России.

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

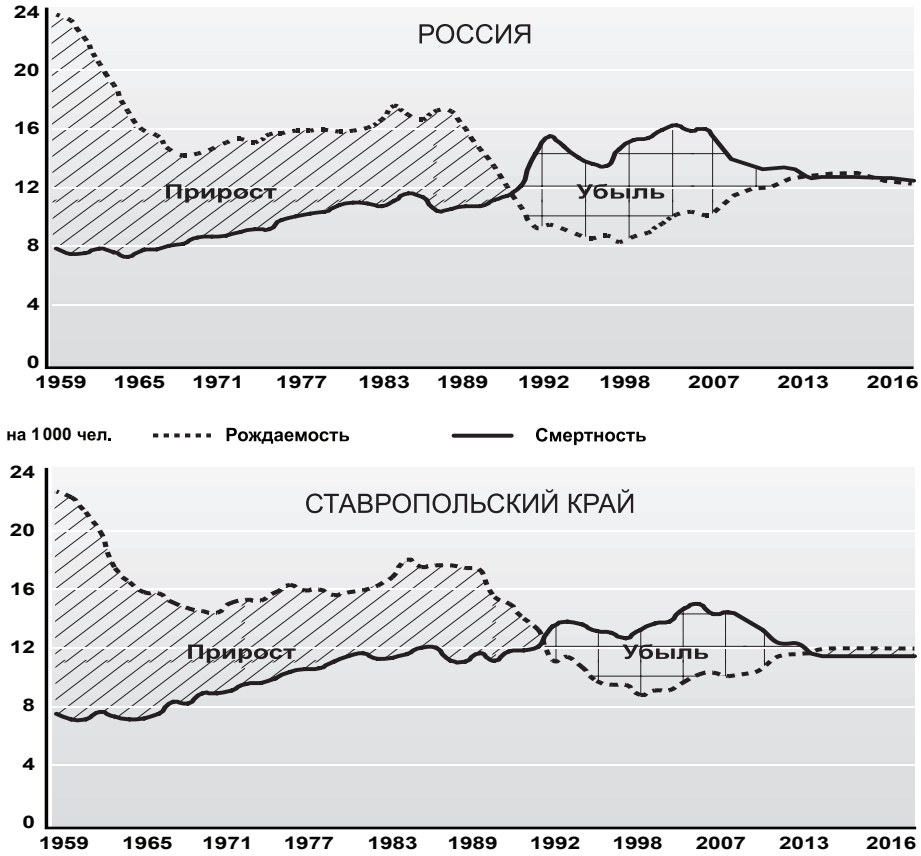


Рис. 1. **Динамика демографической ситуации в России и Ставропольском крае в 1959–2016 гг. (‰)**

Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: ФОК–Юг, 2014. С. 35.

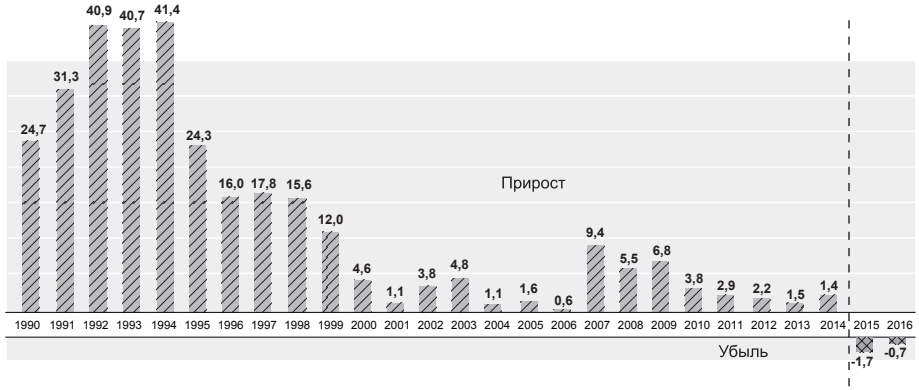


Рис. 2. **Динамика миграционного прироста в Ставропольском крае.**

Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: ФОК–Юг, 2014. С. 40.

Второй миф — о росте миграции. На самом деле миграционный прирост постепенно сокращается. Положительные значения сохраняются только благодаря международной миграции.

Таким образом, перспектива роста воспроизводственных ресурсов весьма призрачна. Вместе с тем нарастает дефицит рабочей силы, отмечается недостаток кадров в разных (в том числе и высококвалифицированных) отраслях.

В связи с этим возрастает актуальность не только привлечения, но и удержания иммигрантов в крае, создания условий для их успешной адаптации и интеграции.

Иммиграционная история в крае непродолжительна, однако в некоторой степени условно можно выделить три иммиграционные волны.

1. Начало 1990-х гг. характеризуется интенсивным ростом сальдо миграции. За короткий период с 1990 по 1994 г. миграционный прирост вырос вдвое — с 24,7 тыс. чел. до 41,4 тыс. чел. Был отмечен рост численности населения в сельской местности на 8 % за счет миграций. Заметную долю миграционного потока составляли иммигранты, вынужденно покидавшие места жительства с нестабильной политической ситуацией. Основную массу иммигрантов составляли жители стран Южного Кавказа, особенно из районов Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, а также из Казахстана, стран Средней Азии. Качественный состав мигрантов был достаточно высок. Экономически активное, высокообразованное, преимущественно городское население существенно повысило трудоресурсный и демографический потенциал сельской местности края. Во многом благодаря мигрантам была частично решена проблема нехватки, особенно в сельской местности, высококвалифицированных кадров в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры[3].

3 Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь: ФОК–Юг, 2014. — С. 40–41.

Рис. 3. Оценка иммигрантами своего материального положения (по данным опросов [%]).

Ключевое место в их поведенческих стратегиях занимало решение экономических проблем. Уровень материального положения этой категории заметно снизился по сравнению с предыдущим местом жительства. В 3 раза уменьшилось число материально независимых и в 2 раза выросло число бедных граждан (рис. 3).

Почти 40 % мигрантов не могли решить проблему с жильем. Более чем у 30 % переселенцев жилищные условия заметно ухудшились. Одна из самых острых проблем была связана с трудоустройством. Почти 43 % опрошенных не могли устроиться на работу по специальности, а около 20 % были безработными.

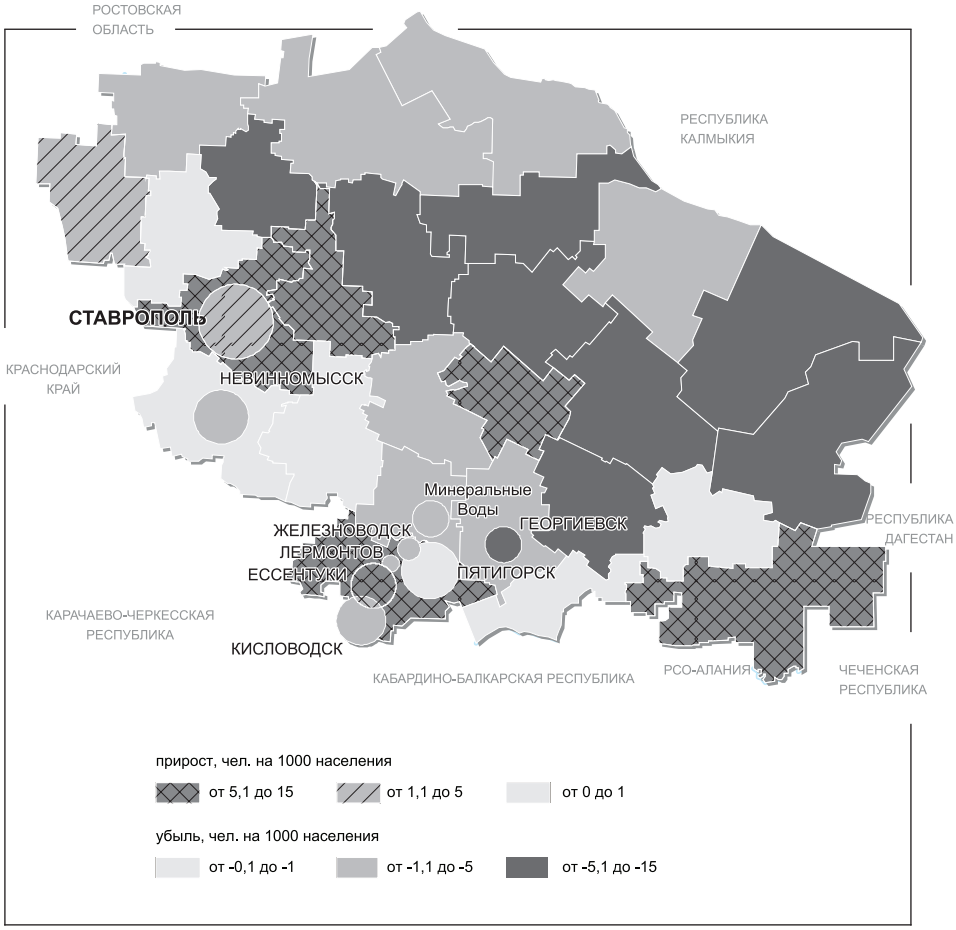


Рис. 4. **Динамика миграционного прироста (убыли) в Ставропольском крае, 20016 г. (‰).**

Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: ФОК–Юг, 2014. С. 43.

Вместе с тем следует отметить, что достаточно большая группа мигрантов того периода сумела относительно быстро адаптироваться к новым условиям, причем преобладали активные формы адаптации.

Мигранты предпринимали немалые усилия для того, чтобы достичь достойного уровня жизни. В ответах респондентов преобладали позитивные настрое-

Таблица 1. УРОВЕНЬ ЗНАНИЯ РЕСПОНДЕНТАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ответы респондентов	Человек	%
Русский язык — мой родной	146	16,65
Владею свободно (говорю, пишу, читаю)	350	39,91
Говорю свободно, пишу и читаю плохо	232	26,45
Говорю плохо, читать и писать не умею	131	14,94
Не владею русским языком	18	2,05

ния, стремление самостоятельно решить возникающие вопросы. Немаловажную роль сыграло и то, что в общественном мнении преобладали сочувствие и доброжелательность по отношению к вынужденным мигрантам.

Несмотря на некоторые успехи, большая часть мигрантов (до 70 %) впоследствии покинула села края. Это было связано с тем, что сельское Ставрополье не соответствовало социально-экономическим установкам прибывших переселенцев, выполнив роль первой адаптационной ступени. Среди переселенцев было много горожан, которым не подошел сельский образ жизни, бедность сельского рынка труда ограничивала перспективы их профессиональной реализации.

В целом можно считать, что интеграция состоялась, иммигранты первой волны были успешно приняты в российское сообщество.

Среди главных факторов, способствующих реализации позитивных интеграционных стратегий, отмечаются:

— новизна явления и отсутствие массовых мигрантофобских настроений в принимающем сообществе;
— простота решения проблемы натурализации;
— активная позиция мигрантов;
— хорошее владение русским языком, общность социокультурных систем во всех бывших республиках СССР.

Вторая волна иммиграции возникает в начале XXI в. в связи со сменой основных миграционных факторов. Стрессовые мотивы заменяются экономическими. Иммигранты из новых постсоветских государств ищут работу в крупнейших городах и ресурсных центрах России.

В Ставропольском крае объемы иммиграционного притока заметно сокращаются, достаточно четко формируются две основные зоны притяжения мигрантов — Ставропольская и Кавминводская городские агломерации.

По мере улучшения экономической ситуации края число иммигрантов растет. По данным Ставропольстата, с 2006 по 2011 г. миграционный прирост за счет иностранных граждан без учета трудовой миграции в регионе вырос почти в 5 раз (с 1243 чел. до 6013 чел.).

В иммиграционном потоке преобладали граждане стран СНГ разной этнической принадлежности, в том числе и русские, но были и представители дальнего зарубежья.

Переселенцы «второй волны» встретились с целым рядом затрудняющих процесс адаптации препятствий.

Во-первых, наибольшие сложности возникали в связи с проблемой натурализации. Приоритетной стратегией для иммигрантов в процессе обретения российского гражданства было получение разрешения на временное проживание в России, а впоследствии вида на жительство. Реже первоначальным шагом было получение патента на осуществление трудовой деятельности и обретение статуса вынужденного переселенца. Некоторые иммигранты пользовались возможностью получения российского гражданства по упрощенной схеме. Однако в большинстве случаев процесс натурализации затягивался на годы. В ряде случаев отмечались ситуации многолетней безуспешной ходьбы иммигрантов по коридорам государственных учреждений с целью обретения российского паспорта.

Во-вторых, серьезный барьер на пути интеграции был связан с неудовлетворительным знанием русского языка (табл. 1). При неплохом уровне владения устной речью, отмечался повсеместный недостаток навыков письма (даже для этнических русских). Довольно велика была доля тех, кто практически языка не знал (особенно среди лиц моложе 40 лет). При этом большинство иммигрантов пытались самостоятельно преодолеть языковой барьер, на уровне домашнего самообразования и в бытовом общении с носителями русского языка. Менее 10 % занимаются на курсах или других специальных занятиях.

В-третьих, следует отметить низкую заинтересованность государственных структур в приеме иммигрантов. Как показывали опросы, абсолютное большинство иммигрантов опиралось на помощь родственников, друзей или просто знакомых. Работало «сарафанное радио» и сложившиеся «этнические цепочки». Именно по родственным каналам многие будущие иммигранты получали информацию о России и ее регионах. Поэтому главным фактором, определявшим выбор места жительства в Ставропольском крае, являлось проживание здесь родственников и знакомых. Благодаря им мно-

гие мигранты смогли быстро трудоустроиться и частично или даже полностью решить жилищные проблемы. Некоторая часть иммигрантов опиралась при решении этих проблем на собственные силы. Но вот помощь от государственных или каких-либо общественных структур (включая этнические диаспоры) получали немногие.

Таблица 2. УРОВЕНЬ ЗНАНИЯ РЕСПОНДЕНТАМИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИНИМАЮЩИХ СООБЩЕСТВ

Ответы респондентов	Человек	%
Обычаи, традиции	315	35,8
Литература и искусство	173	19,66
История	199	22,61
Религиозные ценности	122	13,86
Этикет, поведение в обществе	178	20,23
Знаком со всеми поверхностно	314	35,68
Не знаком ни с чем	119	13,52

В-четвертых, недостаточное знание социокультурных особенностей России было актуально для молодых иммигрантов, рожденных после распада Советского Союза. Даже этнические русские, родившиеся и выросшие в этих государствах, плохо ориентировались в российской действительности (табл. 2).

В-пятых, произошло усиление ксенофобии и мигрантофобии. Несмотря на то, что большая часть респондентов указала на то, что никогда не встречала пренебрежительное отношение к себе, проблема различных проявлений в принимающем обществе присутствует. Это особенно ярко проявлялось в ходе опросов местного населения. По сравнению с 1990-ми годами сократилось число сочувствующих и

Таблица 3. ОТНОШЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ (КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ) К МИГРАНТАМ

Ответы респондентов	Человек	%
С сочувствием, готовностью помочь им в обустройстве	8	4,7
Безразлично	55	32,5
Отрицательно	33	19,5
Об этом не задумывался	66	39,1
Другое	7	3,2

выросло количество тех, кто относился к приезжим безразлично либо отрицательно. Особенно возросли негативные настроения по отношению к другим этническим группам.

Углубленные интервью продемонстрировали изоляционистские настроения в принимающей среде и высокий уровень предубеждений в отношении мигрантов. Большинство представителей властных структур (особенно в сельских администрациях) считают, что демографическая ситуация стабильна, край не нуждается в привлечении мигрантов, которые только выталкивают коренных жителей. Еще более негативные оценки дают обыватели. По их мнению, миграция представляет одну из наиболее серьезных проблем, обостряющую рост безработицы, социальное неравенство и приводящую к этническим диспропорциям в занятости населения. Практически не делается разграничения между не столь большим потоком иммигрантов, которые навсегда связали свою судьбу с Россией, и более многочисленными гастарбайтерами.

Третья иммиграционная волна связана с событиями в Украине. По своему составу украинский миграционный поток в какой-то мере повторял 1990-е годы. Более того, переселенцы из Украины практически идентичны коренному населению по своим этнокультурным характеристикам: 60 % — русские, немногим более 30 % — украинцы. Достаточно высок их образовательный уровень — более 30 % имеют высшее образование и столько же — среднее специальное. Преобладают лица моложе 40 лет, у многих есть дети. Выбор Ставропольского края в качестве места вселения обусловлен, в большинстве случаев, проживанием здесь родственников или знакомых (рис. 5).

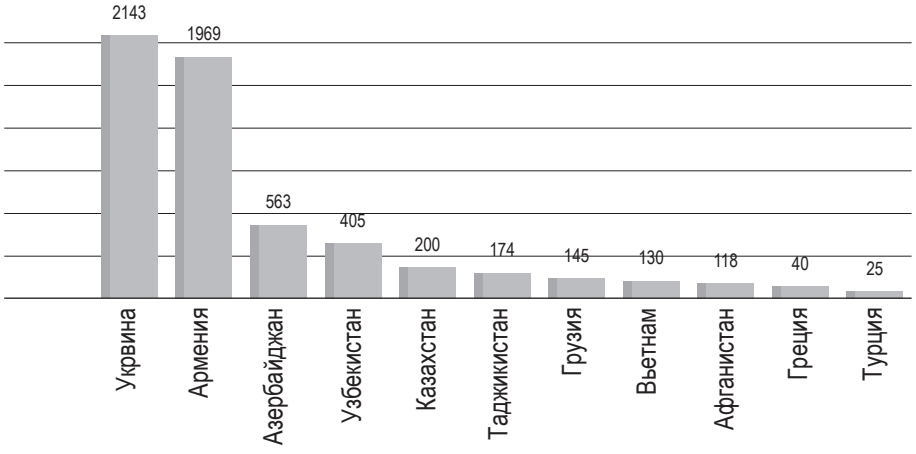


Рис. 5. География иммигрантов, прибывших в Ставропольский край (2015 г.).

Почти 60 % опрошенных планировали остаться жить в Ставропольском крае, несколько более 20 % — переехать в другие регионы России, еще 10 — либо не определились, либо собирались перебраться в другие страны, и только 8 % респондентов хотели бы вернуться обратно в Украину. Таким образом, край получил молодое, образованное, идентичное по культуре население, готовое к успешной интеграции, что при наличии негативных демографических трендов очень важно.

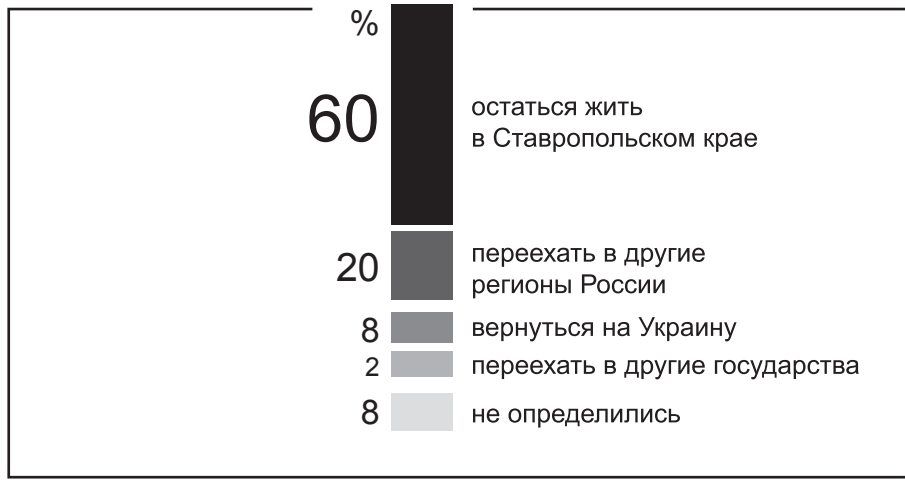


Рисунок 6.
Планы на будущее украинских иммигрантов-респондентов.

Однако, несмотря на первоначальные заявления российской стороны о всемерной поддержке украинских беженцев, реальная ситуация не вполне благоприятствует успешному развитию адаптационно-интеграционных процессов.

К числу насущных нерешенных проблем относят: отсутствие своего жилья и перспектив его приобретения; проблемы, связанные с наличием источников постоянного дохода, а главной причиной материальных затруднений выступает несоответствие работы ранее занимаемой должности на прежнем месте жительства; возможность получения бесплатного образования и медицинской помощи. Для семей с детьми выдвигается проблема отсутствия бюджетных мест в детских образовательных учреждениях. Однако самой важной проблемой переселенцы считают получение российского гражданства. Многие столкнулись с бюрократией, формализмом и даже проявлениями коррупции. Недостаточно эффективно работает программа переселения соотечественников, не предусмотрены льготы в трудоустройстве высококвалифицированным переселенцам и т. п.

Помощь украинским беженцам при обустройстве оказывали преимущественно местные жители (родственники и знакомые или просто незнакомые граждане) или общественные организации. Помощь от официальных структур получили менее 13 % респондентов.

Анализ иммиграционной ситуации в Ставропольском крае однозначно свидетельствует о необходимости формирования региональной миграционной политики, направленной на адаптацию и интеграцию иммигрантов. К числу первоочередных мер следует отнести создание благоприятной региональной институциональной среды и формирование позитивного общественного мнения, сочувственного отношения к иммигрантам.

Важной составляющей региональной миграционной политики, на наш взгляд, является внедрение системы мониторинга адаптации и интеграции миграционных процессов. Действенным механизмом управления иммиграционными процессами могут стать образовательные миграции.

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ: ОСОБЕННОСТИ НА РОССИЙСКОМ ФОНЕ*

ЧИХИЧИН В.В., СОЛОВЬЕВ И.А.,
ЩИТОВА Н.А., БЕЛОЗЕРОВ В.С.

Динамика привлечения иностранных студентов в российское образовательное пространство впечатляет. По данным Росстата, в 2015/2016 учебном году в вузах Российской Федерации обучалось 242,5 тыс. студентов из зарубежных государств [Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.], что составляет около 5% общего количества учащихся высших учебных заведений. В 2000/2001 учебном году их было почти 60 тыс. и 1,4% [Там же] соответственно, а в 2010/2011 — уже 160,9 тыс. и 2,3% [Академическая мобильность иностранных студентов в России. Выпуск серии «Факты образования». М.: НИУ ВШЭ, 2016]. Такая позитивная тенденция, конечно же, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

С одной стороны, внешняя учебная миграция может дополнительно дать российской экономике и социальной сфере качественно иных, чем при трудовой и уж тем более при стрессовой

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

миграции, активных участников. Очевидно, что в современных и в будущих демографических реалиях наша страна не обойдется без иностранных мигрантов. И лучше, если довольно ощутимая доля среди них будет принадлежать молодым переселенцам, желающим получить профессиональное образование в Российской Федерации. По данным опроса, проведенного Центром социологических исследований в 2012 г., почти 14 % иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, намерены трудоустроиться здесь же[4]. А это ни много ни мало более 20 тыс. чел., а с учетом прогнозов по количеству иностранных студентов[5] в 2020 г. — 35 тыс. чел., в 2025 г. — 50 тыс. чел.

С другой стороны, иностранные студенты, приезжающие из большого количества стран, обладающие разным уровнем знания русского языка и культуры, не всегда готовые приобщиться к российскому образу жизни, испытывают порой довольно серьезные адаптационно-интеграционные проблемы. Они могут равнодушно или, еще хуже, негативно восприниматься принимающим сообществом. Местным жителям многих российских городов, в первую очередь, региональных столиц, необходимо учиться жить рядом с представителями ближнего и дальнего зарубежья, которых становиться все больше. При этом различные организации, в том числе вузы, должны помогать успешной адаптации иностранных студентов с последующей возможной их полноценной интеграцией в российский социум с выбором России в качестве постоянного места жительства и приложения своих профессиональных компетенций.

Современная российская карта иностранных студентов довольно разнообразна. Ряд регионов фигурируют на ней уже долгое время, некоторые появились совсем недавно. Ставропольский край отличается на этом фоне тем, что на какое-то время (1990–2000 годы) ослабил свои позиции по обучению иностранных студентов, а в последние годы заметно нарастил их количество. Отличается этот регион и контингентом обучающихся из зарубежных стран, и составом местных жителей. Многонациональное население Ставрополья пополняется представителями новых для него народов, что еще больше обостряет необходимость гармонизации межэтнических отношений, в том числе через проведение эффективных мероприятий по адаптации и интеграции образовательных мигрантов. Именно поэтому изучение особенностей со-

става и адаптации иностранных студентов в Ставропольском крае весьма актуально, чему собственно и посвящена данная статья.

В тексте статьи нашли отражение результаты анализа статистических[6] и аналитических[7] материалов, посвященных изучению иностранных студентов в России. Проблемы адаптации этой категории обучающихся выявлялись путем проведения социологических исследований (анкетирование, демоскопическое интервью и фокус-группы) в Северо-Кавказском федеральном университете в 2014, 2016 и 2017 гг.

---

4 Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf.

5 Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). — М.: Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

6 Статистические данные на сайте Минобрнауки России. [Электронный ресурс] — URL: минобрнауки.рф/ministry/статистика; Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб./ Росстат. — М., 2016. — 725 с.

7 Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf; Академическая мобильность иностранных студентов в России. Выпуск серии «Факты образования». — М.: НИУ ВШЭ, 2016. [Электронный ресурс] — URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/ %D0 %A4 %D0 %9E7.pdf.; Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М.: Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Ставропольский край на общероссийской карте иностранных студентов.

Численность иностранных граждан в вузах РСФСР в 1991 г. составляла около 90 тыс. чел., из них более трети — это студенты из Монголии, Вьетнама, Афганистана, Кубы и Болгарии. Целых два постсоветских десятилетия иностранные студенты во многих региональных вузах были представлены очень малочисленными группами. В 1996 г. в России их обучалось около 53 тыс. чел., в 2001 г. — всего на несколько тысяч больше. При этом количество вузов, принявших студентов из-за рубежа, заметно увеличивалось: в 1991 — 250, в 2000 г. — 520, в 2010 г. — 736.

Последние годы ситуация меняется кардинально. Советский уровень численности иностранных студентов был достигнут в 2006–2007 гг. В 2008 г. в России уже более 100 тыс. граждан, приехавших из-за границы, получало высшее образование, а в 2016, как уже было указано выше, — 242,5 тыс. (табл. 1). Подавляющее большинство иностранных студентов приехало в Россию из стран бывшего СССР (около 78 %), при этом наибольшее их количество — это уроженцы Казахстана (36 % от общего числа студентов из бывших республик Советского Союза), Узбекистана (11 %), Украины (11 %), Туркменистана (9 %) и Беларуси (8 %).

Наибольшее число иностранных студентов из стран, не входивших в состав СССР, прибывает из Азии (57 % от числа студентов из этих стран), почти половина студентов из этого макрорегиона — выходцы из Китая (24,3 % от всех студентов дальнего зарубежья), Индии (10,7 %), Вьетнама (6,3 %), Монголии (4,5 %) и Малайзии (4,1 %). Следующий по представленности географический макрорегион — Северная Африка и Ближний Восток (19 %).

Наиболее популярными регионами для обучения среди студентов из стран бывшего СССР являются Москва (25 % иностранных студентов из этой группы стран), Санкт-Петербург (9 %), Омская область (6 %), Томская область (5 %). Больше всего иностранных студентов из стран, не входящих в число бывших республик Советского Союза, обучается в Москве (26 % иностранных студентов из этих стран), Санкт-Петербурге (12 %), Курской области (4 %), Республике Татарстан (3 %).

Наименее сконцентрирована численность студентов из стран Африки (за исключением Северной Африки): на 3 регио-

на с наибольшей численностью студентов из этих стран (Москва, Санкт-Петербург и Белгородская область) приходится 33 % студентов. В то же время наиболее сконцентрирована группа

Таблица 1. ЧИСЛЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (КРОМЕ АСПИРАНТУРЫ, ВКЛЮЧАЯ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА)

Годы	Кол-во иностранных студентов, тыс. чел.	Удельный вес иностранных студентов в общей численности студентов, %	Удельный вес студентов из стран бывшего СССР в общей численности иностранных студентов, %
2000/2001	58,9	1,4	58,5
2005/2006	78,1	1,3	52,0
2010/2011	160,9	2,3	72,5
2011/2012	159,9	2,4	76,3
2012/2013	171,6	2,8	74,3
2013/2014	205,7	3,6	76,0
2014/2015	224,6	4,3	78,1
2015/2016	242,5	5,1	77,5

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.; Академическая мобильность иностранных студентов в России. Выпуск серии «Факты образования». М.: НИУ ВШЭ, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/ %D0 %A4 %D0 %9E7.pdf.

студентов из Восточной Европы: в 3 регионах (Москва, Санкт-Петербург и Томская область) обучается 88 % студентов из этого

географического макрорегиона. Москва не является наиболее популярным регионом для обучения лишь среди граждан стран Австралии и Океании (10 из 21 студента обучаются в Томской области).

Необходимо заметить, что территориальная удаленность, хотя, очевидно, и играет роль при выборе региона обучения, не является его ключевым фактором. Например, на субъекты Российской Федерации, имеющие общую границу с Китаем, приходится 22 % студентов из этой страны, в то время как на Москву и Санкт-Петербург почти половина (48 %)[8].

Ставропольский край в 2015/2016 учебном году занимал 22-е место в России по количеству иностранных студентов. По данным сборника НИУ ВШЭ «Академическая мобильность иностранных студентов в России», в вузах Ставрополья в это время обучалось чуть более 3 тыс. уроженцев зарубежных стран, или 1,3 % от их общероссийского количества[9]. Из южнороссийских регионов (ЮФО и СКФО) больше иностранных студентов в Ростовской и Астраханской областях, Краснодарском крае, почти столько же — в республиках Крым и Дагестан, меньше — в Волгоградской области и в Республике Адыгея, значительно меньше — в остальных северокавказских республиках — Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии.

Структура иностранных студентов в Ставропольском крае.

В конце 1980-х годов в основных образовательных центрах Ставропольского края — Ставрополе и Пятигорске контингент иностранных студентов был довольно многочисленным. Например, в Ставропольском государственном педагогическом институте (СГПИ)[10] работало афганское отделение, а в медицинском — заметны были выходцы из Индии и стран Африки.

В 1990-х — 2000-х годах в том же СГПИ, который в 1996 г. был преобразован в Ставропольский государственный университет (СГУ), эта категория студентов была представлена единичными выходцами из стран Южного Кавказа, Украины и Средней Азии. Вряд ли их образовательная траектория тогда была четко спланирована. Россию в целом и Ставрополь в частности для своего профессионального обучения они выбирали в стрессовых ус-

ловиях, возникших в результате социально-экономических и политических кризисов в странах их проживания — бывших союзных республиках. Этих студентов называли иностранными только по формальному признаку. Выделение большинства неформальных условий — знание русского языка, социокультурная и историческая связь с принимающим сообществом — в первое постсоветское десятилетие было лишним. Да и по этнической принадлежности эти молодые мигранты были либо русскими, либо представителями тех народов, которые широко расселялись по территории России — армян, азербайджанцев, украинцев, казахов и т. д.

Создание в Ставрополе федерального университета — крупнейшего в Северо-Кавказском федеральном округе высшего учебного заведения — обусловило быстрый рост иностранного контингента в целом в Ставропольском крае. С 2012 по 2016 г. его численность в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) выросла в 8 раз — со 186 до 1465 чел. При этом если в 2012 году доля студентов из стран дальнего зарубежья составляла 15 % от общего количества иностранных студентов, то в 2016 г. — уже 35 %. С каждым годом растет численность стран, для которых СКФУ ведет подготовку кадров: в 2016 г. в университете обучались

8 Академическая мобильность иностранных студентов в России. Выпуск серии «Факты образования». — М.: НИУ ВШЭ, 2016. [Электронный ресурс] — URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf.

9 Там же.

10 Ставропольский государственный педагогический институт в 1996 г. был преобразован в Ставропольский государственный университет, который в 2012 г. вошел в состав Северо-Кавказского федерального университета.

иностранные граждане из 56 стран (в 2012 г. — 27, в 2013 г. — 34, в 2014 г. — 47, в 2015 г. — 53, в 2016 г. — 56). Значительная часть студентов — уроженцы стран Центральной Азии (44 %), Западной Азии (22 %) и Африки (22 %). Около 11 % обучающихся — граждане стран Европы. Наибольшее число обучающихся иностранных граждан являются уроженцами 10 стран ближнего и дальнего зарубежья, таких как Таджикистан (220 человек, или 18 %), Узбекистан (219 человек, или 18 %), Ангола (155 человек, или 13 %), Туркменистан, Республика Азербайджан, Украина и Ирак, на их долю приходится 83 % от общей численности иностранных студентов[11].

Структура контингента иностранных студентов, сложившаяся в Северо-Кавказском федеральном университете, во многом характерна и для всего Ставропольского края. На первом месте по численности — образовательные мигранты из стран бывшего СССР (68 %, Узбекистан, Азербайджан, Таджикистан, Украина, Туркменистан), на втором — из азиатских государств (15 %, в основном, представители Индии), на третьем — из стран Северной Африки и Ближнего Востока (9 %, Марокко, Ирак, Тунис), на четвертом — из стран Африки южнее Сахары (5 %, Ангола, ЮАР).

При изучении особенностей и проблем иностранных студентов в Ставропольском крае крайне важно понимать, что, приезжая в Ставрополь и Пятигорск, они попадают в одну из самых полиэтничных сред в нашей стране, делая ее еще более многонациональной. В качестве доказательства этого утверждения укажем, что доля славянских этносов в населении Санкт-Петербурга составляет 94 %, Томска — 93 %, Новосибирска — 94 %, Воронежа — 98 %, Иркутска — 93 %, Ростова-на-Дону — 92 %, Волгограда — 93 %. Выбор этих центров неслучаен: они отличаются наибольшим количеством иностранных студентов. Москва в данном случае исключение, ситуацию с иностранными студентами, характерную для нее, просто некорректно сравнивать с другими городами.

В Ставрополе же удельный вес славян составляет 88 %, на втором месте — армяне, далее — греки, карачаевцы, даргинцы, азербайджанцы, татары, лезгины, чеченцы, черкесы[12]. Таким образом, жители Ставрополя более привычны к полиэтничному составу населения. А студенты из-за рубежа, особенно из стран Южного Кавказа, Средней Азии и даже Ближнего Востока, их не удивляют, по крайней мере, своим внешним видом.

Основные проблемы адаптации иностранных студентов в Ставропольском крае.

Несмотря на некоторые преимущества адаптации образовательных мигрантов в Ставропольском крае по сравнению с другими регионами России, для успешности этого процесса все же есть серьезные препятствия. Они, кстати, в целом неоригинальны и характерны для большинства российских вузов, особенно провинциальных.

Основное препятствие — языковой барьер. Большинство приехавших в Россию не владеют русским языком или владеют им крайне плохо. Многие на родине в школах и в вузах ориентировались на изучение английского или французского языков. Конечно, эта проблема более характерна для представителей дальнего зарубежья. Для некоторых студентов из стран постсоветского пространства русский язык является практически родным, поэтому уровень их начальной подготовки был не хуже, чем у россиян. Студенты из арабских стран на родине практически не имели возможности изучать русский язык, поэтому никто из них перед переездом в Россию с ним не был знаком.

По мере обучения в российском вузе ситуация улучшается — существенно сокращается доля лиц, не владеющих русским языком, увеличивается удельный вес свободно на нем говорящих. Большинство иностранных студентов освоили русский язык хотя бы на бытовом (разговорном) уровне. Но возможность полноценного обучения на русском языке затруднена, так как научный лек-

11 Деятельность Северо-Кавказского федерального университета в 2012–2016 годах. Отчет ректора. [Электронный ресурс] — URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/otchet_rektora_2012–2016.pdf.

12 По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 01.10.2016).

сикон, необходимый для обучения по программам высшего образования, накапливается у студентов медленно. Языковой барьер в значительной степени замыкает круг общения иностранных студентов на представителях своей родины. Можно сказать, что почти у всех представителей дальнего зарубежья коммуникация с русскоговорящей средой не сложилась даже с однокурсниками и преподавателями.

Требуется комплексная система мер (образовательных, социокультурных и т. д.) по совершенствованию языковой подготовки иностранных студентов. В СКФУ уже сложилась развитая система образовательных и воспитательных мероприятий (фестивали, форумы, конкурсы и т. п.), направленных, в том числе, и на языковую адаптацию иностранных студентов через расширение сферы их коммуникации с россиянами. Общение с русскоговорящими сверстниками является достаточно эффективным способом повышения уровня владения языком. Однако, как показали социологические опросы, значительной части иностранных студентов пока не хватает таких контактов.

Важным фактором, смягчающим языковую проблему, может стать знакомство на русском языке с российским искусством и литературой. Данный потенциал недооценивается и практически не используется, да к этому еще не готовы и сами иностранные студенты. Их коммуникативные практики затруднены еще и тем, что в городе и регионе крайне слабо распространено знание иностранных языков, в частности, английского. Практически не владеют им представители властных структур, сервиса и других сфер, к услугам которых приходится обращаться иностранным студентам.

Важной проблемой, с которой столкнулись иностранные студенты при переезде в Россию, оказалась ностальгия. Многие из них (по разным причинам — экономическим, политическим и др.) имеют очень редкую возможность бывать дома с родными: один раз в год — около половины, один раз в два года — около 10 % студентов.

К числу второстепенных проблем, беспокоящих студентов, относятся привыкание к новым климатическим условиям (для 20 %), коррупция (для 5 %), взаимоотношения с полицией (для 5 %), ксенофобия (для 3 %), незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающего сообщества (для 5 %).

Вся целевая аудитория прибыла в Ставрополь из теплых стран Ближнего Востока, Средней Азии и Африки, поэтому для них умеренный климат оказался непривычным и более холодным. В период акклиматизации почти половина арабских и африканских студентов стала чаще болеть. Однако со временем все привыкли к местному климату, но не полюбили его.

Условия для социокультурной интеграции иностранных студентов в региональное сообщество не всегда благоприятны, о чем свидетельствуют жалобы на присутствие настороженного и даже агрессивного отношения к ним со стороны жителей города, полиции, однокурсников и других молодых людей. Важной проблемой для иностранных студентов, особенно из арабских стран, стало недоверие со стороны таможни. Причем студенты отмечают, что в аэропортах более крупных городов России их не проверяют столь тщательно, так как там уже привыкли к иностранцам, в отличие от провинциального Ставрополя.

Неоднозначно поведение сотрудников полиции, которые настроены не всегда позитивно. Но справедливости ради нужно отметить, что, по свидетельствам опрошенных, полиция города Ставрополя гораздо реже проверяет у них документы, чем в других городах России, где им приходилось бывать. Возможно, это связано с уже отмеченной нами более высокой полиэтничностью ставропольского населения, на фоне которого студенты из Средней Азии и даже с Ближнего Востока чисто внешне воспринимаются полицией, да и местными жителями, как выходцы из северокавказских республик.

Можно сказать, что в Ставрополе сформировался положительный опыт межкультурного диалога. В Екатеринбурге, например, студенты Уральского федерального университета указывают на довольно частые конфликтные ситуации, возникающие при общении с незнакомыми людьми на улицах города (35 %), продавцами в магазинах, кондукторами в транспорте (28 %). Основная при-

чина этого, по мнению иностранцев, обучающихся там, заключается в том, что в них сразу видят представителей нетрадиционных для России этнических групп. Каждый третий респондент из УрФУ указал на словесные оскорбления, а 7 % — даже на физические формы насилия[13].

Многие респонденты из Средней Азии отмечают более доброжелательное к ним отношение ставропольцев по сравнению с москвичами. Отношением местного населения к себе иностранные студенты в целом довольны, хотя приводились и негативные примеры. Иногда на них обращают внимание, так как они часто разговаривают на арабском языке.

В целом, большинство респондентов не жалуются на бытовые условия. Свой досуг студенты организуют по интересам: участвуют в университетских мероприятиях, некоторые посещают школу вожатых, увлекаются танцами, являются членами ассоциации иностранных студентов, занимаются спортом. При этом выходцы из Средней Азии более интегрированы в эти процессы, нежели арабские или африканские студенты. Осложняет ситуацию проблема регистрации: чтобы выехать за пределы города, им требуется получить специальное разрешение. Однако главная причина низкой вовлеченности иностранных студентов в общественную жизнь — это все-таки языковой барьер. В то же время потенциал общения с окружающими у них высокий, многие хотели бы посещать экскурсии по Ставропольскому краю и Северному Кавказу, узнать больше о российской культуре, традициях, истории и географии.

Большинство иностранных студентов СКФУ из дальнего зарубежья и представителей титульных народов постсоветских стран пока не планируют оставаться в России. Самые активные из них хотят уехать учиться или жить в Европу и США, а остальные — вернуться на родину. Среди последних в основном студенты из Туркменистана и арабских стран.

Во многом с планами на будущее коррелирует уровень знания русского языка. В том случае, если студент после окончания обучения в России планирует вернуться на родину, его русский язык значительно хуже, чем у тех обучающихся, которые собираются остаться в России или переехать в западные страны. Студенты из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана характеризуются более уверенным владением русского языка. В свою очередь,

их туркменские однокурскники, которые нацелены на возвращение домой, его знают хуже. Схожая картина отмечается и с арабскими учащимися. Те немногие, кто планирует связать свою жизнь с Россией, русский язык знают лучше.

Большинство студентов из арабских стран планируют возвращаться в родную страну. Причина этому — сложный процесс языковой интеграции в России, а также наличие дома семей и работы. Некоторые участники беседы из стран, где в настоящее время происходят военные конфликты (Сирия, Ирак, Йемен), рассматривают возможность, при благоприятных обстоятельствах, остаться в России. В отличие от студентов из Средней Азии, не выявлено желающих ехать на учебу или жительство в Европу и США.

Выводы.

Количество иностранных студентов в российских вузах ежегодно увеличивается, но при этом среди них увеличивается и доля выходцев из стран бывшего СССР, что свидетельствует о пока еще слабой привлекательности нашего высшего образования для жителей европейских и большинства азиатских стран. И в России в целом, и в Ставропольском крае подавляющее большинство образовательных мигрантов приехало из стран бывшего СССР, при этом наибольшее их количество в стране — это уроженцы Казахстана, а на Ставрополье — из Узбекистана. Среди представителей дальнего зарубежья в России больше всего обучающихся из Китая, Индии, Вьетнама, Монголии и Малайзии, а в крае — из Индии, Марокко, Анголы и Ирака. Разница в географии прибываю-

13 Меренков А.В., Антонова Н.Л., Дорожинская Е.С. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов в Уральском федеральном университете // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 121. №4. С. 185–192.

щих есть, и довольно существенная: Ставропольский край более привлекателен для студентов из арабских стран, ну и традиционно — из Индии (еще в советское время ими был очень востребован Ставропольский медицинский институт).

Исследование позволило выявить ключевые проблемы адаптации и отчасти интеграции иностранных студентов в Ставропольском крае, которые в целом не оригинальны. Главная проблема — слабое знание русского языка. В целом следует отметить, что языковая интеграция студентов из стран дальнего зарубежья, например, в Северо-Кавказском федеральном университете, проходит довольно сложно. Отсутствие полноценной коммуникации мешает нормальному развитию образовательного процесса, ухудшает социально-психологическое самочувствие молодых людей, провоцируя замкнутость и разобщенность, усиливая ностальгические настроения.

К числу факторов, снижающих уровень комфортности среды пребывания иностранных студентов, относятся: незнание культуры, обычаев, норм поведения принимающей стороны, коррупция, подозрительность полиции. Но все перечисленные проблемы по сравнению с языковым барьером для иностранных студентов являются второстепенными. Успешно адаптируются и уж тем более интегрируются только те студенты, которые смогли преодолеть языковые сложности. В основном с этим связаны миграционные намерения у успешно адаптировавшихся студентов уехать в Европу или остаться в России, а у иностранцев с плохой степенью языковой интеграции — вернуться на родину.

В принимающем сообществе сформировалось в целом доброжелательное отношение к иностранным студентам, хотя отмечаются проблемы на таможне и реже с полицией. Но, несмотря на традиции поликультурного взаимодействия, сложившиеся в Ставропольском регионе, население все же не вполне готово к приему еще большего количества иностранных студентов. Необходима система мероприятий социокультурного плана, демонстрирующая преимущества привлечения в страну и регион иностранной молодежи, прибывшей получать российское образование.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СТАВРОПОЛЕ*

СОЛОВЬЕВ И.А.

Важной категорией иностранных мигрантов в Ставрополе выступают образовательные мигранты — студенты. В двух крупнейших университетах города — Северо-Кавказском федеральном университете и в Ставропольском государственном медицинском университете обучаются 2,6 тыс. иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья [СКФУ развивает работу с иностранными студентами. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://www.ncfu.ru/zhizn/9744-skfu-razvivaet-rabotu-s-inostrannymi-studentami.html; История факультета иностранных студентов Ставропольского государственного медицинского университета. (2017). Информация получена 08.08.2017 с http://stgmu.ru/ ?s= academy&k= clinics&id=3&page=208.]. Имеются иностранные студенты и в других высших учебных заведениях.

Информационной основой работы послужили данные качественного социологического исследования, проведенного в 2017 г. Было проведено 10 глубинных

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

интервью с иностранными студентами, обучающимися в Северо-Кавказском федеральном университете и проживающими в России в течение 2 лет. Выборка респондентов включала 5 чел. из Узбекистана, 3 чел. из Туркменистана, 1 чел. из Киргизии и 1 чел. из Украины. Среди интервьюированных были русские, узбеки, корейцы, туркмены, киргизы. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что на успешность протекания адаптационно-интеграционных процессов большое влияние оказывает страна выбытия и этническая принадлежность студентов.

Изучение мигрантских биографий частично подтвердило наши предположения. Действительно, посылающие сообщества играют большую роль в последующей адаптации образовательных мигрантов к новым условиям. Если на родине уделялось достаточное внимание изучению русского языка, то языковая интеграция протекает достаточно быстро. Так, наибольшие проблемы, связанные с языковой интеграцией, характерны для туркменских студентов. В то же время киргизские или узбекские студенты значительно лучше владеют русским языком, а у украинских студентов языковых проблем не возникает вообще.

В ряде крупных городов Узбекистана образованию, в том числе на русском языке, уделяется большое внимание. Например, в Ташкенте есть русские группы в детских дошкольных учреждениях и в общеобразовательных школах, причем их посещают не только русские, но и представители титульных народов. В сельской местности ситуация с использованием и обучением русскому языку гораздо хуже. Хуже всех владеют русским языком студенты из Туркменистана, особенно из сельской местности. Например, студенты, приехавшие из сел Марыйского велаята, практически вообще не говорят на русском, как, впрочем, и на других языках, кроме туркменского. Сказывается достаточно длительная постсоветская изоляция туркменского сообщества, вследствие чего наступила элиминация русскоязычной среды и деградация потребностей в изучении других языков. Одновременно социально-экономическая ситуация в стране постепенно меняется, усиливаются миграционные настроения населения в связи с низким уровнем жизни, активная молодежь устремляется в другие страны.

Главной причиной выбора России в качестве места образовательной миграции выступают шансы на восходящую социаль-

ную мобильность. Здесь молодые люди имеют возможность получить бесплатное (за счет бюджета РФ) и качественное высшее образование. По словам респондентов, на их родине очень сложно поступить на бюджетное место в высшее учебное заведение в связи с высокими конкурсами, коррупцией, демографическим взрывом. Россия поддерживает распространение русского языка на постсоветском пространстве и использует это сотрудничество как мягкую силу в интеграционных процессах.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Некоторая часть образовательных мигрантов, прежде всего из Туркменистана, сельской местности других среднеазиатских республик, не готовы к получению высшего образования на русском языке. Даже освоение разговорного языка не позволяет успешно осваивать программы высшего образования. Помимо учебных проблем, у таких студентов мало русских и русскоязычных друзей в России. Для них характерны культурная и коммуникационная изолированность. В целом студенты этой группы имеют худшие показатели адаптации и интеграции в России, а их миграционные намерения связаны с возвращением на родину.

Напротив, студенты, владеющие языковой компетенцией (к их числу относятся соотечественники и представители титульных народов из больших городов Узбекистана и Киргизии), практически не испытывают никаких проблем в России. У них много русскоязычных друзей, они успешно обучаются, активно вовлечены в общественную жизнь университета. Многие из них связывают свое будущее с Россией. Однозначно намерены остаться в России соотечественники-студенты, а некоторые из них уже решили проблему натурализации путем получения российского гражданства по упрощенной схеме, став участниками программы добровольного привлечения соотечественников в Россию.

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ: АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ — ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

БЕЛОЗЕРОВ В.С., ЗОЛЬНИКОВА Ю.Ф., ЧЕРКАСОВ А.А.

Армянская диаспора — одна из многочисленных и старейших по времени формирования на территории России. Формировалась она в России в результате миграционных процессов армян из Закавказья в связи с военными событиями разных периодов, а также под влиянием социально-экономических, политических факторов.

Сведения об армянах на территории России имеются в X–XI вв. В значительной степени успешной адаптации армянского населения способствовала политика правительства России, согласно которой армянам-мигрантам выделялись земли в отдельных районах страны. Активной интеграции армян способствовало создание в районах компактного

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

расселения этноса объектов национальной культуры — церквей, национальных школ и училищ, типографий.

В начале XV века по указанию Ивана Грозного армяне были поселены в Москве в Белом городе и пользовались налоговыми льготами. В 1781 г. армянам было разрешено построить в Столповом переулке свою церковь, в Академии наук разрабатывалась программа первой армянской школы на территории России[1]. В XVIII веке армянские церкви строятся в Петербурге.

В 1717 г. в Астрахани была образована епархия армянской церкви, объединившая все армянское население России. Город стал крупным центром культуры российских армян, здесь открылось несколько армянских училищ, а в 1795 г. — армянская типография[2].

В 1838–1839 гг. под прикрытием сооруженной на берегу Кубани русской крепости Прочный Окоп группой закубанских армян (черкесо-гаи), обратившихся к генерал-лейтенанту за разрешением о переселении их в пределы России, было образовано армянское поселение Армянский аул, в котором поселилось 20 семей. Вновь образованное селение составляло четыре квартала, названия которых соответствовали местам прежнего расселения армян, живших среди различных адыгских племен[3]. К 1920 г. армянское население Кубани и Черноморья составляло соответственно 45,3 и 13,0 тыс. человек, из них 65,1 и 48,8 % жили в городах, где занимались главным образом торговлей и ремеслами. Наиболее крупные центры расселения армян были в районах Майкопа и Екатеринодара (16,7 тыс.), а также Сочи и Туапсе (8,5 тыс. человек).

1 Базиянц А.П. Правда интереснее легенд. — М.: Наука, 1975.

2 Авксентье А.В. Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья. — Ставрополь, 1997.

3 Ованесов Б. Черкесские армяне. — 1995.

С 1926 по 1953 год в составе Майкопского округа Северо-Кавказского края существовал национальный Армянский район с центром в станице Елисаветпольской, переименованной в 1938 г. в село Шаумян. В 1920-х гг. было открыто много армянских школ, однако в дальнейшем их число заметно сократилось, а армянский язык стал преподаваться как предмет в школах с русским языком обучения.

На территории современной Ростовской области компактное армянское население появилось в 1779 г., когда по указу Екатерины II было организовано переселение туда армян (12,6 тыс. человек) из Крымского ханства. Цель такой акции — ослабление ханства, а также заселение южно-российских степей людьми, имеющими большой опыт в земледелии, торговле и ремесле. В низовьях Дона армянам было отведено 86 тыс. десятин земли и разрешено основать один город и пять селений. Переселенцам предоставлялись определенные льготы. Город получил название Нор Нахичевань (позднее Нахичевань-на-Дону), в его окрестностях были основаны селения Крым, Чалтырь, Несветай, Большие Салы, Султан Салы. Колония обладала внутренней автономией, имела свой герб, печать; языком делопроизводства был армянский.

В г. Нахичевань-на-Дону быстро развивались промышленность и торговля, росло число школ, было открыто уездное училище. В 1790 г. открылась первая на юге России типография. Таким образом, уже вскоре после основания Нахичевань-на-Дону стала одним из важных культурных и экономических центров на юге России. Позднее с экономическим ростом Ростова-на-Дону в город переселились наиболее влиятельные армянские промышленники и купцы. Постепенно Ростов и Нахичевань, образовав крупный промышленный и культурный центр, слились, а в декабре 1928 г. Нахичевань-на-Дону была присоединена к Ростову-на-Дону, а затем переименована в его Пролетарский район. С тех пор историческое название города исчезло[4].

Основанные в окрестностях Нахичевани-на-Дону армянские села в 1926 г. были выделены в отдельный Армянский национальный район, получивший в 1928 г. название Мясниковский с центром в с. Крым, а позднее в с. Чалтырь. В 1962 г. Мясниковский район был включен в состав Неклиновского района. В 1965 г. Мясниковский район вновь стал самостоятельной территориальной

единицей, но потерял статус национального района с компактным проживанием армянского населения.

На территории Ставропольской губернии согласно «высочайшей грамоте» от 28 октября 1799 г. армянским переселенцам было предоставлено по 30 десятин удобной земли на каждого поселенца без уплаты всяких податей в казну. Тем же, кто имел склонности к ремеслам и торговле, было «дозволено основать город на месте, где были старые Маджары, с наименованием оного Святой Крест». Армянские поселенцы начали строительство нового города на реке Куме в 1799 г., используя для этого кирпич и камень из маджарских развалин. В честь опустошенного персидскими захватчиками Карабаха армяне называли этот город Карабаглы. Так было положено начало нынешнему городу Буденновску. Его жители по преимуществу занимались сельским хозяйством и причислялись к сельскому, а не к городскому населению, и город считался «заштатным» [Очерки истории.., 1986]. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., в городе Святой Крест проживало 6583 человека, и 55 % были армяне.

Старым армянским селом на Ставрополье является и Эдессея (сейчас Курского района). Проживали в ней армяне, переселившиеся из Персии в конце XVIII в. Эдессейцы были григорианского вероисповедания, имели каменную церковь. Кроме земледелия и скотоводства, эдессейцы занимались шелководством[5].

В Пятигорске впервые армяне поселились в начале XIX века. Поселившиеся в Пятигорске армяне активно включались в жизнь города. Армянская община Пятигорска проводила большую благо-

4 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне: энокультурная характеристика // Советская этнография, 1991. — №3.

5 Крюков. Путевые заметки // Ставропольские губернские ведомости. — 1852. — №39.

творительную деятельность. Существовала в городе и армянская общеобразовательная школа.

В XIX веке в восточной части города Ставрополя появились нарядные особняки, окруженные садами, большое число магазинов и лавок, ремесленных мастерских и т. д. Армянская улица (ныне улица Шаумяна) сохраняла свое название до 1938 г. Ставрополь стал значительным центром хозяйственной, преимущественно торговой, деятельности. В то же время Ставрополь был и важным центром культуры на Северном Кавказе. Здесь был сооружен один из первых на Северном Кавказе храм армяно-григорианской (армянской апостольской) церкви. Влияние духовенства этого храма выходило за границы Ставрополья, оно взяло шефство над жителями Армавира. Еще в 1851 г. в Ставрополе было открыто армянское училище на 30 детей. Содержалось оно на средства армянской общины[6].

Таким образом, к началу XX века на территории РФ сформировались так называемые районы традиционного расселения армян.

В России на протяжении XX в. численность армянского населения постоянно росла. Вначале прирост армян был незначителен, в основном армянское население увеличивалось за счет естественного прироста. По переписи населения 1926 г. численность армян в России составляла 195 тыс. человек. К 1959 г. численность армянского населения увеличилась до 256 тыс. человек. В это время основная их часть проживала в Москве, Санкт-Петербурге, на Северном Кавказе и в Поволжье, так как здесь еще во время заселения складывались центры армянской культуры, создавались армянские общества, строились церкви, открывались школы. Эти районы и притягивали мигрантов.

Во второй половине XX в. темпы роста отдельных народов России сильно отличались от средних темпов роста населения в стране. Высокие темпы роста наблюдались у народов, активно мигрировавших в РФ из других республик бывшего СССР. К этим народам относятся и армяне, численность которых в 1959 г. составляла 256 тыс. человек, а к 1989 г. возросла до 532 тыс. человек, то есть за 1959–1989 гг. численность армян в России увеличилась в 2,1 раза (Новая Россия, 1994). В этот период происходит расширение ареала расселения армян по территории России: по-

мимо районов заселения, армянское население продвигается на Север, расселяется на Урале, в Сибири, вплоть до Дальнего Востока. Но, несмотря на расширение ареала расселения, основными центрами проживания армян продолжают оставаться исторические районы заселения. Так, в 1989 г. общая численность армян в России составляла 532 тыс. человек, из них 235,6 тыс. проживало на Северном Кавказе; 61,5 тыс. — в Центральном районе, причем в Москве около 44 тыс. человек. Значительная численность армян проживала в Северо-Западном районе, в основном в г. Санкт-Петербург (12,1 тыс. человек); Поволжье, в частности Астраханской области (2,8 тыс. человек).

Основным регионом расселения армянского населения в России являлся Северный Кавказ, на долю которого приходилось от 72,3 % в 1959 г. до 73,5 % в 1979 г. и до 68,7 % в 1989 г. армянского населения страны. Здесь сформировалась самая крупная армянская диаспора в России. Из 235,6 тыс. армян (1989 г.) Северного Кавказа в Краснодарском крае проживало 71,2 тыс. человек; в Ставропольском крае — 70,2 тыс. человек; в Ростовской области 62,6 тыс., причем 32,4 тыс. человек приходилось на Мясниковский район, около 30 тыс. — на г. Ростов-на-Дону.

Большинство армян, прибывших в Россию в конце XX в., расселялись в городах. Населяющие Россию армяне в своем большинстве считали родным язык своей национальности, меньшая их часть указывала в качестве родного языка русский язык. Это так называемое русскоязычное население, которое в культурном

6 Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. — Ставрополь, 1994.

отношении мало отличалось от русских[7]. Так, среди армян Санкт-Петербурга 53 % считали родным армянский язык, 47 % — русский язык (1989 г.), практически все свободно владели русским языком. Из 2,8 тыс. армян Астраханской области считали родным армянский язык 1,8 тыс., русский — 1,0 тыс. человек.

Среди москвичей-армян 43 % знали язык и считали его родным, 6 % не знали или слабо знали, но называют его родным, а 13 %, напротив, знали язык хорошо, некоторые даже думали на языке, но родным его не считали. Остальные 38 % языка не знали или почти не знали и родным его не считали. Армяне-москвичи, прибывшие из Армении, в подавляющем большинстве хорошо или даже совершенно свободно владели армянским языком (82 %), считали его родным 75 %; среди армян, прибывших из Грузии и Азербайджана, владели своим языком 63 %, считали его родным 50 %; из других республик соответственно 42 % и 24 %. Среди армян — уроженцев Москвы — только 28 % владели и 19 % считали родным.

По данным Ю. В. Арутюняна, дисперсная группа армян Москвы формировалась таким образом: около четверти армян-москвичей — уроженцы столицы, остальные мигранты. Среди мигрантов выходцев из Армении 44 %. Основная же часть мигрантов прибыла из других республик, откуда они выезжали в 1,5–2 раза активнее, чем из Армении. Мигрировали армяне в Москву для приобретения образования, профессии, формирования семьи, чаще в молодом возрасте — до 30 лет (около 76 %)[8].

Из живущих в Ростове-на-Дону армян 53,3 % считали язык своей национальности родным (1989 г.). Среди 9,5 тыс. армян, проживавших в Пролетарском районе города, то есть в старом городе Нахичевань, за период 1979–1989 гг. доля лиц с родным армянским языком возросла на 7,0 % и достигла 60,4 %, а у 17,8 тыс. сельских армян сохранилась высокая степень устойчивости родного армянского языка (97,4 %).

Несмотря на то, что большинство армян России считали родным армянский язык, большая часть армянского населения РФ пользовалась на работе, в учебных заведениях, дома русским языком (табл. 1).

Армяне, мигрировавшие в Ставропольский край в конце XX века, быстро интегрировались с местным населением, но сохраняли свою культуру и традиции. Часть прибывших на Ставрополье

армян не обращалась в миграционную службу, не имела постоянного места жительства, плохо владела русским языком.

В целом в XX веке армяне интегрировались в культурно-хозяйственную жизнь РФ, особенно в регионах Северного Кавка-

Таблица 1. АРМЯНЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВЛАДЕНИЮ ЯЗЫКОМ (ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1994 Г.)*

Из 1000 человек данной национальности пользуются:

Дома		**В учебных заведениях**		**На работе**	
Языком своей национальности	Русским языком	Армянским языком	Русским языком	Армянским языком	Русским языком
348	651	5	994	25	974

* Микроперепись населения РФ за 1994. — М., 1996.

за, работали в различных сферах производства. Армянская диаспора внесла свой вклад в развитие науки и образования в стране.

7 Новая Россия. Информационно-аналитический альманах. — М., 1994.

8 Арутюнян, 1991.

Таким образом, положительный исторический опыт формирования армянской диаспоры в России на протяжении длительного периода в значительной степени повлиял на переселение армян из стран Южного Кавказа в 1990-х годах, способствовал успешной адаптации и интеграции мигрантов.

Мониторинг миграции и расселения армян в России в постсоветский период

Общероссийской тенденцией миграционных процессов в постсоветский период является смена миграционного тренда с восточного на западный и репатриационный характер миграционных потоков вплоть до 2006 года. При этом доминирование русских сочеталось с высокой долей в миграционном приросте отдельных титульных народов стран ближнего зарубежья, в частности, украинцев (9,8 %), они занимали 2 место, армян — 3 место (7,5 %) в структуре миграционного прироста России. В целом, миграционный прирост армянского этноса в России только за 1994–2007 годы составил 370 тыс. чел., или 7,5 % миграционного прироста России.

Анализ территориальных особенностей миграционного прироста общего миграционного потока, межрегионального и международного показал, что в целом регионы с положительным сальдо миграции армянского этноса расположены не только в районах традиционного расселения, но и в Поволжье, Западной Сибири и др. В ходе межрегионального миграционного обмена большинство регионов (Сибирь, Дальний Восток, Север) теряют армянское население, и только в регионах традиционного расселения отмечается положительное сальдо миграции. В ходе же международного обмена в большинстве регионов России, в том числе и Сибири, Дальнего Востока, отмечается положительный миграционный прирост армянского этноса. Такая же тенденция характерна и для других этносов — в частности, русских. И только благодаря именно международной миграции из стран ближнего зарубежья частично компенсируется мощный миграционный отток русских из восточных и северных регионов страны.

Как отмечалось выше, в постсоветский период наблюдается высокий миграционный прирост армянского этноса в России. При этом наиболее интенсивный миграционный прирост отмечался с 1989 по 2002 год по известным причинам, когда численность ар-

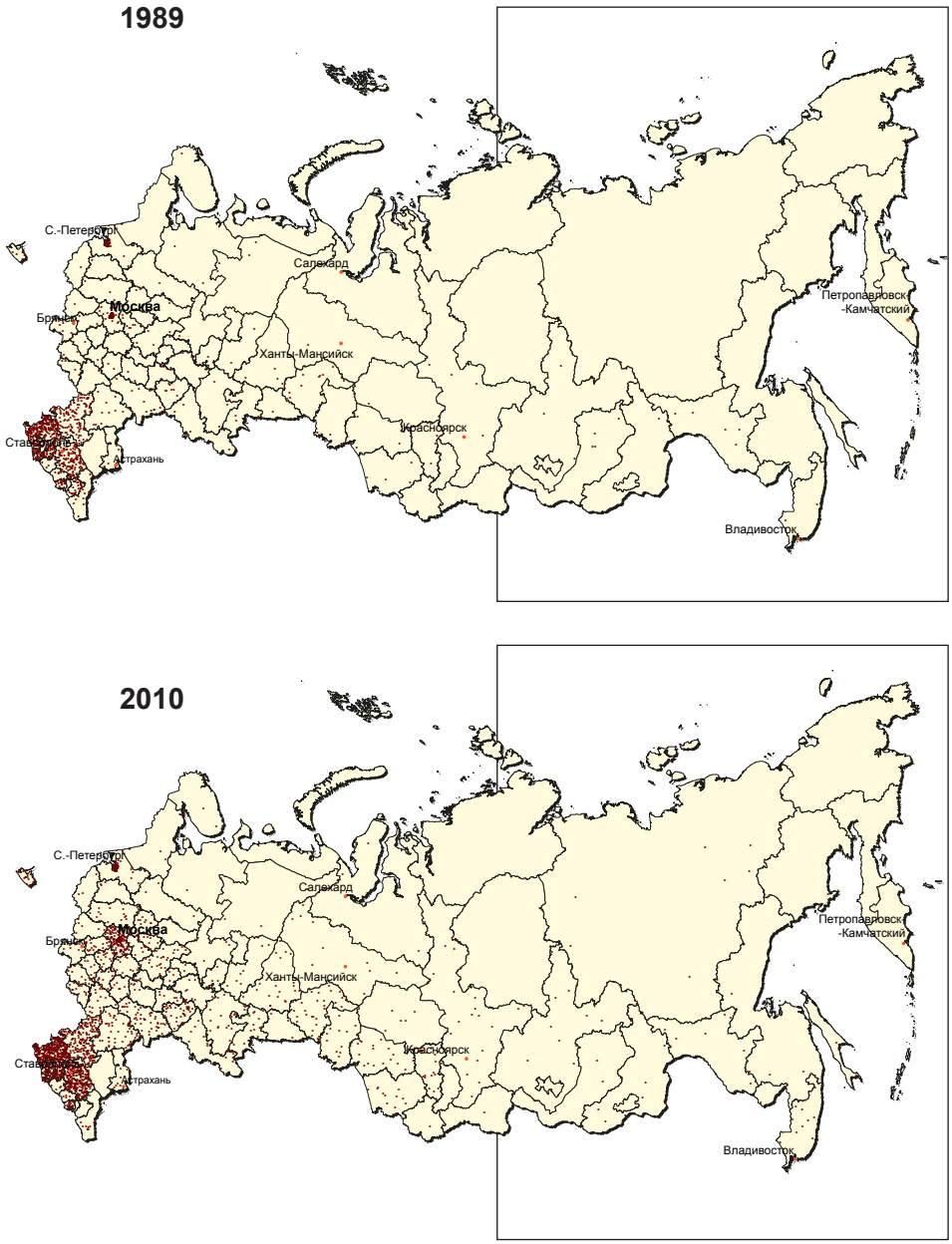


Рис. 2. Расселение армян в России, 1989, 2010 год.

мян в целом выросла почти в 2,1 раза и составила 1 млн 130 тыс. чел. Это период активного изменения и географии их расселения. Ареал расселения их значительно расширился как за счет регионов европейской части страны, так и восточных регионов (рис. 2).

Моделирование расселения этносов с помощью центрографического метода выявило изменение центра тяжести расселения армян — с территории Ростовской области, где он находился с 1970 года, на территорию Волгоградской области (2010) (рис. 3).

Основным регионом расселения армянского населения в России является Северный Кавказ, на долю которого приходилось от 72,3 % в 1959 году до 73,5 % в 1979 году и до 68,7 % в 1989 году армянского населения страны. Здесь сформировалась самая крупная армянская диаспора в России.

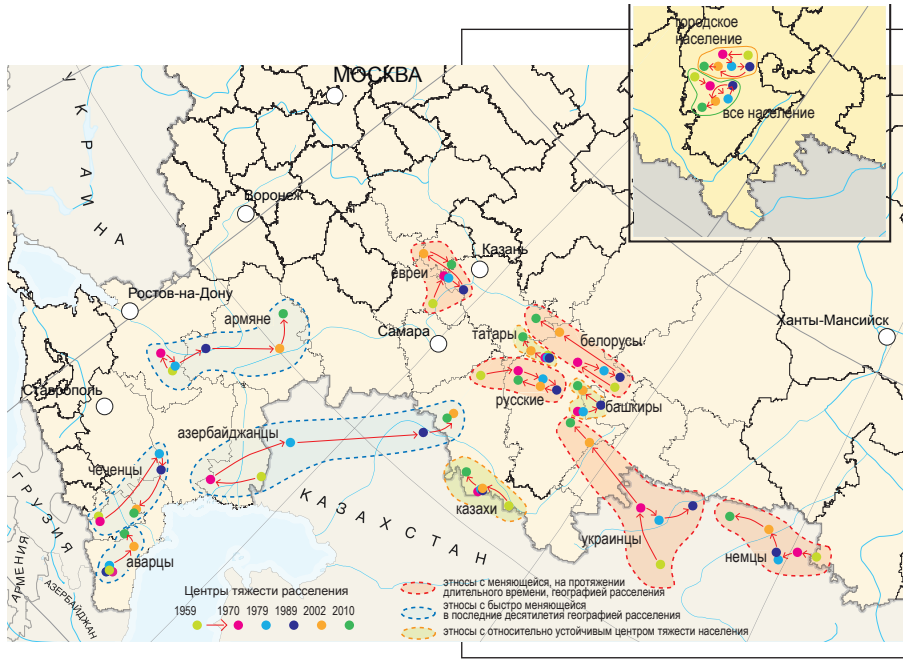
На протяжении постсоветского периода темпы прироста численности армянского населения на Северном Кавказе оказались ниже общероссийских, при этом в регионах равнинной части Северного Кавказа снизились по сравнению с прошлыми периодами, а в горной части даже отмечается сокращение численности населения этноса (табл. 1).

Весь прирост численности армянского населения в равнинной части Северного Кавказа приходится на Краснодарский и Ставропольский край. При этом в Ставропольском крае темпы прироста численности армянского населения с 1989 по 2010 год были выше, чем в Краснодарском крае. На Ставрополье численность армян на Ставрополье выросла в 2,3 раза и составила более 160 тыс. чел. против 70,0 тыс. чел. в 1989 году. В Краснодарском крае за этот период численность армянского населения выросла в 1,6 раза и составила 281,7 тыс. чел. против 171,7 тыс. чел. в 1989 году. В регионах равнинной части Северного Кавказа проживает 553,7 тысяч армян, или 92,6 % от их общей численности в районе.

В республиканской части Северного Кавказа в период с 1959 по 1989 год численность армян выросла в 3 раза и составила 51,1 тыс. чел. Наиболее многочисленной армянская диаспора была в Чечено-Ингушетии — 14,8 тыс. чел., Северной Осетии — 13,6 тыс. чел., Адыгее — 10,5 тыс. чел. В постсоветский период в целом в республиках Северного Кавказа наблюдается тенденция сокращения численности армян, особенно в Чечне, Ингушетии. Вместе с тем, много-

людная диаспора сохранилась в Северной Осетии – Алании (16,2 тыс. чел.) и продолжает расти в Адыгее (15,6 тыс. чел.) (табл. 1).

Мониторинг миграции и расселения армянского этноса



на Северном Кавказе на локальном уровне рассмотрим на примере Ставропольского края. Выбор Ставрополья в качестве региона-ключа неслучаен. Ставропольский край относится к реги-

Рис. 3. Центр тяжести расселения этносов в России, 1959–2010 год.

онам давнего расселения армян (в 1799 году согласно царской грамоте армянам дозволялось селиться на Ставрополье на месте современного города Буденновска); здесь проживает 14 % армян России; в постсоветский период в крае отмечаются высокие темпы прироста численности армян — в 2,3 раза; на долю региона приходилось до 12,5 % миграционного прироста армян в России в постсоветский период; регион отличается высоким удельным весом армян в структуре миграционного прироста края — от 11 до 50 % (при среднем по стране — 7,5 %). Армяне являются вторым по численности этносом и составляют 6 % населения края.

К 1989 году численность армян, проживающих в этих регионах, увеличилась. Основной прирост их численности в эти годы был обусловлен оттоком армян из зоны землетрясения в Спитаке, а также обострением межнациональных отношений в Азербайджане. В 1990-е годы при общем увеличении численности армян на Ставрополье в 1,7 раза в районах традиционного расселения их число увеличилось в 1,6 раза, а в новых районах — более чем в 5 раз. Удельный вес районов традиционного расселения по числу проживающих армян снизился, а в новых районах расселения вырос, и во второй половине 1990-х годов проживало почти 2/5 армян против 1/3 в 1989 году, причем среди новых районов расселения наиболее крупным и быстрорастущим ареалом является Ставрополь и его пригороды. Это обусловлено преобладанием в миграционном потоке вынужденных мигрантов, покинувших горячие точки и предпочитающих селиться в более удаленных от Чечни и относительно спокойных городах и районах края.

К середине XX века на территории края сформировались регионы традиционного расселения армян — города Кавказских Минеральных Вод, Буденновск, Курский район. В 1959 году в регионах традиционного расселения проживало 63,6 % армян Ставрополья[9] (табл. 2).

Миграционный прирост армянского этноса в крае обеспечивается за счет международной миграции, но вместе с тем растет межрайонный миграционный поток. Расселившись в 1990-е годы в непривычных для армян районах проживания, мигранты не смогли адаптироваться и переселяются в более южные регионы,

и в частности на Ставрополье. К концу 1990-х годов миграционный потенциал армянского этноса в основных районах их выхода существенно сократился. Так, в Азербайджане армянская диаспора практически прекратила свое существование. Значительно сократилась численность армян в Грузии. В 1997 году в миг-

Таблица 2. ЭВОЛЮЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ АРМЯН НА СТАВРОПОЛЬЕ, 1939–2010 ГГ., %

	1939	1970	1979	1989	1995	1998	2002	2010
1. Районы традиционного расселения	63,6	73,3	75,3	58,5	51,4	50,2	75,8	68,9
в т. ч. КМВ	34,6	49,6	53,9	46,3	40,5	40,2	58,7	61,2
Буденновск	11,3	8,5	8,1	5,5	5,2	4,3	4,5	2,9
Курский район	16,3	14,4	13,3	6,8	5,7	5,7	5,0	4,8
2. Новые районы расселения	12,2	18,6	19,2	32,3	35,6	36,4	22,0	20,4
в т. ч. Ставрополь	5,7	7,6	9,1	14,2	16,4	14,5	14,5	11,2
3. Прочие районы	24,2	8,1	5,1	9,2	13,0	13,4	13,4	10,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

9 Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь: Из-во СГУ, 2008. — С. 99.

рационном потоке из закавказских стран преобладали титульные народы, при этом в обратном миграционном потоке армяне составляют в Грузии 19,0 %, Азербайджане 18 % и Армении 84 %[10]. До 42 % прибывающих в край армян проживало на территории России, еще примерно столько же — в Азербайджане. Около 8–10 % армян прибывает из Армении, причем и этот миграционный поток имеет тенденцию роста[11].

Миграционный поток армян на Ставрополье имел определенные географические особенности. Так, в прямом потоке велика роль межрегиональной миграции (до 42 %), в то время как до 70 % миграционного прироста обеспечивается за счет международной миграции. Это существенно ниже, чем в прямом миграционном потоке армян в Россию в целом, где основная часть приходится на выходцев из Армении — 47,5 % (на втором месте Грузия — 15 % и далее Азербайджан — 11,3 %), а на долю межрегионального миграционного потока приходится около 20 %. В миграционном приросте, составлявшем в 1994 году 63,7 тыс. чел., выходцы из Армении, Грузии и Азербайджана составляли соответственно 36,5, 11,8 и 8,5 тыс. чел. (или 56,5, 18,6 и 13,3 %). В целом же межгосударственная миграция обеспечивала 94,5 % миграционного прироста армян[12].

В постсоветский период на Ставрополье миграционная карта края, особенно в этническом отношении, была очень пестрой. Что касается миграции армян, то в 1995 году положительный миграционный прирост у них отмечается не только в ареалах традиционного расселения (КМВ, Буденновск и др.), но почти во всех городах и районах края, включая и индустриальные центры, малые города, а также сельские периферийные районы, которые прежде не были привлекательными для армянского населения.

В последующие годы, по мере сокращения сальдо миграции у армян, как и в целом в крае, у армянского этноса ареал расселения сокращается, но включает не только ареалы традиционного расселения, но и новые ареалы расселения, прежде всего Ставрополь и его пригороды. В ареалах традиционного расселения в 2000-е годы проживает 68,9 % армянского населения Ставрополья, что значительно ниже, чем в 1970-е годы (более 73,0 %). При этом значительная часть армянского населения — 20–22 % проживает в новых районах расселения.

Таким образом, и на региональном уровне выявляется, что для географии расселения армянского этноса характерно сочета-

Рис. 4. Центр тяжести расселения этносов на Ставрополье.

10 Население России. Ежегодный демографический доклад. — М., 2000.

11 Белозеров В.С. Турун П.П. Армяне на Ставрополье // Вопросы географии и геоэкологии: материалы научной конференции «Университетская наука — региону». — Ставрополь. 1998. — С. 6–14.

12 Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — С. 260–265.

ние концентрации в ареалах традиционного расселения с расширением географии их расселения за счет новых территорий. Об изменении географии расселения армянского этноса в крае свидетельствует и тот факт, что с 1989 по 2002 год значительно увеличилось число районов и городов, в которых армяне являются вторым по численности этносом (в 12 городах из 19 и в 16 районах из 26). В последний межпереписной период число таких территорий сократилось, но незначительно.

Вообще в отличие от 1990-х годов ареал с положительным миграционным приростом в крае у всех народов к 2007 году (последний год учета этнической принадлежности мигрантов) существенно сократился, особенно у русских и армян, но общим является то, что ареал с положительным миграционным приростом приходится на Ставрополь и его пригороды и регион Кавказских Минеральных Вод не только у русских, но и у армян, чеченцев, даргинцев. Таким образом, в крае выделилась территория предпочтительного расселения разных народов — западные и юго-западные территории — Ставропольская и Кавминводская агломерации.

Моделирование расселения этносов в крае с помощью центрографического метода показало, что центр тяжести расселения этносов, в том числе и армянского, за последние годы существенно изменился. Главным трендом является смещение его у русских в северо-западном направлении, в этом же направлении отмечается смещение центров тяжести расселения армян, а также даргинцев, чеченцев (рис. 4).

Геоинформационный мониторинг миграционных процессов и расселения армян на региональном и локальном территориальном уровне выявил особенности территориальной структуры миграционного потока этноса в постсоветский период, что является важным фактором изменения географии расселения его, активного формирования новых регионов компактного расселения.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАНТОФОБИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

СОЛОВЬЕВ И.А.

Важную роль в интеграционных процессах играет отношение принимающих сообществ к новоселам. Краснодарский, Ставропольский края и Ростовская область, принявшие значительную часть стрессовых мигрантов в конце XX века, получили целый клубок различных проблем. Миграции ухудшили межнациональный климат, возросли ксенофобские и мигрантофобские настроения среди местного населения.

В целом, если сравнивать с Центральной Россией, уровень мигрантофобии в регионах Северного Кавказа невысок. Жестко отрицательно к новоселам относятся не более 10% местных жителей[1], причем негатив распространяется на представителей иной этнической принадлежности.

Было высказано предположение, что мигрантофобское пове-

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

1 Авдеев Е.Н., Соловьев И.А., Волосенкова Е.В., Кубанова М.Н. Мигрантофобия и этническая неприязнь в молодежной среде Северного Кавказа // Миграция в зеркале стран СНГ (молодежный ракурс) / под ред. И.Н. Молодиковой. — М., 2006. С. 184–207.

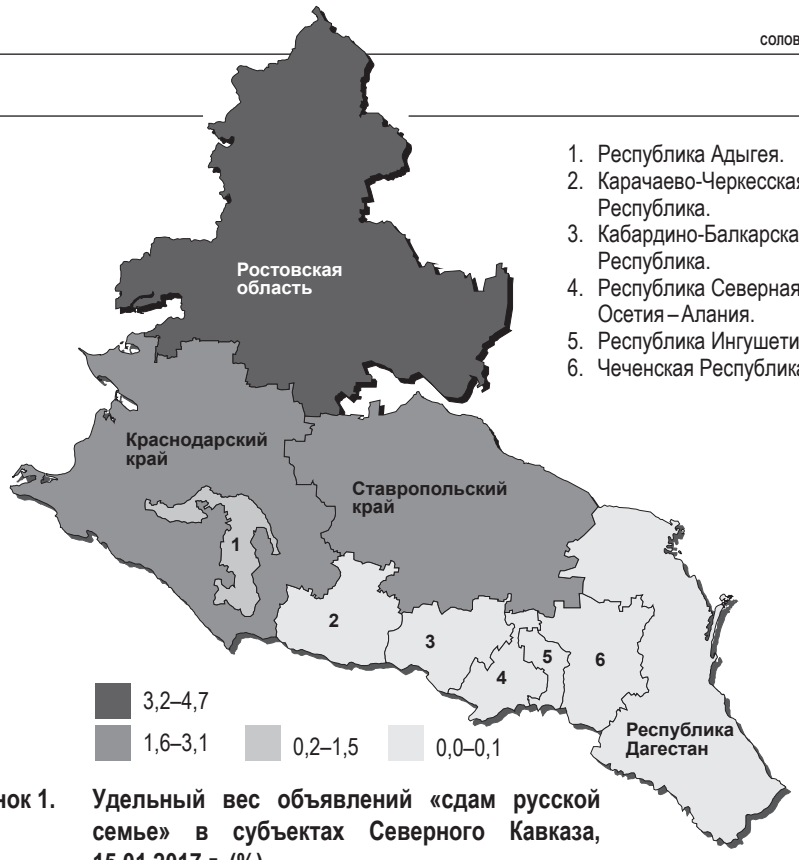


Рисунок 1. Удельный вес объявлений «сдам русской семье» в субъектах Северного Кавказа, 15.01.2017 г. (%)

Таблица 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЯВЛЕНИЙ О СДАЧЕ ЖИЛЬЯ ПО СУБЪЕКТАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, 15.01.2017 Г.

Регионы	Общее число объявлений	Число объявлений этнофобского характера»	% к итогу
Ставропольский край	6854	189	2,7
Краснодарский край	23622	656	2,8
Ростовская область	8480	398	4,7
Адыгея	794	12	1,5
Карачаево-Черкесия	694	0	0
Кабардино-Балкария	931	0	0
Северная Осетия – Алания	1003	1	0,1
Ингушетия	23	0	0
Чеченская республика	678	0	0
Дагестан	2112	2	0,1
Всего по Северному Кавказу	45191	1258	2,8
Всего по России	325897	15315	4,7

дение местного населения дифференцировано в зависимости от района проживания и неодинаково в разных территориях Северного Кавказа и даже в разных поселениях одного региона. Для выявления территориальных особенностей мигрантофобии на Северном Кавказе нами использовалась методика В.И. Мукомеля, основанная на анализе этнической окраски объявлений на рынке аренды жилья[2]. Многие арендующие жилье лица относятся к различным категориям мигрантов (студенты, трудовые мигранты и др.). В свою очередь, объявления размещают владельцы недвижимости, как правило, из числа коренного населения. В них встречаются объявления с указанием этнической принадлежности, например, «сдам русской (славянской) семье». Таким образом, изучая объявления о сдаче жилья на длительный срок, можно выявить уровень мигрантофобии коренного русского населения по отношению к иноэтничным мигрантам.

Для проведения контент-анализа нами был выбран самый популярный в России сайт объявлений «Авито» (https://www.avito.ru). Разовый отбор объявлений по всей России о сдаче квартир, комнат, домов, коттеджей, времянок и таунхаусов произведен 15 января 2017 г. Всего было выявлено около 356 тыс. объявлений, в том числе в субъектах Северного Кавказа — 45 тысяч. С помощью ключевых слов «русской(ая)», «слявянской(ая)» были сформированы поисковые запросы на исследуемом портале. В результате было обнаружено более 15 тысяч объявлений с этнической окраской, что составляет 4,7 % от их общего количества. Исследование показало, что на Северном Кавказе доля таких дискриминирующих мигрантов объявлений значительно ниже (2,8 %), чем в целом по России (табл. 1, рис. 1).

2 Законодательство и практика регулирования прав национальных меньшинств в субъектах России. — http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/index.htm.

Наибольший уровень мигрантофобии проявился в субъектах с преобладанием русского населения. Самый высокий показатель

Таблица 2. ОБЪЯВЛЕНИЯ О СДАЧЕ ЖИЛЬЯ Г. СТАВРОПОЛЯ, 2003 Г.

Источники	Всего объявлений		Сдам русской (славянской) семье	
	человек	%	человек	%
«Из рук в руки»	240	100	17	7,1
«Все для вас»	115	100	30	26,1
Клееные	208	100	60	28.8

(на уровне общероссийского) характерен для Ростовской области (4,7%), на два процентных пункта он меньше в Краснодарском и Ставропольском краях. По нашему мнению, это может быть связано с численностью населения городов — чем больше город, тем выше степень мигрантофобии. То есть неблагоприятная картина в Ростовской области преимущественно складывается за счет города-миллионера — Ростова-на-Дону.

Значительно ниже уровень объявлений с этнической окраской в Адыгее, где русские также являются доминирующим этносом. Практически отсутствует подобная социальная практика в остальных республиках Се-

верного Кавказа. Здесь было выявлено только 3 объявления типа «сдам русской семье» в Северной Осетии – Алании и Дагестане.

Особенности динамики проявления межэтнической нетерпимости к иноэтничным новоселам на рынках аренды жилья рассмотрим на примере Ставрополя, где был проведен контент-анализ сетевых газет «Все для вас» и «Из рук в руки», а также клееных объявлений в 2003 и 2017 гг. Численность обработанных газетных объявлений составила 1385 штук в 2003 г. и 1210 — в 2017 году. Кроме того, в 2003 г. было обработано 259 клееных объявлений. В 2003 г. уровень этнофобии по маркеру «сдам русской семье» колебался от 7 до 29 % (табл. 2). В 2017 г. доля таких объявлений составила всего 4,6 %. То есть уровень мигрантофобии на рынке аренды жилья в регионе значительно сократился по сравнению с началом 2000-х гг.

Внутрирегиональный анализ продемонстрировал неоднородность уровня мигрантофобии. Наибольшие различия были обнаружены между городской и сельской местностями, а также между городами разной величины. В селах и малых городах доля объявлений с этнической окраской значительно ниже, чем в крупных городах. Так, удельный вес объявлений «сдам русской семье» в целом по Ростовской области составляет 4,7 %, тогда как в сельской местности и малых городах только 1,8 %. Такая же картина характерна для Краснодарского (соотношение 2,8 к 2 %) и Ставропольского краев (2,7 к 1,2 %). В Ростовской области самый высокий уровень этнической дискриминации на рынке аренды жилья наблюдается в городе-миллионере Ростове-на-Дону (5,4 %), несколько ниже этот показатель среди горожан других больших, крупных и средних городов (табл. 3). Исключение составил Ставропольский край, в котором наибольший показатель оказался в средних городах за счет того, что в эту группу вошел г. Буденновск, для которого характерно проявление посттравматического синдрома после известного террористического акта 1995 г. Доля объ-

явлений «для русских» составила в этом городе рекордную величину — 12,8 %.

В Ставропольском крае обнаружилась важная особенность,

Таблица 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЯВЛЕНИЙ О СДАЧЕ ЖИЛЬЯ РУССКОЙ СЕМЬЕ ПО ТИПАМ ГОРОДОВ, 15.01.2017 Г. (% К ИТОГУ)

Тип городов	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Город-миллионер	5,4	—	—
Крупные и большие города (100–1000 тыс. чел.)	3,4	2,9	2,8
Средние города (50–100 тыс. чел.)	1,7	2,7	4,8
Малые города (до 50 тыс. чел.) и сельская местность	1,8	2	1,0

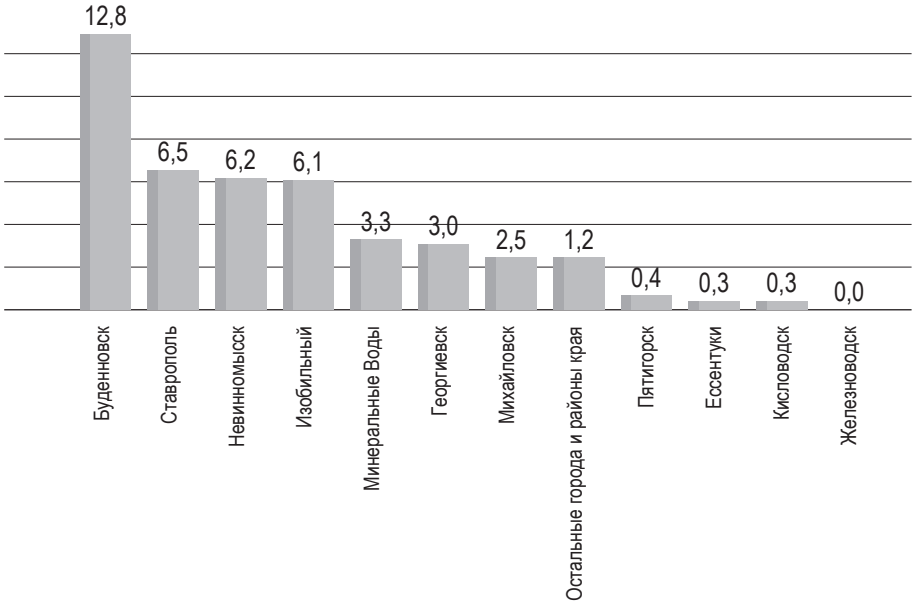


Рис. 2. Удельный вес объявлений «сдам русской семье» в Ставропольском крае, 15.01.2017 г.

Таблица 4. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОБЪЯВЛЕНИЙ О СДАЧЕ ЖИЛЬЯ РУССКИМ (СЛАВЯНАМ) ПО РОССИИ И СУБЪЕКТАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО И ПОСЛЕ ТЕРАКТА В ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕТРО

Регионы	15.01.2017 г., % к итогу	20.04.2017 г., % к итогу	Изменение, %(+/-)
Ставропольский край	2,7	4,1	+1,4
Краснодарский край	2,8	3,5	–0,7
Ростовская область	4,7	6,5	+1,8
Адыгея	1,5	1,8	–0,3
Карачаево-Черкесия	0,0	0,6	+0,6
Кабардино-Балкария	0,0	0,1	+0,1
Северная Осетия – Алания	0,1	0,1	0,0
Ингушетия	0,0	0,0	0,0
Чеченская Республика	0,0	0,0	0,0
Дагестан	0,1	0,0	–0,1
Всего по Северному Кавказу	2,8	3,7	+0,9
Всего по России	4,7	8,4	+3,7

связанная с пониженным уровнем этнических объявлений о сдаче жилья в курортных городах — Пятигорске, Ессентуках, Железноводске, Кисловодске. Возможно, это связано с курортной спецификой рынка жилья данных территорий. В свою очередь, в соседних некурортных поселениях этот показатель значительно выше (рис. 2).

Мониторинг уровня мигрантофобии на рынке аренды жилья показал его тесную зависимость от состояния террористической ситуации в стране. Сразу после теракта в петербургском метро, произошедшего 3 апреля 2017 г., и в ходе последующих оперативных мероприятий, связанных с задержанием организаторов теракта из среды центрально-азиатских мигрантов, значительно увеличилась доля объявлений с этнической окраской. Контент-анализ объявлений на сайте «Авито», проведенный 20 апреля 2017 г., показал, что удельный вес объявлений о сдаче русской или славянской семье в России вырос почти вдвое (с 4,7 до 8,4 %) во всех субъектах Северного Кавказа с преобладанием русского населения (табл. 4).

Выводы.

В целом уровень мигрантофобии на рынках аренды жилья в регионах Северного Кавказа невысокий. За последние годы дискриминация по этническому признаку в этой сфере значительно снизилась. Существенные скачки уровня мигрантофобии зависят от роста явных или потенциальных террористических угроз в России.

Уровень мигрантофобии пространственно дифференцирован. Наиболее высокие показатели характерны для регионов с преобладанием русского населения (Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев, Республики Адыгеи). В других северокавказских республиках мигрантофобия не выражена.

Внутрирегиональные различия в уровне мигрантофобии зависят от типа поселения. В сельских населенных пунктах негативное отношение к мигрантам встречается реже, чем в городах. Второй по значимости фактор — величина города. Как правило, чем крупнее город, тем больше этнически окрашенных объявлений на местном рынке жилья. Исключение составляют отдельные поселения с особыми обстоятельствами политического, социально-экономического, историко-культурного или демографического плана (например, Буденновск в Ставропольском крае, Аксай в Ростовской области, который фактически является «спальным районом» Ростова, с высокими показателями мигрантофобии; или города Кавказских Минеральных Вод с неожиданно низкими показателями).

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ*

СОЛОВЬЕВ И.А.

Ставропольский край относится к регионам, аттрактивным для иностранных мигрантов. В 1990-е годы наиболее массовыми категориями иностранных мигрантов в крае являлись стрессовые мигранты. Как известно, Ставрополье в течение последнего десятилетия XX в. приняло значительное число стрессовых мигрантов.

В частности, только статусных вынужденных переселенцев в регионе с 1992 по 2002 год зафиксировано около 80 тыс. человек [Ганеева Е.И. Современные миграционные процессы на Ставрополье // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: тезисы Международной научной конференции. Ставрополь, 2003. С. 68]. По этому показате-

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

лю Ставрополье занимало первое место в России. Большинство стрессовых мигрантов прибыло из стран ближнего зарубежья. В 2000–2010-е гг. Ставрополье также приняло значительное число иммигрантов. Только за 2006–2015 гг. в край прибыли 58,9 тыс. чел. иммигрантов[1]. В условиях активных международных миграций изучение проблем адаптации и интеграции мигрантов приобретает особую значимость.

Информационной основой исследования явились результаты массового письменного анкетирования иммигрантов, осевших в Ставропольском крае, организованного сотрудниками Лаборатории народонаселения СКФУ при участии Миграционной службы Ставропольского края. Опросы были проведены в два этапа — в 2001–2002 и в 2012 гг., объем выборки соответственно составил 815 и 958 чел. Выборка производилась на географической основе. Были включены крупный (региональная столица), большой (Пятигорск), малые и средние города края (Буденновск, Михайловск, Новоалександровск, Изобильный, Светлоград, Ипатово, Новопавловск, Благодарный, Нефтекумск, Георгиевск). Опрос в сельской местности охватил 15 муниципальных районов, в том числе 4 пригородных (Шпаковский, Кочубеевский, Изобильненский, Предгорный) и 11 периферийных (Ипатовский, Арзгирский, Красногвардейский, Новоалександровский, Новоселицкий, Труновский, Кировский, Туркменский, Левокумский, Нефтекумский и Курский). Основной целью настоящего исследования является выявление влияния географических факторов на адаптационно-интеграционные процессы. В первую очередь, нас интересовала зависимость скорости и качественных параметров адаптационно-интеграционных процессов от особенностей территории вселения (степени урбанизированности, типа населенного пункта, степени периферийности поселения в системе расселения края и т.п.).

Распределение выборочных единиц между поселениями производилось квотно, в соответствии с типом местности и разме-

1 Основные потоки миграции населения территорий Ставропольского края за 2012–2015 годы. (2013–2016). Информация получена 08.08.2017 с http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/statistics/population/.

ром поселения. В итоге было опрошено примерно равное число респондентов в сельской и городской местности, соответственно в больших и малых городах, периферийных и пригородных селах. Таким образом, опросом были охвачены 15 из 26 районов и 13 из 19 городов края. Опрашивались новоселы, проживающие на Ставрополье не более 10 лет.

Результаты опроса 2001–2002 гг.

Иммиграция этого периода носила преимущественно стрессовый характер. На первое место выдвигались экономические факторы адаптации.

Наличие жилья во многом определяло экономическую адаптацию стрессовых мигрантов первой волны. В целом жильем располагала большая их часть (50–78%), за исключением респондентов малых и средних городов края. Наиболее остро жилищная проблема стояла перед мигрантами городской местности и пригородных районов (табл. 1.). Основной причиной этого служит высокий уровень стоимости жилья в городах.

Не в пользу пригородных районов края отмечались различия и в степени благоустройства и состоянии домовладения. Только 30% жилья здесь находилось в

Таблица 1. ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЖИЛЬЕМ И ЕГО СОСТОЯНИЕ, 2001–2002 ГГ. (%)

Районы/ города	Наличие собственного жилья	Состояние жилья		
		Очень хорошее	Достаточно хорошее	Аварийное
Периферийные районы	78	28	30	37
Пригородные районы	63	30	18	52
Крупный город	64,8	50,9	24	25
Малые и средние города	49,7	49,1	18,6	32,2

хорошем состоянии, еще 52% в аварийном состоянии или требовало значительного ремонта. Например, в периферийных районах в аварийном состоянии находится только 37% домовладений. Имели в доме основные удобства – электричество, отопление, водопровод, газ — 55–100%, в целом по краю располагает этими удобствами от 64 до 100% жилищного фонда. В контексте благоустройства домовладений среди респондентов городов отмечаются по понятным причинам более оптимистические оценки.

Следующее важное условие адаптации – занятость мигрантов и степень удовлетворенности работой. Проведенный опрос показал, что 77–94% мигрантов сравниваемых групп имели ра-

боту. В целом по Ставропольскому краю, по данным выборочного обследования, в соответствии с методикой Международной организации труда, этот показатель в 2002 г. составлял 85%, что сопоставимо с результатами исследования. Наиболее острая ситуация на рынках труда (безработица составляла 23%) сложилась среди респондентов периферийной зоны, в которой к тому же повышенный вес занятых не по специальности. Благоприятное положение на рынках труда наблюдалось среди мигрантов крупного города и пригородных районов (табл. 2).

Таблица 2. УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ РЕСПОНДЕНТОВ, 2001–2002 ГГ.

Районы / города	%
Периферийные районы	23
Пригородные районы	8
Крупный город	6,1
Малые и средние города	14,8

Более половины (51–57%) анкетируемых были отчасти удовлетворены работой, 26% совсем не удовлетворены и только 14–16% полностью удовлетворены.

Негативные оценки объяснялись низкой зарплатой (55 и 57%). Далее мигранты по важности определили несоответствие квалификации (27 и 30%) и тяжелый труд (14 и 16%). Следует отметить то, что несоответствие специальности мигрантов значительно острее проявляется в малых городах и в сельских районах края, так как они располагают низкой емкостью рынков труда и меньшими возможностями для профессиональной занятости мигрантов, прибывших из других крупных, больших городов и из городов-миллионеров стран нового зарубежья и северокавказских республик.

Таблица 3. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ РЕСПОНДЕНТОВ (%)

Районы/ города	Зарплата	Личное хозяйство	Пенсия	Социальное пособие	Не указано
Периферийные районы	49	21	13	13	4
Пригородные районы	43	17	26	12	2
Крупный город	64,7	6,8	14,7	5,9	7,9
Малые и средние города	56,6	9,6	14,4	19,2	1,1

Основным источником дохода семьи респондентов назвали зарплату на основном месте работы (43–65%). По известным причинам ведущая роль личного хозяйства была характерна для сельских новоселов периферийных (21%) и пригородных районов (17%, табл. 3).

Из этого следует то, что наиболее острой проблемой приживаемости в периферийных районах края являются трудности, связанные с занятостью населения (в отличие от урбанизированных районов и городов).

Среди проблем, волнующих мигрантов, на первом месте названо трудное материальное положение — 22–72% анкетируемых, личное здоровье, поиски подходящей работы. Проблема этнических конфликтов беспокоила 6–13% исследуемых (табл. 4).

Таблица 4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, БЕСПОКОЯЩИЕ РЕСПОНДЕНТОВ, 2001–2002 ГГ.

Районы/ города	Трудное материальное положение	Поиски подходящей работы	Этнические конфликты	Личное здоровье	Не указано
Периферийные районы	58 %	23 %	6 %	10 %	3 %
Пригородные районы	72 %	17 %	6 %	–	5 %
Крупный город	22 %	13,5 %	12 %	10,5 %	42 %
Малые и средние города	27,3 %	17,3 %	13,2 %	2 %	40,2 %

В итоге 57% респондентов периферийных районов оценили свое материальное положение по пятибалльной шкале как неудовлетворительное, еще 40% определили его как удовлетвори-

тельное и только 10% — как хорошее. Ненамного радужнее, но все же лучшие оценки были получены в пригородных районах и городах: неудовлетворенных своим материальным положением здесь насчитывалось 37–49% (табл. 5). Такая оценка отражает особенности характера занятости мигрантов, доходов, обеспеченности их имуществом.

Таблица 5. ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ СВОЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ (%)

Районы / города	Негативные оценки	Положительные оценки				Не указано
	Неудовлетворительное	всего	в т. ч. удовлетворительное	в т. ч. хорошее	в т. ч. отличное	
Периферийные районы	57	40	30	10	—	3
Пригородные районы	45	34	24	11	—	21
Крупный город	36,7	63,3	38,5	23,8	0,9	—
Малые и средние города	49,3	50,7	32	18,6	—	—

В целом миграционная мобильность респондентов слабо выражена среди всех сравниваемых групп респондентов. В частности на вопрос о возможности переезда в другое место жительства отрицательно ответили респонденты окраинных районов, 77% родителей и 50% совершеннолетних детей. Решительнее настроены к смене места жительства совершеннолетние дети, из которых 26% допускали та-

кую возможность и еще 15% сомневались (табл. 6).

Это связано в первую очередь с учебными миграциями молодежи, ход которых не смог остановить системный кризис в стране. Также этому может способствовать, с одной стороны, удовлетворенность своим материальным положением новоселов, а с другой, отсутствие средств для

Таблица 6. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ, 2001–2002 ГГ. (%)*

Районы/ города	Миграционные настроения совершеннолетних детей			Миграционные настроения родителей		
	Собираются переехать	Не приняли окончательного решения	Не собираются	Собираются переехать	Не приняли окончательного решения	Не собираются
Периферийные районы	26	15	50	15	7	77
Пригородные районы	19	15	66	8	8	81
Крупный город	17,7	8,8	64,5	10,9	3,6	82,9
Малые и средние города	6,8	34,1	56,8	10,5	14	73,7

* С учетом респондентов, не ответивших на этот вопрос.

переезда. В частности, низкая мобильность новоселов крупного города (11% родителей собиралось переехать) объясняется тем, что около 3/4 респондентов

Таблица 7. ПРИЧИНЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ, 2001–2002 ГГ. (%)

Районы/ города	Жизнь на этом месте устраивает	Отсутствие средств для переезда
Периферийные районы	51	49
Пригородные районы	68	32
Крупный город	76,7	20,9
Малые и средние города	61,7	38,3

жизнь на этом месте устраивает, еще 21% анкетируемых сетовали на отсутствие средств для переезда (табл. 7). Из этого следует, что более успешный характер адаптации мигрантов на новом месте жительства — в городах и пригородных районах края[2].

Главным фактором смены региона проживания выступают экономические причины (для 33–58% исследуемых), другие причины (семейные, личные, близость горячих точек) почти равнозначны по важности. Боль-

2 Соловьев И.А. Адаптация мигрантов в приграничных сельских районах Ставропольского края // Миграционная ситуация в России / под общей редакцией Ж.А. Зайончковской. – М., 2002. С. 88–90.

Таблица 8. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ СМЕНЫ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕСПОНДЕНТОВ, 2001–2002 ГГ. (%)

Районы/ города	Экономическая	Личная	Семейная	Близость горячих точек
Периферийные районы	44	18	19	19
Пригородные районы	33,3	29,7	25,9	11,1
Крупный город	58,3	33,3	5	3,4

шинство новоселов планирует смену места жительства в пользу городской местности. При переселении мигранты рассчитывают опереться на собственные силы. Из тех, кто хотел переехать, 85% анкетируемых занимались поиском нового места жительства (табл. 8).

Территориальные особенности адаптации и интеграции мигрантов второй волны.

Выборка опроса (2012 г.) иммигрантов составила 958 респондентов. Массовое анкетирование позволило выявить территориальные особенности адаптации и интеграции иммигрантов на уровне городской (14 городов и пгт. — Невинномысск, Буденновск, Изобильный и др.) и сельской местности (11 районов — и др.), а также по зонам Ставрополья: 1. Ставропольская агломерация

(Ставрополь, Михайловск, Изобильный); 2. Города и районы КМВ (Кисловодск, Ессентуки, Минеральные Воды, Георгиевск, Железноводск, Иноземцево, Предгорный, Георгиевский и Минераловодский районы).

Исследование показало, что правовые, языковые и культурные особенности адаптации и интеграции иммигрантов на Ставрополье территориально нивелированы. По этим критериям в целом отмечается примерно одинаковая картина в рамках статистической погрешности (табл. 9, 10).

Таблица 9. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «ОЦЕНИТЕ ВАШ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ», 2012 Г. (%)

Ответы	Всего по краю	Городская местность	Сельская местность	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Русский язык – мой родной	17,54	17,22	14,55	14,0	15,5
Владею свободно (говорю, пишу, читаю)	38,91	36,89	48,48	42,7	38,01
Говорю свободно, пишу и читаю плохо	27,04	28,92	21,21	27,8	26,02
Говорю плохо, читать и писать не умею	14,65	14,91	14,55	14,0	18,13
Не владею русским языком	1,86	2,06	1,21	1,4	2,34

В свою очередь, экономические аспекты адаптации и интеграции иммигрантов пространственно дифференцированы. По данным социологического опроса, в городской мест-

Таблица 10. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «С КАКИМИ СТОРОНАМИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ ЗНАКОМЫ ГЛУБОКО?», 2012 Г. (%)

Ответы	Всего по краю	Городская местность	Сельская местность	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Обычаи, традиции	36,32	37,15	32,93	35,43	32,36
Литература и искусство	19,44	18,38	22,16	18,87	19,83
История	22,63	22,75	21,56	22,19	25,07
Религиозные ценности	13,58	12,85	15,57	12,91	11,66
Этикет, поведение в обществе	20,06	19,28	19,76	21,19	19,24
Знаком со всем поверхностно	34,98	33,55	44,31	39,4	30,9
Не знаком ни с чем	13,27	13,11	16,77	13,58	14,58

ности Ставрополья миграционная мобильность респондентов ниже, чем в сельской местности, что, возможно, является индикатором более успешных здесь адаптационно-интеграционных процессов. Причем самый низкий показатель желания мигрировать с территории Ставропольского края отмечается в городах Ставропольской агломерации (табл. 11).

Таблица 11. ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ МИГРАЦИОННЫХ ПЛАНОВ НА БУДУЩЕЕ, 2012 Г. (%)

Ответы	Всегопо краю	Городская местность	Сельская местность	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Остаться жить в Ставропольском крае	71,47	73,19	67,88	78,93	63,64
Переехать в другой регион России	3,84	3,37	5,45	1,0	4,11
Переехать в другую страну	0,1	1,04	0,61	0,33	0,29
Вернуться в прежнюю страну	4,05	4,92	0,0	7,02	1,47
Затрудняюсь ответить	20,54	14,51	20,61	9,7	24,93

Территориальная дифференциация между городом и селом подтверждается субъективными оценками иммигрантов своего материального положения. Среди горожан получены более позитивные данные по их благополучию (табл. 12).

Таблица 12. ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ СВОЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, 2012 Г. (%)

Ответы	Всего по краю	Городская местность	Сельская местность	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Живем хорошо, без особых материальных проблем	14,02	14,56	7,5	15,49	14,75
Живем более или менее приемлемо	50,21	50,72	46,88	53,54	45,43
Живем очень скромно	32,01	30,82	41,25	28,62	32,15
Живем за гранью бедности	3,77	3,9	4,38	2,36	7,67

Выводы.

Как показывает проведенное исследование, адаптационно-интеграционные процессы имеют вполне конкретные территориальные отличия. Пространственные особенности в адаптивном поведении мигрантов проявляются на уровне городской и сельской местности, а также между различными типами городов и районов. Причиной этому выступает социально-экономическая сегрегация административных территорий.

В целом наиболее благоприятная ситуация для стрессовых мигрантов первой волны складывалась в пригородных районах края, а также в крупных городах. В пригородных районах легче было решить жилищную проблему и найти работу. Для городской местности успешность адаптации определялась благоприятным положением новоселов на рынках труда, большая часть которых имела работу. И, напротив, здесь отмечалась сложная межэтническая ситуация и низкая обеспеченность жильем мигрантов.

Худшие примеры адаптации и интеграции мигрантов первой волны были характерны для малых городов и периферийных северо-восточных районов Ставрополья. В первых территориях в условиях социально-экономического отставания от крупных городов ситуация мало чем стала отличаться от сельской местности. В северо-восточных районах негативная ситуация для новоселов складывалась на рынках труда, где наблюдался наибольший уровень безработицы. К тому же в этих районах сложная межэтническая обстановка.

Социологическое исследование 2012 г. показало наличие территориальной дифференциации прежде всего экономических аспектов адаптации и интеграции иммигрантов. Главный пространственный раскол наблюдается между городом и селом. В целом горожане быстрее экономически адаптируются, нежели сельские жители, что связано с более высоким уровнем социально-экономического развития урбанизированных территорий. В свою очередь, проблемы натурализации, языковой и культурной интеграции в территориальном отношении нивелированы.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ*

СОЛОВЬЕВ И.А.

Масштабы международной миграции, культурная дистанция иноэтничных мигрантов от принимающих сообществ и их правовой статус определяют актуальность рассмотрения проблем адаптации и интеграции иностранных мигрантов в России и ее регионах.

Одним из привлекательных регионов России для иностранных трудовых мигрантов является Ставропольский край. Их численность уступает только иммигрантам. В 2000–2015 гг. в крае число иностранной трудовой миграции выросло в 10,9 раза, с 1,2 до 13,1 тыс. человек (табл. 1).

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

В нулевые годы, когда в стране отмечался быстрый рост ВВП, на Ставрополье число иностранных трудовых мигрантов выросло в 7,4 раза. Положительную

Таблица 1. ЧИСЛЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ, 2000, 2005–2010 ГГ. (ЧЕЛ.)[1]

2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
1205	2390	3364	5908	8984	7225	5693	11800	12240	13150

* Численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России. (2011). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-19.htm; Численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России в 2011 г. (2012). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-20.htm; Численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу. (2014). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-19.htm.

динамику этого показателя прервал мировой финансовый кризис 2008 г. Во время его и после его преодоления в 2008–2010 гг. число гастарбайтеров в крае сократилось в 1,6 раза. Однако в связи с введением патентов, разрешающих работать иностранцам у физических лиц, их число в 2010–2014 гг. значительно возросло (в 2,3 раза). Это связано с тем, что среди представителей кавказских народов значительно развита предпринимательская деятельность. Поэтому для многих мигрантов, в частности из стран Закавказья, не составляет труда оформить патент, в том числе у своих родственников или знакомых из числа предпринима-

телей. Сегодня, по данным официальной статистики, на Ставрополье трудится более 10 тыс. иностранцев.

Странами — миграционными донорами для России являются преимущественно государства СНГ. На их долю в 2011–2014 гг. в общей численности иностранных граждан, имевших разрешение на работу (без учета патентов), приходилось 83–85,2 %. В последние годы лидерство в этом потоке принадлежит Узбекистану, его удельный вес составлял 39–43 %. Из других стран наиболее массовый поток в Россию отмечается за счет Таджикистана (14 % в 2014 г.), Украины (13,4 %), Киргизии (7 %), Китая (6,9 %), Молдовы (3,9 %), КНДР (2,9 %), Армении (2,9 %) и Турции (2,3 %)[1].

Таким образом, миграционная аттрактивность Ставрополья для представителей различных народов из стран ближнего и дальнего зарубежья определяет этническую мозаичность международной трудовой миграции. Значительная культурная дистанция между принимающими мигрантов и их посылающими сообществами определяет серьезные трудности адаптационно-интеграционных процессов.

С целью исследования территориальных аспектов данной проблематики нами проведен массовый опрос трудовых мигрантов в 2012 г. С целью выявления ключевых территориальных особенностей адаптационно-интеграционных процессов трудовых мигрантов анкеты были распределены по городской местности (15 городов и пгт.) с разбивкой на две зоны: 1. Ставропольская агломерация (Ставрополь, Михайловск, Невинномысск, Изобильный); 2. Города и районы КМВ (Кисловодск, Ессентуки, Георгиевск, Минеральные Воды, Железноводск, Иноземцево). Изучение территориальных аспектов преимущественно в городской местности обуслов-

1 Россия в цифрах — 2015. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-10.htm.

лено тем, что трудовые мигранты массово проживают именно в городах края — Ставропольской и Кавминводской агломерациях. В результате опроса выявлено то,

Таблица 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «ОЦЕНИТЕ ВАШ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ», 2012 Г. (%)

Ответы	Всего	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Русский язык — мой родной	7,05	7,42	8,27
Владею свободно (говорю, пишу, читаю)	18,7	19,21	27,82
Говорю свободно, пишу и читаю плохо	33,33	31,88	33,83
Говорю плохо, читать и писать не умею	36,59	34,93	29,32
Не владею русским языком	4,34	6,55	0,75

Таблица 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «С КАКИМИ СТОРОНАМИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫ ЗНАКОМЫ ГЛУБОКО?», 2012 Г. (%)

Ответы	Всего	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Обычаи, традиции	22,74	24,55	24,63
Литература и искусство	9,04	9,82	9,7
История	11,23	12,5	10,45
Религиозные ценности	6,03	5,8	6,72
Этикет, поведение в обществе	12,05	12,05	22,39
Знаком со всем поверхностно	30,96	23,66	41,79
Не знаком ни с чем	32,05	39,73	12,69

что наиболее остро стоит языковая проблема и более высокая культурная дистанция у трудовых мигрантов Ставропольской агломерации, нежели Кавминводской. Это обусловлено тем, что Ставрополь более привлекательный

для трудовых мигрантов из стран Средней Азии, а Кавминводы — для жителей Закавказья (Армении, Азербайджана). Причем последние из них лучше знакомы с культурой и языком принимающего общества (табл. 2, 3).

Экономические аспекты адаптации трудовых мигрантов также территориально дифференцированы между двумя агломерациями. Причем более позитивные оценки по уровню благосостояния получены у респондентов ставропольской урбанизированной зоны, в связи с меньшим уровнем притязаний к величине заработной платы у мигрантов из Средней Азии в отличие от выходцев из Закавказья (табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ СВОЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, 2012 Г. (%)

Ответы	Всего	Ставропольская агломерация	Города и районы КМВ
Живем хорошо, без особых материальных проблем	10,45	9,63	10,16
Живем более или менее приемлемо	49,44	55,05	42,19
Живем очень скромно	36,44	32,57	45,31
Живем за гранью бедности	3,67	2,75	2,34

ВЫВОДЫ

Однозначно возможности для адаптации и интеграции трудовых мигрантов шире в районах с более благополучной социально-экономической ситуацией, где в итоге выше доходность деятельности, перекрывающая возможный дискомфорт от возникающих в процессе пребывания проблем. В Ставропольском крае к таким территориям относятся наиболее урбанизированные районы городов западной части (Ставрополь, Михайловск, Невинномысск) и регион КМВ. В остальной части края и уровень развития большинства сфер ниже, и социально-экономическая ситуация менее благополучная, что прямо сказывается на эффективности трудовой миграции.

В территориальном выражении процесса адаптации и интеграции трудовых мигрантов большую роль играют посылающие общества и особенности географии их расселения. Традиционно на Ставрополье наиболее привлекательным для мигрантов из Закавказья являлся район КМВ, в котором сформировались многочисленные армянская и азербайджанская диаспоры. В свою очередь, трудовые мигранты из Средней Азии при выборе места работы ориентируются главным образом на возможности трудоустроиться. Поэтому они преимущественно останавливаются в крупных городах, в том числе в Ставрополе.

В этих условиях повышенный удельный вес мигрантов из стран Закавказья в районе КМВ определяет там более успешные практики интеграции, и, напротив, в Ставропольской агломерации среди трудовых мигрантов преобладают узбеки с худшими языковыми и культурными позициями. При этом в экономическом отношении они менее притязательны и дают более высокие субъективные оценки своего материального благополучия.

СТРАТЕГИИ АДАПТИВНО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ НА СТАВРОПОЛЬЕ*

СОЛОВЬЕВ И.А., ЩИТОВА Н.А., БЕЛОЗЕРОВ В.С.

В последние годы Россия вошла в число главных стран-реципиентов в международной миграции. По количеству иммигрантов Россия входит в первую тройку стран в мире. В 2015 году по оценке МОМ (Международной организации по миграции) Россия уступала только США и Германии, всего здесь насчитывалось 11,9 млн иммигрантов [IOM Releases Global Migration Trends 2015 Factsheet. (2016). Retrieved 07.08.2017 from http://www.iom.int/news/iom-releases-global-migration-trends-2015-factsheet]. Масштабы международной миграции, культурная дистанция иноэтничных мигрантов от принимающих сообществ и их правовой статус определяют актуальность рассмотрения проблем адаптации и интеграции иммигрантов в России. При этом важную роль в успешности адаптации и включения иммигрантов в новый социум играют их стратегии адаптивно-интеграционного поведения. На эти процессы в свою очередь влияют социально-экономические особенности территорий, в том числе степень полиэтничности миграционных потоков и принимающего общества.

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

Целью исследования является выявление стратегий адаптивно-интеграционного поведения иностранных мигрантов в полиэтничном регионе. Ключевой территорией исследования выступает аттрактивный для мигрантов Ставропольский край, в котором сформировалась полиэтничная структура населения и протекают активные этнические миграции.

В современной науке накоплен значительный багаж знаний по данной проблематике. Особую актуальность приобрели труды по исследованию адаптационных стратегий мигрантов в рамках подхода Дж. Берри (J. Berry), при котором сосредотачивается внимание в процессе интеграции на аккультурацию, рассматривающуюся как альтернативу ассимиляции[1], а также проблем адаптации и интеграции в контексте миграционной политики. В частности, модели реагирования государств на иноэтничную миграцию (сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм) представлены в трудах зарубежных ученых — J. Headley[2], M. Waters, T. Jimenez[3].

В России в научный оборот введено понятие «активная миграционная политика», направленная на оптимизацию адаптационно-интеграционных процессов[4]. На основе этого подхода строят свои исследования социологи И.М. Кузнецов[5] и К.С. Мокин[6], выявляя адаптационные стратегии мигрантов (сценарии: интеграционный, анклавный, адаптивный, приспособительный) и рассматривая идентичность различных групп населения — участников этого процесса. В частности, И.М. Кузнецов изучает эту проблематику на примере мегаполисов. По его мнению, особенность интеграционного сценария адаптации состоит в том, что мигранты осознанно выбирают в качестве предпочтительных ценности и стандарты жизни в мегаполисах и готовы соответствующим образом менять свои традиционные нормы поведения. Анклавный сценарий адаптации задействуется в том случае, когда для мигрантов базовой диспозицией, не подлежащей изменениям, является ориентация на ценности своей традиции, культуры. В этом случае принимающая среда рассматривается преимущественно как социально-экономический ресурс более комфортного существования в рамках своей культурной традиции. Он также отводит важную роль рассмотрению интеграционного потенциала мигрантов[7].

В исследовании применялись социологические количественные и качественные методы. Изучение текущей миграционной си-

туации в Ставропольском крае производилось средствами статистического анализа. В результате были определены для проведения социологического исследования основные категории мигрантов, с учетом их массовости, этнического состава и факторов миграции, что в свою очередь влияет на адаптационно-интеграционные процессы.

Авторским коллективом на территории Ставропольского края в 1999–2002, 2012, 2014, 2016–2017 годах были проведенны массовые опросы разных категорий иностранных мигрантов в регионе:

1. Иммигрантов (из стран ближнего зарубежья).
2. Трудовых мигрантов (из стран СНГ).
3. Иностранных студентов (из стран ближнего и дальнего зарубежья).
4. Стрессовых мигрантов.

---

1 Berry J. (1992). Acculturation in a New Society, International Migration (pp. 69–85. Vol. 30).

2 Headley J. (2012). The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. — New Brunswick: Transaction Publishers (pp. 122).

3 Waters M. Jimenez, T. (2005) Assessing Immigrant Assimilation: New Empirical and Theoretical Challenges. Annual Review of Sociology (pp. 105–125. Vol. 31).

4 Мукомель В. Адаптация и интеграция мигрантов в России И. Иванов. Миграция в России 2000–2012 гг. Т. 1. Ч. 2. — М.: Спецкнига, 2013. — С. 692–700.

5 Кузнецов И. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегалополиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — М.: [И. Кузнецов], 2006. — С. 19–20.

6 Мокин К. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Саратов: [К. Мокин], 2007. — С. 10.

7 Кузнецов И. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегалополиса (на примере Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — М.: [И. Кузнецов], 2007. — С. 22, 79–94.

Количественные данные, полученные в ходе анкетирования целевых групп, были дополнены путем применения качественных социологических методов исследования (углубленное интервью и фокус-группы). При составлении опросных листов и гайдов для проведения фокус-групп использовался исследовательский опыт отечественных и зарубежных авторов — Д. Полетаева[8], И. Молодиковой[9], С. Рязанцева[10], Н. Хорие[11], В. Ильина[12], И. Штейнберга, Т. Шанина, Е. Ковалева, А. Левинсона[13].

Таблица 1. МИГРАЦИОННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ ЗА СЧЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В 2000–2015 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.*

2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
2,5	1,1	3,6	5,9	5,8	5,7	4,2	3,9	3,06

* Основные потоки миграции населения территорий Ставропольского края за 2015 год. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/statistics/population/.

Самой массовой категорией иностранцев на Ставрополье являются иммигранты, в том числе соотечественники. Ставропольский край относится к регионам, привлекательным для иммигрантов. В международном потоке Ставрополье имеет устойчивый миграционный прирост. В первой половине 2010-х гг. этот показатель составлял от 3,6 до 6,7 тыс. человек (табл. 1). Основную часть (91,9%) миграционного прироста

в международном обмене определяют страны ближнего зарубежья. В Ставропольском крае в 2015 году отмечалось положительное сальдо миграции со всеми странами СНГ. По известным причинам, более 2/3 (67,7%) миграционного прироста на Ставрополье в международной миграции со странами СНГ приходится на Украину. В первую тройку по этому показателю входят Армения (11,5%) и Азербайджан (8,2%) (табл. 2).

Таблица 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ ПО СТРАНАМ СНГ В 2015 Г.[16]

Страны СНГ	Миграционный прирост	
	чел.	%
Международная миграция со странами СНГ, в т. ч.:	3577	100
Украина	2422	67,7
Армения	410	11,5
Азербайджан	294	8,2
Узбекистан	151	4,2
Таджикистан	90	2,5
Молдова	57	1,6
Казахстан	52	1,4
Беларусь	43	1,2
Туркмения	44	1,2
Киргизия	14	0,4

* Основные потоки миграции населения территорий Ставропольского края за 2012–2017 годы. (2013–2017). Информация получена 08.08.2017 с http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/statistics/population/.

Более показательными для оценки количества иммигрантов в крае являются данные о количестве прибывших лиц в международном потоке. Только за «де-

Таблица 3. КОЛИЧЕСТВО ПРИБЫВШИХ В СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В 2006–2016 ГГ. (ТЫС. ЧЕЛ.)*

2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
5,1	4,8	5,8	4,1	6,3	6,7	7,2	8,3	8,4	8,1

* Численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России. (2011). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-19.htm; Численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России в 2011 г. (2012). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW. exe/Stg/d01/04-20.htm.; Численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу. (2014). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-19.htm.

сятилетку» (2007–2016 гг.) Ставропольский край принял 64,8 тыс. чел. иммигрантов (табл. 3).

Второй массовой категорией иностранцев на Ставрополье являются трудовые мигранты. В 2000–2015 гг. в крае число

Таблица 4. ЧИСЛЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ, 2000, 2005–2010 ГГ. (ЧЕЛ.)*

2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
1205	2390	3364	5908	8984	7225	5693	11800	12240	13150

* Россия в цифрах — 2015. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-10.htm.

иностранных трудовых мигрантов выросло в 10,9 раза и составило 13,1 тыс. чел. (табл. 4).

Миграционными донорами для России являются преимущественно государства СНГ. На их до-

лю в 2011–2014 гг. в общей численности иностранных граждан, имевших разрешение на работу (без учета патентов), приходилось 83–85,2 %. В последние годы лидерство в этом потоке принадлежит Узбекистану, его удельный вес составлял 39–43 %. Из других стран наиболее массовый поток трудовых мигрантов в Россию формируется за счет Таджикистана (14 % в 2014 г.), Украины (13,4 %), Киргизии (7 %), Китая (6,9 %), Молдовы (3,9 %), КНДР (2,9 %), Армении (2,9 %) и Турции (2,3 %)[14].

Третьей массовой категорией иностранных мигрантов в регионе выступают стрессовые мигранты из Украины. В связи с возникновением конфликта на востоке Украины в 2014–2015 гг. Россия приняла 1 млн чел. мигрантов. К 1 января 2016 г. статус лица, получившего временное убежище, вынужденного переселенца и беженца получили 339,8 тыс. чел. Из их числа на долю украинцев пришлось 91,7 % (311,6 тыс.)[15]. В силу приграничного положения

8 Полетаев Д. Современные тенденции развития образовательной миграции И. Иванов. Миграция в России 2000–2012 гг. Т. 1. Ч. 2. — М.: Спецкнига, 2013. — С. 360.

9 Молодикова И. Мобильность выпускников СНГ и стран Балтии после учебы в западных университетах (воздействие территориальных особенностей). И. Иванов. Миграция в России 2000–2012 гг. Т. 1. Ч. 2. — М.: Спецкнига, 2013.

10 Рязанцев, С. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — С. 231–235.

11 Рязанцев С., Хорие Н. Трудовые мигранты из стран Центральной Азии в Москве: факты, рассказанные самими мигрантами (некоторые результаты качественного исследования). В. Ионцев. Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации. — М.: МГУ, 2012. — С. 62–76.

12 Ильин В. Драматургия качественного полевого исследования. — СПб.: Интерсоцис, 2006. — С. 222.

13 Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы: полевые социологические исследования. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. — С. 228.

14 Основные потоки миграции населения территорий Ставропольского края за 2012–2017 годы (2013–2017). Информация получена 08.08.2017 с http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/statistics/population/.

15 Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году. (2016). Информация получена. 08.08.2017 с http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm.

Северного Кавказа по отношению к Украине в районе осело 18,5 % всех стрессовых мигрантов из этой страны. При этом на Ставрополье на начало 2016 г. стояло на учете лиц, получивших временное убежище, 7 675 человек. Почти все они из Украины (99,89 %). Чуть более половины беженцев из Украины являются украинцами (51 %), и почти столько же русскими (48,9 %)[16].

Четвертой важной категорией иностранных мигрантов в регионе выступают образовательные мигранты — студенты. В двух крупнейших университетах Ставрополя — Северо-Кавказском федеральном университете и в Ставропольском государственном медицинском университете — обучается 2,6 тыс. иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья[17]. В меньших масштабах представлены иностранные студенты и в других высших учебных заведениях края.

Таким образом, в Ставропольском крае осело значительное число иностранных мигрантов. По нашим расчетам, в крае проживает около 90 тыс. иностранцев, в том числе 64,8 тысячи иммигрантов, 13,1 — трудовых мигрантов, 7,7 — стрессовых мигрантов, 2,6 — студентов. Тесные миграционные связи региона со странами ближнего и дальнего зарубежья определяют полиэтничность международной миграции, что, в свою очередь, обостряет проблемы адаптации и интеграции мигрантов.

Исследование показало, что главнейшими индикаторами адаптационно-интеграционных процессов являются успешность решения проблем с приобретением жилья, трудоустройством, языковой компетенцией и натурализацией. При этом большую роль в решении этих проблем играет адаптивно-интеграционное поведение мигрантов, которое, в свою очередь, во многом определяется особенностями государственного регулирования миграционных процессов.

На современном этапе в условиях преимущественно добровольного характера миграционных процессов в большей мере проблемы адаптации и интеграции мигрантов решаются ими самостоятельно или с помощью знакомых, родственников и мигрантских сообществ, в частности оформленных в виде НКО. Повышенная роль государства в адаптационно-интеграционных процессах отмечается только для стрессовой миграции. Всего нами

было выявлено 5 ключевых стратегий адаптивно-интеграционного поведения иностранных мигрантов:

1. Выживания.
2. Благосостояния.
3. Поэтапной натурализации.
4. Ускоренной натурализации.
5. Языковой интеграции.

На протяжении 1990-х гг. для стрессовых мигрантов стратегию адаптивно-интеграционного поведения определяли экономические проблемы адаптации. На этом этапе роль государства была наименьшей, в силу несформированной миграционной политики и системного кризиса, при котором мигрантам нужно было рассчитывать только на свои силы. Важной особенностью стрессовой миграции первой волны выступало преобладание русских в структуре миграционных потоков, так как миграция в России имела репатриационный характер. В условиях открытой миграционной политики для таких мигрантов проблемы языковой интеграции и натурализации были слабо выражены или вовсе отсутствовали.

В сложившейся критической ситуации гуманитарной катастрофы для стрессовых мигрантов 1990-х годов популярной была *стратегия «выживания»,* ориентированная на решение жилищ-

16 Вынужденная миграция населения в Ставропольский край за 2015 год. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/4bd0ef00437a6e168059d3dd898fc419/BEJ.rar.

17 СКФУ развивает работу с иностранными студентами. (2016). Информация получена 08.08.2017 с http://www.ncfu.ru/zhizn/9744-skfu-razvivaet-rabotu-s-inostrannymi-studentami.html; История факультета иностранных студентов Ставропольского государственного медицинского университета. (2017). Информация получена 08.08.2017 с http://stgmu.ru/?s=academy&k=clinics&id=3&page=208.

ной проблемы. Именно поэтому многие стрессовые мигранты направлялись преимущественно в сельскую местность, в том числе Ставропольского края. В частности, в 1990-е годы в семь из десяти годов коэффициент миграционного прироста в сельской местности региона был выше, чем в городах. Здесь легче было решить жилищную проблему, так как в селах много находилось дешевых домов, при высокой стоимости жилья в городах. Кроме того, жилье на Ставрополье значительно дороже, чем в странах СНГ и северокавказских республиках. К тому же на селе, даже не имея работы, многие выживали за счет личного подсобного хозяйства.

По мере улучшения экономической ситуации в 2000-е гг., а также ее высокой поляризации между селом и городом, все чаще мигранты стали использовать *стратегию «благосостояния»* адаптивно-интеграционного поведения, связанную с трудоустройством. Поэтому многие стрессовые мигранты постепенно покинули села Ставрополья. Большинство иностранных мигрантов (трудовых, иммигрантов) начала XXI века также ориентируются на проживание в городах с выбором места работы, адекватного их квалификации.

При этом в реализации обеих стратегий адаптивно-интеграционного поведения активно используется механизм опоры на родственников и знакомых. С.В. Рязанцев отмечал, что для более трети (34,7 %) мигрантов главная причина выбора постоянного места проживания обусловлена нахождением в них родственников. Каждому второму (53,4 %) новоселу помогли обустроиться на новом месте родственники и друзья. Кроме того, 15,1 % респондентов-мигрантов проживали у родственников, еще 13 % жилье приобрели или построили с их помощью[18]. Наши исследования также подтверждают постоянство важности данного фактора в решении проблем экономической адаптации мигрантов в регионе. В 2012 г. в анкетировании на Ставрополье приняли участие 1345 иммигрантов и трудовых мигрантов. По данным опроса, почти 2/3 респондентов в процессе обустройства в России обязаны родственникам, друзьям и знакомым.

Помимо русских мигрантов, этот механизм особенно часто используют мигранты из стран Закавказья — армяне и азербайджанцы, диаспоры которых в крае многочисленны. Благодаря социальным связям иммигрантам легче решить социально-экономи-

ческие проблемы адаптации, а также легализовать правовой статус в России, в том числе за счет получения патентов.

В связи с ужесточением миграционной политики в России и ростом полиэтничности международных миграционных потоков выросло значение в адаптационно-интеграционных процессах решения проблем натурализации и языковой компетенции. Первая из них актуальна в том числе и для русскоязычных соотечественников. По сравнению с ними на второй план ушли проблемы экономической адаптации иностранцев. При этом мигранты по-прежнему при решении этих проблем должны рассчитывать на собственные силы.

В этих условиях приоритетной *стратегией* для иммигрантов в процессе адаптации и интеграции становится *«поэтапная натурализация»*. На первом этапе, как правило, иммигранты оформляют разрешение на временное проживание в России, а позже вид на жительство. Одновременно иммигранты решают языковую проблему. Реже первоначальный шаг к натурализации в России иммигранты делают через получение патента на осуществление трудовой деятельности и обретение разрешения на временное убежище в России. Возможность получить иностранцам патенты для работы у физических лиц повлекла за собой легализацию своего статуса в России бывших нелегальных мигрантов, прежде всего из закавказских государств (Армения, Азербайджан). О доминировании данной стратегии свидетельствуют результаты социологического опроса иммигрантов 2012 г. Из общего количества респондентов (около 900 чел.) 41 % анкетируемых имели разрешение на временное проживание в России, 18,8 % — вид на жительство и

18 Рязанцев С. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — С. 221–222.

34 % — патент или разрешение на работу. При этом проблему натурализации успешно удалось решить только 9,7 % респондентов.

После возникновения конфликта на Украине больше мигрантов стали получать российское гражданство по упрощенной схеме (в течение 6 месяцев) за счет программы добровольного привлечения соотечественников (*стратегия «ускоренной натурализации»*). Однако многие из них не пользуются этим правом. В частности, из 10 проинтервьюированных украинских респондентов 7 относились к стрессовым мигрантам, имеющим юридическое право стать участниками этой программы. При этом только 1 из них воспользовался возможностью получить российское гражданство по упрощенной схеме. Все остальные респонденты отдали приоритет стратегии поэтапной натурализации.

Исследование показало, что в других случаях процесс натурализации значительно осложняется и некоторые особенно «инертные» и юридически безграмотные мигранты не могут получить российское гражданство с конца 1990-х гг. Во многом этому способствует и слабая разъяснительная работа сотрудников миграционной службы.

Для иностранных мигрантов в условиях временного пребывания в России главной *стратегией* адаптивно-интеграционного поведения выступает *«языковая интеграция»*. К этой категории, прежде всего, относятся иностранные студенты, за исключением соотечественников. Исследование показало, что чем больше внимания уделяется в посылающих странах студентов изучению русского языка, тем более успешно реализуется языковая интеграция иностранных студентов из этих стран. Например, у студентов из Киргизии и Узбекистана ситуация с языковой компетенцией гораздо лучше, чем у студентов из Туркменистана.

Результаты исследования имеют фундаментальное и прикладное значение. По нашему мнению, они вписываются в имеющиеся знания, обогащая их новыми моделями стратегий адаптивно-интеграционного поведения, изучением закономерностей трансформации влияния государства на стратегии адаптивно-интеграционного поведения мигрантов, а также учетом влияния на эти процессы фактора полиэтничности и географии потоков.

Особенность нашей работы заключается в выявлении стратегий адаптивно-интеграционного поведения мигрантов в России

на протяжении всего постсоветского периода, а также их эволюции, что может иметь потенциал для дальнейших теоретических выводов. Выявление стратегий адаптивно-интеграционного поведения иностранных мигрантов в Ставропольском крае позволяет определить их недостатки и достоинства, которые влияют на характер адаптационно-интеграционных процессов. Учет степени эффективности выработанных стратегий адаптивно-интеграционного поведения иностранных мигрантов позволит оптимизировать миграционную политику в России на национальном уровне.

Значение данного исследования во многом определяет попытка выявления влияния социально-экономической поляризации России на стратегии адаптивно-интеграционного поведения. На примере Ставропольского края видно, что наличие крупных диаспор кавказских народов определяет здесь повышенное значение фактора родственных связей и высокую роль культурных автономий в решении проблем адаптации и интеграции мигрантов.

Исследование показало, что все стратегии имеют сильные и слабые стороны, определяющие успешность адаптационно-интег-

рационных процессов. В 1990-е гг. в стратегии «выживания» мигранты эффективно решали проблемы натурализации, но при этом имели низкий уровень материального положения. В свою очередь, при выборе стратегии «благосостояния» мигранты, напротив, успешнее преодолевали экономические сложности при возникающих после ужесточения миграционной политики в России трудностях с натурализацией и языковой компетенцией. Особенно острой проблема языковой интеграции стоит перед иноэтничными трудовыми мигрантами из стран Средней Азии и дальнего зарубежья, изолированность которых от принимающих сообществ наиболее выраженна. Причем многие из них находятся в России на нелегальном положении.

При выборе стратегии «поэтапной натурализации» мигранты успешно экономически адаптируются и интегрируются. Однако на решение этих проблем у многих из них уходят долгие годы. Более эффективная натурализация протекает по упрощенной схеме, но при этом соотечественникам зачастую приходится жить в не самых привлекательных территориях России, в том числе сельской местности, что негативно сказывается на экономической адаптации мигрантов. В процессе натурализации государство имеет наибольшее влияние на адаптивно-интеграционные стратегии поведения иностранных мигрантов.

При реализации стратегии «языковой интеграции» иностранные студенты сталкиваются с практически непреодолимыми сложностями в обучении, так как знание языка на бытовом уровне является недостаточным для усвоения программ высшего образования в России.

АДАПТАЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ*

ЩИТОВА Н.А.

В связи с активизацией мировых миграционных процессов, угрозы обострения экономических, политических и социокультурных рисков многократно возрастают. Последствия миграционного притока людей иной культуры очень сложны, разнообразны и далеко не всегда предсказуемы.

Россия сравнительно недавно включилась в глобальную миграционную систему, однако темпы прироста иностранных мигрантов в ее регионах одни из самых высоких в мире, а по числу иностранных мигрантов она вышла на третье место после США и Германии [IOM Releases Global Migration Trends 2015 Factsheet. (2016). Retrieved 07.08.2017 from

* Статья подготовлена при государственной поддержке ведущих научных школ по гранту Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Иностранные мигранты в России: стратегии и практики интеграции и адаптации в региональные сообщества» (проект № НШ-9300.2016.6).

1 Вишневский А.Г. Русский или прусский? Размышления переходного времени. — М., 2005. — С. 236–237; Зайончковская Ж.А. Вероятное развитие иммиграционных процессов в России // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.С. Белозерова. — Ставрополь, 2016. — С. 3–4.

http: //www.iom.int/news/iom-releases-global-migration-trends-2015-factsheet]. Приток иностранных мигрантов в Россию усиливается в связи с ростом диспропорций в уровне социально-экономического положения в странах так называемого ближнего зарубежья. В перспективе велика вероятность быстрого роста мигрантов и из других стран. Одновременно в стране усиливается необходимость в притоке иностранной рабочей силы. По мнению ряда известных исследователей, даже при условии повышения рождаемости численность населения в России удастся стабилизировать и увеличить в ближайшие 15–20 лет только за счет международных миграций[2]. В связи с этим актуализируется необходимость ясного понимания сути процессов адаптации и интеграции мигрантов, их вариативности в различных условиях жизни; последовательного выявления и анализа моделей и стратегий поведения мигрантов в территориях прибытия; настроений принимающего сообщества по его отношению к мигрантам.

Результаты, представленные в настоящей работе, получены на основе теоретического осмысления данных многолетних социологических исследований, проводимых на базе Лаборатории народонаселения и ГИС Северо-Кавказского федерального университета, включающих как количественные (анкетирование, интервьюирование), так и качественные (нарративные интервью, опросы экспертов, фокус-группы и др.) методики. Исследования проводились на территории Ставропольского края, Смоленской, Нижегородской, Тверской, Оренбургской, Белгородской областей.

Одной из важнейших задач, обозначенных в Концепциях государственной миграционной и общественной политики РФ, является создание условий для успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов[3].

Поток иностранных мигрантов неоднороден. В первом приближении его можно разделить на две части — временные трудовые мигранты и иммигранты (люди, въезжающие в страну на постоянное место жительства). И если для иммигрантов важны не только адаптационные, но и интеграционные параметры вхождения в новые сообщества, то для трудовых мигрантов особое значение имеет, в первую очередь, успешная социально-экономическая адаптация, интеграции может и не быть вовсе. Данная точка зрения поддерживается и другими исследователями, в частности

В.А. Ионцевым[4]. В данной работе мы рассматриваем адаптационно-интеграционные модели поведения иммигрантов.

Определяющим моментом и самой важной задачей успешной интеграции мигрантов в России является натурализация. Приоритетная стратегия для иммигрантов в процессе обретения российского гражданства заключается в получении разрешения на временное проживание, а впоследствии — вида на жительство. Реже первоначальный шаг к натурализации они делают через получение патента на осуществление трудовой деятельности и обретение статуса вынужденного переселенца. Некоторые иммигранты пользуются возможностью получения российского гражданства по упрощенной схеме. В частности, иммигрант В. (45 лет) из Узбекистана рассчитывал ускоренно получить гражданство благодаря наличию проживания в России его родной матери-пенсионерки. По разным причинам для многих иммигрантов проблема натурализации затягивается на годы. Из интервью иммигрантки Р. (33 года, Армения) известно, что еще в 2000 г. она совершила переезд в Россию, однако к 2015 г. проживала без гражданства. Для того, чтобы легально находиться на территории России, она каждый год оформляет патент на работу. Похожая ситуация произошла с А. (43 года, Армения), которая постоянно проживает на территории России без гражданства с 1998 г. Другой респондент А. (35 лет, Армения) на протяжении 10 лет не может решить задачу получения российского гражданства.

---

3 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года (утв. Президентом РФ от 20 ноября 2013 г.). — http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchestvennoi-bezopasnosti-v-rossiiskoi-federatsii-utv/; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). — http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/

4 Ионцев В.А., Абрамян Д.М., Ергалиев А.А. Вопросы теории и практики адаптации и интеграции мигрантов на Евразийском пространстве // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.С. Белозерова. — Ставрополь, 2016. — С. 5–10.

Второе важное обстоятельство связано с языковой проблемой. В целом, среди иммигрантов отмечается неплохой уровень свободного владения рус-

Таблица 1. УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ РЕСПОНДЕНТОВ

Варианты ответов	Количество респондентов, чел.	%
Русский язык - мой родной	195	14,67
Владею свободно (говорю, пишу, читаю)	443	33,33
Говорю свободно, пишу и читаю плохо	381	28,67
Говорю плохо, читать и писать не умею	276	20,77
Не владею русским языком	34	2,56

ским языком (33 %). Почти треть респондентов говорит на русском свободно, но пишет и читает плохо (табл. 1). Этнические русские (на бытовом уровне) владеют русским языком удовлетворительно. Однако большая часть представителей других этнических групп, особенно тех, кто моложе 40 лет, испытывают трудности разного уровня. При этом иммигранты пытаются самостоятельно преодолеть языковой барьер, на уровне домашнего самообразования и в бытовом общении с носителями русского языка. Очевидно, что для успешного решения данной проблемы требуются усилия со стороны работодателей, общества и государства.

Основная масса иммигрантов, выбирая регион прибытия, опи-

Таблица 2. ЦИТАТЫ ИЗ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ ИММИГРАНТОВ О ПОДДЕРЖКЕ РОДСТВЕННИКОВ И ЗНАКОМЫХ ПРИ ОБУСТРОЙСТВЕ В РОССИИ

Имя	Возраст, лет	Страна	Цитата
Гафуров	20	Узбекистан	«На Родине работы много, но платят мало. Раньше в Ставрополе работал родной брат, который предложил мне здесь работу»
Мартик	28	Армения	«Родственники здесь живут уже 20 лет, у них гостили в 2008 г., и мои дети родились в России. Люди здесь нормальные живут, есть работа, родственники помогают»
Абдусамад	53	Узбекистан	«Приехал к знакомому сослуживцу по советской армии, с которым вместе служили на Байконуре в 1979 г., в этом призыве служило 280 ставропольчан. С помощью сослуживца Игоря получил информацию о Ставрополе»
Курбангул	42	Таджикистан	«Сперва муж попал в Ставропольский край из Москвы, где узнал у знакомых, что есть работа в совхозе Тищенском. Потом я приехала к мужу»
Ануш	43	Армения	«Родственники здесь жили. К ним приехали в ст. Темнолесскую»
Илбумамед	28	Азербайджан	«Приехал погостить к дяде и остался здесь жить постоянно»
Евгений	36	Киргизия	«Мама уроженка Ставропольского края, является гражданкой России. Она еще в 1990-е гг. приехала в Россию и получила гражданство. Главная причина – наличие здесь родственников»
Арам	35	Армения	«Приехал в Кисловодск отдыхать к сестре, потом деньги закончились, поэтому остался здесь жить. Также у меня здесь живет брат»

рается на наличие здесь родственников или знакомых. По родственным каналам связи многие из них получают информацию о России, что позволяет им принять окончательное решение для переезда. Благодаря таким связям многие мигранты смогли быстро трудоустроиться и частично или полностью решить жилищные проблемы. Опросы показывают, что почти 2/3 приезжих

Таблица 3. СТОРОНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, С КОТОРЫМИ ЗНАКОМЫ РЕСПОНДЕНТЫ

Варианты ответов	Чел.	%
Обычаи, традиции	437	32,96
Литература и искусство	221	16,67
История	254	19,16
Религиозные ценности	157	11,84
Этикет, поведение в обществе	243	18,33
Знаком со всем поверхностно	439	33,11
Не знаком ни с чем	248	18,7

обустройством в России обязаны родственникам, друзьям и знакомым. Первоначально, по прибытии в Россию, они останавливаются у своих родственников и знакомых. Есть случаи, когда родственники передают иммигрантам недвижимость в дар, также близкие помогают иммигрантам решить и проблему трудоустройства (табл. 2).

Роль диаспор, общественных организаций и государственных органов в обустройстве мигрантов незначительна.

Невысока готовность к изменениям в культурно-бытовой сфере. Знание культурных особенностей принимающего сообщества недостаточно (табл. 3), особенно среди молодых иммигрантов, рожденных после крушения Советского Союза.

Успех интеграции иммигрантов во многом зависит от взаимоотношений с коренным населением.

Все острее обнажается проблема мигрантофобии в принимающем обществе. При этом обычно не делается разграничения между не столь большим потоком иммигрантов, которые навсегда связали свою судьбу с Россией, и более многочисленными гастарбайтерами, временно здесь пребывающими. Особенно выражено проявление мигрантофобии по отношению к иноэтничным мигрантам. Так, на вопрос «Считаете ли Вы, что представители каждой национальности должны проживать на своей этнической Родине?» более половины опрошенных дали утвердительные ответы. Почти 40 % респондентов считали возможным возникновение конфликтов между коренными жителями и этническими мигрантами в своем населенном пункте.

Экспертные углубленные опросы демонстрируют неоднозначное отношение к мигрантам со стороны разных слоев сообщества. Так, например, представители бизнеса признают необходимость привлечения мигрантов. Они отмечают усиливающийся дефицит квалифицированных специалистов в сфере культуры, образования, здравоохранения, особенно в сельской местности. С другой стороны, представители властных муниципальных структур считают, что миграция только усиливает напряженность на рынке труда, увеличивает нагрузку на социальную сферу, способствует росту преступности и межэтнической напряженности. Эта позиция, к сожалению, значительно более распространена среди обывателей и активно транслируется всему населению.

В последнее время наибольшая агрессия по отношению к иноэтничным мигрантам проявляется в молодежной среде. Опросы студентов г. Ставрополя демонстрируют неготовность даже наиболее образованной части молодого поколения региона к построению социального консенсуса с мигрантами. Большая часть опрошенных проявила безразличное, а около 20 % — даже негативное отношение к новым согражданам. Сочувствие и готовность помочь мигрантам в обустройстве высказали не более 10 % опрошенных. Вместе с тем нельзя не заметить позитивные сдвиги в позиции студенчества в 2015 г. Очевидно, что на изменение отношения в пользу мигрантов немаловажное влияние оказали инциденты на Украине, появление украинских беженцев и сопровождающий эти события информационный фон.

Вместе с тем, почти половина студентов не видит ничего положительного для своего региона от присутствия мигрантов. Особенно негативное отношение отмечается к этническим мигрантам из числа мусульман со стороны русскоязычных студентов.

Причем с 2005 по 2015 год отмечается усиление негативного тренда в 1,5–2 раза.

На примере Ставропольского края очевидно, что большинство иммигрантов успешно справля-

ются с решением адаптационных проблем. Они достаточно быстро трудоустраиваются и приобретают жилье. Между тем интеграционные решения не всегда эффективны. Так, многим в течение долгого времени не удается пройти процесс натурализации, решить языковую проблему и наладить хорошие отношения с коренным населением. Особенно сложна процедура натурализации для иноэтничных иммигрантов — армян, азербайджанцев и др. Также наиболее сложно иноэтничными иммигрантами решается языковая проблема, так как многие из них при переезде в Россию не понимают русский язык. В этом контексте большую роль должны играть диаспоры, религиозные организации, образовательная сфера и другие общественные учреждения.

Успешность адаптационно-интеграционных процессов зависит от ряда факторов.

Очень важна предварительная подготовка. Как правило, мигранты быстрее и легче преодолевают препятствия, связанные с переездом, если они заранее определились с местом будущей работы, продумали и оценили другие моменты обустройства на новом месте жительства. В случае стихийно принятых решений приживание крайне затруднено.

Длительность адаптационно-интеграционного периода может меняться в достаточно широких пределах — от 1–2 до 3–5 и даже более лет. Люди, живущие в данном месте более 10 лет, могут восприниматься как местное население, при условии, если интеграция идет без особых осложнений, в первую очередь правового характера. Наиболее остро адаптационные процессы проявляются в первые пять лет. Быстрота адаптационно-интеграционных процессов меняется в зависимости от уровня жизненной активности и эколого-хозяйственной лабильности мигрантов. Высокая жизненная активность проявляется в территориальной мобильности и повышенной рождаемости. Активное население достаточно быстро наращивает свою массу за счет как естественного, так

и механического движения, быстро воспринимает новые образцы поведения, придавая им этническую окраску и собственную интерпретацию, обладает хорошей корпоративностью. Эколого-хозяйственная лабильность выражается в быстром освоении новых природно-экологических и социально-экономических условий жизни, переходе на новые формы деятельности, внедрении в пусть даже малопрестижные, но высокодоходные сферы.

Благоприятная экономическая адаптация далеко не всегда свидетельствует об успешности социокультурной интеграции мигрантов в принимающее сообщество. В ряде случаев в этнических миграционных сообществах преобладает не интегративный, а адаптивный сценарий вхождения в принимающие сообщества, отсутствует глубокое овладение культурой, понимание особенностей принимающей стороны.

Преобладают потребительские модели по отношению к принимающему региону. Мигранты видят в принимающей территории только ресурс для экономического благополучия при сохранении своей исключительности и самобытности. Социокультурная интеграция допускает определенную степень культурной обособленности, но не изоляцию культурных групп и обеспечивает как культурную сохранность групп этнически разнородного общества, так и его устойчивость и це-

лостность, что приводит к позитивному росту взаимодействующих друг с другом сфер: экономической, политической и духовной.

Нами выделены три основные модели адаптации (инертная, активная и девиантная), каждая из которых в свою очередь имеет различные модификации.

Инертная модель предполагает формирование одного из распространенных для данного региона типов образа жизни. Попав в новые условия, люди пытаются перенимать те образцы поведения, которые соответствуют наиболее успешным стратегиям, обеспечивают благополучные варианты жизнедеятельности. Этот путь более предпочтителен для местного населения, так как при этом не возникает или возникает в меньшей степени вероятность дискомфортных взаимоотношений.

Активная модель связана с внедрением в сложившуюся региональную систему жизнедеятельности новых способов и форм поведения. В этих случаях переселенцы переносят на новую почву элементы образа жизни, уже выбранные ими в рамках прежнего опыта. В ряде случаев нестандартное, новационное поведение оказывается не только конкурентоспособным, но и более результативным с точки зрения социально-экономической адаптации. Такие процессы воспринимаются местным населением значительно болезненнее. Непривычные и более успешные поведенческие модели зачастую вызывают раздражение, формируют негативное общественное мнение, провоцируют конфликтные ситуации. Особую остроту все это приобретает, если миграции носят этнический характер. В этих случаях поведенческие стереотипы связываются с чертами национального характера и воспринимаются как чужеродные и негативные.

Девиантная модель отражает поведение, отклоняющееся от общепринятых образцов в данном сообществе, и носит, по сути, антиобщественный характер. Его следует рассматривать как дезадаптацию с точки зрения общественной безопасности. Мигранты,

выбравшие этот способ интеграции, зачастую ведут себя расторможенно, чувствуя, что жесткость социального контроля в новой среде ослаблена, они не всегда разборчивы в средствах, склонны к нелегальным способам заработка. Именно эти (возможно, не самые распространенные, но наиболее болезненные для социального окружения) формы поведения являются причиной развития различных мигрантофобий, а в случае этнических миграций и ксенофобий.

Таким образом, успеху адаптационно-интеграционных процессов в большинстве случаев препятствуют как эндогенные, связанные с этническими установками переселенцев, так и экзогенные факторы, продуцируемые принимающей средой. Важным условием успешной интеграции, со стороны мигрантов, является хорошее овладение языком принимающей стороны, стремление знать и принимать ценности местного сообщества, соответствовать ожиданиям и требованиям к ним как к членам данной территориальной общности, быстро устанавливать контакты с представителями других культур. Со стороны принимающего сообщества необходимо обеспечить равные, как и для местного населения, социальные условия и требования, не допускать проявления ксенофобий или мигрантофобий, способствовать формированию интеркультурных компетенций в обществе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозеров Виталий Семенович — доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Жиренко Галина Николаевна — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Зольникова Юлия Федоровна — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Овсянников Евгений Игоревич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Соловьев Иван Алексеевич — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатикии и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Супрунчук Илья Павлович — доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северокавказского федерального университета.

Тикунов Владимир Сергеевич — доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Черкасов Александр Александрович — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Чихичин Василий Васильевич — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

Чихичина Лариса Александровна — аспирант кафедры социально-экономической географии Северо-Кавказского федерального университета.

Щитова Наталья Александровна — доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета.

SUMMARY

Foreign migrants in Russia:

conceptual approaches and experience of practical research into adaptation and integration

MONOGRAPHIC VOLUME

Foreign migrants in Russia: conceptual approaches and experience of practical research into adaptation and integration. Monographic volume / edited by Prof. V.S. Belozerov, Prof. N.A. Schitova. — Stavropol: Publishing House FOK-Yug, 2017. — 242 pages

The volume contains accounts of the research carried out at the scientific school TRANSFORMATION OF REPRODUCTION, RESETTLEMENT AND LIFESTYLE OF POPULATION with support from the leading research schools under the grant of the President of the Russian Federation within the research project Foreign Migrants in Russia: Strategies and Practices of Integration and Adaptation in the Regional Communities (Project # НШ-9300.2016.6).

The monographic volume is recommended to scientists, practicing specialists, post-graduates, students, as well as to anyone taking interest in migration issues. Articles are published as edited by the authors.

ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ:

концептуальные подходы и опыт практического исследования процессов адаптации и интеграции

МОНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «ТоварищЪ».

Подписано в печать 28.11.2017. Формат 70 × 108 1/16.
Гарнитура «Arial». Усл. печ. л. 21,18. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ФОК-Юг.
Ставрополь, ул. Дзержинского, 158.